

A-853

В. К. АРСЕНЬЕВ —

В ГОРАХ
СИХОТЭ-АЛИНЯ

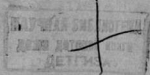

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1937

Работа В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня»
выходит в свет впервые. Работа эта представляет
собой дневник В. К. Арсеньева, переработанный
им незадолго до его смерти для печати, но еще
окончательно автором не отредактированный.

3366

1857-68 г.

678 770 кх рег.

Российская государственная
детская библиотека

ОТ АВТОРА

В 1908 году Приамурский отдел Русского географического общества снарядил экспедицию для обследования части Дальнего Востока, заключенного в границах: нижний Амур — на западе, пролив Невельского (Татарский) — на востоке, реки Хор и Самарга — на юге. Цель экспедиции естественно-историческая, продолжительность — 19 месяцев (с 24 июня 1908 года по 20 января 1910 года).

В состав экспедиционного отряда вошли следующие лица: начальник экспедиции, автор настоящей книги В. К. Арсеньев, и его сотрудники: помощник по хозяйственной и организационной части Т. А. Николаев, известный флорист Н. А. Десулави, естественник-геолог С. Ф. Гусев и большой знаток охотничьего дела и сотрудник журнала «Наша охота» И. А. Дзюль. Кроме того в экспедицию были назначены семь человек стрелков от 23-го Восточносибирского стрелкового полка: Петр Вихров, Станислав Глегола, Михаил Марунич и Иван Туртыгин, от 24-го Восточносибирского стрелкового полка: Михаил Курашев, Илья Рошков и Павел Ноздрин и от Уссурийского казачьего дивизиона казаки: Григорий Димов и Иван Крылов.

В начале июня Т. А. Николаев получил задание отправиться морем в Императорскую (ныне Советскую) гавань и устроить три питательных базы: 1) при устье реки Самарги, 2) при реке Ботчи и 3) в бухте Андреева. По прибытии в Императорскую гавань ему надлежало повидать ороцких старшин и узнать, в бассейне какой реки выйдет экспедиция после перевала через Сихотэ-Алинь, и тогда по этой реке с запасами продовольствия идти ей навстречу. С Т. А. Николаевым отправились все стрелки, а с автором пошли: Н. А. Десулави, С. Ф. Гусев, И. А. Дзюль, Чжан-Бао и оба казака, Иван Крылов и Григорий Димов.

Все участники экспедиции были одеты однообразно. Летняя одежда состояла из рубах защитного цвета, таких же штанов, поясного ремня, фуражки и трех смен белья. Для защиты от парази-

тов была заготовлена одна пара дегтярного белья, которая надевалась по очереди, когда это было нужно. Обувь была сшита в Хабаровске по форме ороцских унтов. Автор рассчитывал также приобрести их у местного туземного населения. Кроме того все имели для защиты от комаров: сетки на головы, нарукавники и нитяные перчатки. Зимняя одежда состояла из меховых шапок с наушниками, полушубков, теплого белья, суконных шаровар, шерстяных перчаток и той же туземной обуви, но только большого размера. Для ног каждый участник экспедиции имел по паре суконных обмоток. Они хорошо защищают голени от ушибов и гораздо удобнее кожаных голенищ.

Летние палатки, как и во время путешествия 1906—1907 годов, отсутствовали. Взамен их были взяты комарники. Зимой путешественники были лучше обставлены. Прежде всего имелся большой суконный шатер, в котором свободно могло разместиться до двадцати человек. Он имел вид шестиугольной призмы, покрытой шестиугольной же пирамидой, и держался на одном колу, поставленном посредине. К углам его были прочно пришиты кольца с длинными веревками, при помощи которых шатер и растягивался во все стороны. Свет во внутренность его проникал через два небольших окна с толстыми стеклами. Обстановка зимней палатки состояла из коллекционных ящиков, складного столика со свертывающейся доской и обрезков древесных стволов, заменяющих стулья. Чугунная печка с вращающимся флюгером на трубе давала тепла больше, чем нужно. На ней варили чай и кипятили воду для стирки белья. Обед и ужин варились снаружи. Пол в шатре прикрывался еловыми ветками и сухой травой. Все спали вместе, плотно прижавшись друг к другу и прикрывшись сверху шерстяными одеялами и полушубками.

Начальник экспедиции и его спутники были вооружены винтовками системы Маузера и Винчестера и дробовыми ружьями Зауэра и Ремингтона с достаточным запасом пороха и дроби. Стрелки имели трехлинейные винтовки без штыков, патронташи и по триста патронов на человека.

Бивуачное снаряжение состояло из поперечной пилы, двух лопат, нескольких топоров, котелков с дужками разной величины, входящих друг в друга, сковороды, поварежки, эмалированных чашек для еды, кружек и пр.

Необходимой принадлежностью всякой продолжительной экспедиции является комплект плотничных и слесарных инструментов. Не забыта была также походная аптечка с достаточным запасом перевязочного материала.

Особое внимание было уделено ищущему снаряжению экспедиции.

Всем успехом своего предприятия автор обязан самоотверженной и бескорыстной службе своих младших сотрудников. Несмотря на то, что их сверстники были уволены в запас армии, несмотря на полную возможность уехать из Императорской гавани во Владивосток на пароходе, они, понимая, что уход даже одного человека из отряда был бы очень чувствителен, добровольно остались до конца экспедиции. Едва ли когда стрелкам и казакам приходилось переносить большие лишения, чем вынесли эти скромные труженики. Несмотря на постоянное переутомление и физические страдания от холода и голода, которых невозможно передать словами, они мужественно боролись с природой и не жаловались на свою судьбу. Многие из них погибли во время империалистической войны. Какая судьба постигла остальных — не знаю.

Автор считает себя весьма обязанным И. В. Палибину, определившему растения, собранные на побережье моря, после отъезда Н. А. Десулави. По просьбе И. В. Палибина, мхи определил профессор Бротерус в Гельсингфорсе, лишайники — доктор Цалькбрукнер в Вене и морские водоросли — профессор Окамура в Токио. Другие специалисты любезно взяли на себя работу: Я. С. Эдельштейн — по обработке петрографического материала и С. А. Бутурлин — по определению птиц.

С такими материалами автор чувствует себя во всеоружии и с уверенностью приступает к физико-географическому описанию маршрутов, пройденных им в 1908—1910 годах.

Рассматривая карту Дальневосточного края, мы замечаем, что некоторые пути обследования его были особенно излюблены. Одни ученые за другими идут по проторенным дорожкам. Большинство совпадающих маршрутов мы видим: 1) в районе реки Суйфуна и около города Никольска-Уссурийского, 2) по восточному берегу озера Ханка, по реке Сунгаче и по реке Уссури, 3) по рекам Даубихе, Улахе, Фудзину и далее через Сихотэ-Алинь к морю, 4) по нижнему течению рек Бикина, Имана и Ваку.

Меньше всего исследований производилось в прибрежном районе к северу от залива Ольги и в центральной части горной области Сихотэ-Алиня.

Самым первым исследователем нижнего Амура является казачий старшина Василий Поярков, который в 1643 году со 132 казаками, будучи послан якутским воеводой Петром Головинным, прошел в Амурский край таким путем, который после него никто из русских не повторил. Поярков поднялся из Якутска по реке

Алдану, Учтуру и Гонаму и, перевалив через Становой хребет, спустился по рекам Брянте и Зее к Амуру, а по ней проплыл до устья и вышел в Охотское море. В 1646 году Поярков благополучно вернулся в Якутск после четырехлетнего путешествия, сопряженного с большими лишениями, потеряв половину своего отряда, частью в битвах с даурами, частью от голода и болезней¹.

Следом за ним в 1647 году казак Семен Щелковников спустился по реке Амуру и, войдя в лиман, направился на север к устью реки Охоты.

Приблизительно через полтора года после Пояркова на Амуре появляются два японских путешественника: Могами Токнаи в 1785 году и Мамия Ринзо в 1808 году.

Ссылный Васильев трижды плывал до устья реки Амура (1815—1826 годы), но всякий раз манчжурцы задерживали его на возвратном пути и выдавали нашему правительству. При допросе он дал подробные сведения о климате, природе и богатстве недр края, проверенные потом Ладыженским в 1832 году.

В 1845 году французский миссионер де ла Брюньер по поручению китайского императора Кханси предпринял путешествие на реку Амур. 16 июля он отправился из города Сансина на восток по узкой тропе и, пройдя 120 миль, 19 сентября достиг реки Амура, где и зимовал в гольдской деревне Фурме². 5 апреля 1846 года он поплыл к устью реки Амура и близ деревни Гутонг был зверски убит туземцами. Они вырвали у него глаза, выбили зубы и оставили тело на берегу, где оно лежало до тех пор, пока волны Амура не унесли его в море³.

Другой миссионер Рено, посланный викарием Манчжурии Веродем для расследования участи де ла Брюньера, в 1850 году спустился по реке Амуру почти до деревни Ху-Дунь, расположенной около озера Кизи. Экспедиция Рено не дала никаких результатов, кроме печального повествования о гибели де ла Брюньера.

1849 год является знаменательным на Дальнем Востоке. Г. И. Невельский при обследовании Амурского лимана установил, что Сахалин есть остров, а не полуостров, как думали раньше. Следствием его открытия явились торговые сношения одной Североамериканской компании с туземцами реки Амура, но купцам в самую реку воспрещено было входить, чтобы не вызвать осложнений с Китаем.

¹ П. Словцов, Историческое обозрение. Сибирь, 1886 г. Также смотри Н. Боголюбский, Очерк Амурского края, 1876 г.

² У подножия хребта Хехцир, о чем речь будет ниже.

³ А. Мичи, Путешествие на восток Сибири, 1868 г.

Г. И. Невельский, узнав, что владычество сынов Поднебесной империи не распространяется так далеко на восток, превысил данную ему инструкцию, вошел в реку Амур, основал Николаевский пост, обращенный впоследствии в город Николаевск, и проплыл по реке около ста верст до озера Кизи. 1 августа 1850 года он поднял русский флаг и салютовал ему из орудия¹.

Лейтенант И. Бошняк в 1852 году тоже достиг озера Кизи и оттуда сухопутьем прошел в залив де Кастри. Ему принадлежит честь открытия залива Хади, который он окрестил Императорской гаванью².

С открытием навигации в 1854 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев с отрядом забайкальских казаков и частей 13-го и 14-го линейных батальонов спустился на баржах и плотах по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до поста Марининского, основанного им у входа в озеро Кизи³.

В августе того же года от устья реки Амура к Усть-Стрелочному караулу на пароходе «Надежда» пришел адмирал Путятин и с ним Посьет, впоследствии министр путей сообщения. Последний был в кругосветном плавании на фрегате «Диана», после крушения которого доставил экипаж в город Петропавловск-на-Камчатке, а оттуда проездом через Амур отправился в Иркутск и далее в Петербург⁴.

Следующим исследователем в хронологическом порядке будет академик Л. Шренк, совершивший в 1854—1856 годах путешествие по Амуру до ее устья и по Уссури до реки Нор. Его этнографические исследования касаются главным образом гольдов, ольчей и гильков⁵.

Весной 1856 года путь по Амуру от Усть-Стрелочного караула

¹ «Подвиги русских моряков на крайнем востоке России в 1849—1852 гг.» и «Морской сборник», 1878 г., №№ 3 и 4.

² И. Бошняк. Экспедиция в Приамурский край. «Морской сборник», 1858 г., № 12. Ныне Императорская гавань переименована в Советскую гавань.

³ Свербеев, Описание плавания по реке Амуру. (Экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири 1854 г.) «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857 г., книга 3.

⁴ Р. К. Богданов. Воспоминание амурского казака о прошлом. «Записки Приамурского отдела Русского географического общества», 1900 г., том V, вып. III. См. также: П. В. Шумахер, К истории приобретения Амура. (Наши сношения с Китаем, 1848—1860 гг.) «Русский архив», 1878 г., № 11, стр. 257—343.

⁵ Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Изд. Академии наук, 1883 г. и «Вестник Русского географического общества», 1857 г., книга 19.

до поста Николаевского совершил чиновник Департамента уделов Г. Пермыкин¹.

В 1856 году 13-й линейный батальон на лодках был отправлен из поста Марининского обратно в Забайкальскую область. Суровая зима застала солдат в походе. На несчастье баржа с хлебом, посланная им навстречу, села на мель где-то в верховьях Амура. Этот беспримерный поход плохо одетых и голодных солдат мало кому известен. Весь путь 13-го линейного батальона со времени ледостава был усеян трупами. Люди кормились мясом мертвецов, но это не спасло их от гибели. Плохо одетые и почти босые, они замерзали на привалах, не имея сил подняться, чтобы поддержать огонь угасающего костра.

Как только возникли переговоры русского правительства с Китаем в 1857 году, граф Муравьев-Амурский послал в Уссурийский край геодезиста Усольцева, который проплыл по реке Уссури и Сунгаче до озера Ханка. Затем он поднялся по реке Лефу, но не дошел до ее истоков и приблизительно с половины пути повернул к юго-западу, вышел на реку Суйфун и спустился по ней до Амурского залива, названного так потому, что устье Суйфуна в то время принималось за устье Амура. Усольцев разъяснил это заблуждение².

Горный инженер Н. П. Аносов в том же 1857 году проплыл по Амуру до его устья, а в следующем, 1858 году поднялся по реке Уссури до Имана и по этой последней реке до местности Картуи. Затем он прошел по реке Сунгаче и по восточному и южному берегам озера Ханка до реки Мо. Последний маршрут Аносов сделал по реке Даубихе, почти до ее истоков³.

Чсть сделать первое пересечение через Сихотэ-Алинь принадлежит М. И. Венюкову. В 1857 году по поручению графа Муравьева-Амурского он отправился по реке Уссури, потом по ее притоку Улахе и по реке Фудзину, затем перевалил через хребет Сихотэ-Алинь и вышел на реку Тадушу. Венюков хотел было пройти к заливу св. Владимира, но собравшиеся в большом количестве вооруженные китайцы преградили ему дорогу и потребовали, чтобы он возвратился обратно. Тогда Венюков на берегу моря, при устье реки Тадушу,

¹ Г. Пермыкин, Путевой журнал плавания по Амуру. «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1857 г., книга 2.

² Усольцев, Заханкайский край. «Вестник Русского географического общества», 1857 г., книга 22. Также: «Морской сборник», 1864 г., № 6.

³ «Отчет о действиях амурской прискоковой партии в Приморской области в 1857—1858 гг.», «Иркутские губернские ведомости», 1860 г., №№ 7, 8, 12, 14, 16, 17.

воздвигнул деревянный крест, на котором вырезал надпись: «Я был здесь в 1858 году. М. Венюков».

Восемнадцатого июня он повернул назад и через двадцать два дня той же дорогой вернулся на Уссури¹.

1859 год был особенно богат исследованиями. Одна экспедиция следует за другой. Это был период ознакомления с правыми притоками Уссури и землями на юг к границам Кореи. Астроном Гамов производит ряд геодезических работ по Амуру и Уссури. Им были определены крайние географические координаты на реке Улахе (между устьями рек Фудзин и Ното), затем он прошел по реке Сунгаче до озера Ханка и той же дорогой вернулся обратно. Один из мысов в заливе Посъет назван его именем².

В том же 1859 году Уссурийский край посетил академик К. И. Максимович. Он поднялся по долине Уссури, затем по реке Улахе до устья Фудзина, прошел по долине этой последней до истоков, перевалил через водораздельный хребет Сихотэ-Алинь и спустился по реке Вай-Фудзину (Аввакумовке) к заливу Ольги. Результатом его исследований было обширное ботаническое сочинение, за которое он получил премию имени П. Н. Демидова. Насколько ценны работы К. И. Максимовича, говорить не приходится. Это известно каждому, кто хоть мало-мальски ознакомился с литературой местной флоры. Он первый установил, что флора Уссурийского края есть флора манчжурская. Множество растений названо именем этого исследователя³.

Министерство государственных имуществ для исследования лесов в Уссурийском крае командировало корпуса лесничих капитана Будищева и топографов Корзуна, Лубенского и Петровича. Экспедиция Будищева работала с 1867 года. Эти труженики ознакомили нас с географией южной части Сихотэ-Алиня. Прибрежный район к востоку от водораздельного хребта они назвали Зауссурийским краем⁴. Сам Будищев осмотрел долину Уссури, реки Даубихе и Лефу,

¹ М. Венюков, Обзорение реки Уссури и земель, лежащих к востоку от нее до моря. «Вестник Русского географического общества», 1859 г., часть 23-я, № 4.

² «Из путевых записок астронома капитана Гамова, определявшего в 1859 году местность рек Амура и Уссури». «Записки Русского географического общества», 1862 г., книги 1 и 2.

³ К. Максимович, Очерк верхнего Уссури и юго-восточного манчжурского побережья. «Записки Русского географического общества», 1861 г., № 3.

⁴ «Сборник главнейших официальных документов по Управлению Восточной Сибирью», том V. Леса Приморской области, 1898 г.

озеро Ханка, затем спустился вдоль государственной границы до реки Суйфуна, описал леса в окрестностях селений Барабаша, Никольского, Новокиевского, на полуострове Муравьево-Амурском, был на Улахе, Фудзине и через Сихотэ-Алинь, по Вай-Фудзину (ныне Аввакумовке) спустился к морю. Топограф Корзун поднялся более чем до половины по Иману и Ваку и по реке Бикину до верхнего его притока Бягаму, но дойти до Сихотэ-Алиня ему не удалось. Недостаток продовольствия принудил его вернуться обратно на Уссури. Третий спутник Будищева, Петрович, обследовал болотистые низины и леса по правому берегу Амура от устья реки Анюя (Дондон) до озера Кизи. Потом мы узнаем о его маршруте к заливу де Кастри и далее по берегу моря до реки Хои, откуда Петрович проник на реку Тумнин и спустился по ней до устья. Наконец Лубенский описал леса по долине реки Амура от Хабаровска до поста Николаевского.

Одновременно с Будищевым Уссурийский край посетил известный натуралист Р. Маак. Совместно с этнографом Брылкиным в начале июня 1869 года он прибыл к устью Уссури и поднялся по ней до реки Сунгачи. По этой последней он проплыл до озера Ханка и обошел его с восточной, южной и западной сторон. После неудачной попытки подняться далее вверх по реке Уссури Маак возвратился обратно на Амур. Исследования этого ученого поражают тонкостью наблюдений и громадным количеством собранного материала. Множество видов насекомых и растений названо его именем¹.

Третий французский миссионер Жербильтон отправился для обследования Амура в 1861 году. Недалеко от устья реки Сунгари он встретил русских и охотно принял их предложение доехать с ними до поста Николаевского. В том же году Жербильтон возвратился обратно².

Вслед за Мааком в 1860 году в течение трех лет обследованием края занимается выдающийся геолог и палеонтолог Ф. Б. Шмидт. С ранней весны 1860 года он занимался исследованиями берегов Амура от устья реки Сунгари до поста Николаевского с заходом в озеро Кизи и залив де Кастри. После работ на острове Сахалине Ф. Б. Шмидт в июне 1861 года переехал морем во Владивосток. Отсюда он совершил две поездки: первую — от залива

¹ «Путешествие по долине реки Уссури, совершенное на средства С. Ф. Соловьева». «Записки Сибирского отдела Русского географического общества», 1861 г., том I.

² А. Мичи, Путешествие на восток Сибири, 1868 г.

Посыет к устью Суйфуна и озеру Ханка, а вторую — по реке Сунгаче и Уссурю до селения Хабаровки¹.

В 1867—1869 годах вновь приобретенную страну посещает знаменитый впоследствии путешественник Н. М. Пржевальский. Маршруты его были те же, что и у Усольцева, Будищева и Венюкова. Он поднимается по реке Уссурю и Сунгаче, работает около озера Ханка, затем идет на реку Лефу и оттуда к городу Владивостоку. Из Владивостока Н. М. Пржевальский пошел по побережью моря на реку Сучан, реку Судзухе и далее к посту Ольги и к заливу Владимира. Свои исследования он закончил маршрутом через Сихотэ-Алинь на Фудзин, Улахе и Уссурю².

Еще через год (в 1870 году) горный инженер И. Боголюбский в поисках рудных месторождений прошел по реке Уссурю к Владивостоку, оттуда тропой на реку Сучан и на реку Ванчин и побывал в заливе Ольги. Собрав сведения о землях прибрежного района к северу от Ольгинского поста, он в сопровождении китайца сделал попытку проникнуть на реку Тютихе, но его проводник-китаец умышленно или нечаянно заблудился, и он, не дойдя до намеченного пункта семи верст, повернул назад³.

В 1871 году Уссурийский край навещает лучший синолог того времени — архимандрит Палладий. Мы обязаны ему замечательными открытиями по археологии и истории края. Он проехал по рекам Уссурю и Сунгаче, был на озере Ханка, оттуда перешел на реку Суйфун, посетил село Никольское и прибыл в пост Владивосток. К сожалению, из трудов этого ученого сохранились только отрывочные письма. А. Палладий умер по дороге в Россию в 1872 году⁴.

Еще через три года партия топографов под начальством Л. А. Большева производит инструментальную съемку прибрежной полосы Зауссурийского края (шириною от одной до пяти верст), от

¹ Исторические отчеты о физико-географическом исследовании начальника физического отдела Сибирской экспедиции.

«Труды Сибирской экспедиции Русского географического общества». Физический отдел, 1866—1868 гг. том I.

² Н. М. Пржевальский, Путешествие в Уссурийском крае, 1870 г.

³ И. Боголюбский, Поиски рудных рождений в Приморской области, 1870—1871 гг. «Отчет Сибирского отдела Русского географического общества», 1871 г.

⁴ Арх. Палладий: 1) «Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Манчжурии». «Записки Русского географического общества», 1878 г., том VIII; 2) «Путешествие в Амурский и Уссурийский края». «Двадцатипятилетие Русского географического общества», юбилейное издание, 1872 г.; 3) «Записки Русского географического общества», 1871 г., том VII.

залива Рында к северу до залива де Кастри. Тяжелые условия, при которых пришлось работать топографам на пустынном в то время берегу, дали С. В. Максиму богатый материал для его рассказов¹.

Следующим в хронологическом порядке исследователем Уссурийского края является И. П. Надаров. В 1882 году он поднялся по Бикину до местности Цамо-Дызна и по Иману до устья реки Тайцзи-бери. Другой раз с реки Ваку он прошел на реку Улахе, поднялся по ней до половины и, повернув назад, вышел к урочищу Анучино и оттуда к Уссурийской железной дороге. И. П. Надаров дал много сведений по географии края и написал очерки из жизни уссурийских мана².

Археологические и этнографические исследования Ив. Полякова относятся главным образом к острову Сахалину, но он также работал и в Южноуссурийском крае. В июле 1882 года он высадился во Владивостоке и направился по долине реки Суйфуи к селению Никольскому (впоследствии город Никольск-Уссурийский)³.

Продолжателем работ Палладия является основатель Общества изучения Амурского края Ф. Ф. Буссе. Работы его относятся к 1883—1889 годам. Разъезжая по области в качестве заведующего переселенческим делом, Буссе обратил внимание на древние городища, оставленные в стране ее первоначальным населением, и описал некоторые из них⁴. Работы Буссе впоследствии продолжил князь А. А. Кропоткин.

Гидрографическая экспедиция Великого океана не ограничивает свои работы Амурским лиманом, но распространяет их и на самую реку Амур. В 1886 году две шлюпки с лодки «Горностай» прошли с промером вверх по реке около 1175 километров до устья Сунгари⁵.

С 1888 по 1894 год горный инженер Д. Л. Иванов производил

¹ С. В. Максимов, На Дальнем Востоке. Пионеры 1887 г. Сведения о работах топографов под начальством полковника Бобшева можно найти в «Известиях Русского географического общества», 1876 г., № 3.

² И. Надаров, Североуссурийский край. (Материалы по изучению Уссурийского края.) См. «Сборник материалов по Азии», 1887 г., вып. 26 и 27.

³ И. Поляков, Отчет об исследованиях на острове Сахалине и в Южноуссурийском крае. Изд. Академии наук, 1886 г. См. также приложение к XIV тому «Записок Академии наук», 1884 г., № 6.

⁴ Ф. Буссе, Древности Амурского края. «Записки Общества изучения Амурского края», 1908 г., том XII.

⁵ М. Жданко, Работа русских моряков по описи лимана реки Амура. «Известия Русского географического общества», 1916 г., том III, вып. X.

ряд геологических изысканий в Новокиевском и Барабашевском районах и по рекам Суйфуну, Спутинке, Майхе, Сучану и Судзухе. Потом он пошел по реке Лефу на Улахе и далее через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Остается упомянуть еще об одном его маршруте — именно вдоль морского побережья от села Шкотово, по рекам Таудими, Сучану, Судзухе и Таухе.

Период с 1894 по 1897 год является наиболее богатым исследованиями.

В 1894 году капитан Генерального штаба С. Леонтович производит съемку реки Тумнина и составляет оро-русский словарь¹.

В том же 1894 году и следующем 1895 году геолог Д. В. Иванов совершает четыре маршрута. Первый — по Амуру от города Хабаровска до озера Кизи и затем по реке Хоюлю через хребет Сихотэ-Алинь к Императорской гавани. Второй — по реке Анюю, Гобилли, Буту, Хуту на реку Тумнин. Третий — по реке Самарге через Сихотэ-Алинь на реку Сурпай и по этой последней на реку Хор к Уссурийской железной дороге. Четвертый — вдоль берега моря частью на лодке, частью на паровой шхуне «Сторож» от залива Ольги до Императорской гавани².

В том же году для обследования центральной части Уссурийского края посылаются охотничьи команды 10-го линейного батальона и 2-й стрелковой бригады. Маршруты охотничьих команд были распределены таким образом, что пути их должны были пересекаться. Одни команды должны были проникнуть как можно дальше в глубь страны, а другие нести службу связи и доставлять им продовольствие, но согласовать движение их в тайге было невозможно, и потому каждая из охотничьих команд действовала самостоятельно, вследствие чего перевалить через Сихотэ-Алинь и выйти к морю им не удалось, и после невероятных лишений, до человеческих жертв включительно, они возвратились обратно³.

В период между 1895 и 1897 годами Южноуссурийский край посетил известный ботаник В. Л. Комаров. Он работал к западу от Никольска-Уссурийского в бассейне реки Суйфуна, затем углубился в Манчжурию и на юг, прошел до урочища Новокиевского⁴.

¹ С. Леонтович, Оро-русский словарь, «Записки общества изучения Амурского края», 1896 г., том V, вып. 2.

² Д. В. Иванов, Основные черты оро-геологического строения хребта Сихотэ-Алиня. «Записки Приамурского отдела Русского географического общества», 1897 г., том I, вып. 3.

³ «Труды Приамурского отдела Русского географического общества», 1895 г.

⁴ В. Л. Комаров, Флора Манчжурии, том I, 1901 г.

В области этнографической литературы мы встречаем имя С. Брайловского, объехавшего в 1896 году долины рек Сучана и Судзухе, а в следующем, 1897 году по поручению губернатора Приморской области, занимавшегося переписью туземного населения, по побережью Татарского пролива, от бухты Терней к югу до залива Ольги. Этот переезд С. Брайловский совершил на лодках и частью на пароходе¹.

Из исследователей северной части Уссурийского края укажем еще на горного инженера Я. С. Эдельштейна. В 1897—1901 годах он совершал следующие маршруты:

- 1) озеро Кизи — река Хоюль — река Тумнин,
- 2) река Тумнин — Мули-дата — Хунгари — Амур.
- 3) река Анюй (Дондон) — Дыми — Копи до моря,
- 4) река Самарга — Сурпай — Хор до Усури и
- 5) река Нахтоху — Биюкин до Уссурийской железной дороги².

С 1898 по 1900 год ряд геологических изысканий производит горный инженер М. М. Иванов, однофамилец горных инженеров, ранее работавших в Южноуссурийском крае. Он обследовал реку Бикин до местности Цамо-Дынза и Иман до Картуна с ходом в сторону между реками Нэйцухе и Ваку. Затем он поднялся по Усури и Улахе до Ното-Хойза. Другой его маршрут был от места слияния Усури с рекой Сунгачей к югу вдоль Уссурийской железной дороги до города Никольска-Уссурийского и затем круговой маршрут к озеру Ханка и к Восточной китайской железной дороге³.

Работы геолога П. И. Яворского относятся к Амгунскому бассейну, граничащему с Уссурийским краем, и потому мы отметим один только его маршрут в 1903 году по Амуру от города Хабаровска до озера Удыль⁴.

Этот перечень исследователей края был бы неполным, если бы мы не упомянули еще двух пионеров, прибывших в край в то

¹ С. Брайловский. Опыт этнографического исследования. «Живая старина», 1901 г., вып. 2.

² Я. Эдельштейн, Северный и Средний Сихотэ-Алинь, 1905 г.

³ М. М. Иванов, Предварительный отчет о геологических исследованиях в Северном Уссурийском крае. «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги», вып. 4, СПб, 1897 г.

⁴ П. Яворский, Геологические исследования 1901 года в бассейне рек Керби, Нимана и Селемджи (с картой). «Геологические исследования золотоносных областей Сибири. Амурско-приморский золотоносный район», вып. 4, СПб, 1904 г.

время, когда по Владивостокской бухте еще плавали лебеди, а в горах бродили тигры. Я говорю о М. И. Янковском и М. Г. Швелеве. Первый много работал по орнитологии и энтомологии в Северной Корее и в Посыетском районе¹. Второй был кабинетным работником и жил большей частью в бухте Кангоуза. Имя его тесно связано с изучением истории края. Он владел китайским языком и совершенно свободно разбирался в иероглифах. В его распоряжении было много древних рукописей. В вину ему можно поставить только то, что он своевременно не позаботился опубликовать свои знания и унес их с собой в могилу. До нас дошли только кое-какие обрывки его работ, но и те оказались весьма ценными. Они в значительной степени способствовали установлению, что Бохайское царство (VII—XII века) было на берегах Великого океана в Восточной Манчжурии, Северной Корее и в Уссурийском крае.

В заключение отметим работы военных топографов, заснявших в 1888 году в одноверстном и двухверстном масштабах весь Южноуссурийский край от Китайской границы (Посыет — озеро Ханка) к востоку до рек Улахе и Судзухе включительно.

Планшеты их также тянутся по долине реки Уссури до Амура, расширяясь в бассейне Бикина до 60 и суживаясь около Лончакова до 20 километров. Параллельно с военными топографами съемочные работы производили землемеры Уссурийской межевой партии.

Теперь попробуем нанести на карту Уссурийского края памятники старины, оставленные манчжурскими племенами в период между VI и XIII столетиями, отметим на ней места, которые занимали китайцы-земледельцы до прихода казаков, и наконец нанесем на ту же карту русские поселки. Мы увидим, что все три площади совпадут. Три народа, один после другого, селятся на одних и тех же местах. Доступными для культуры будут: долины рек Амура и Уссури, нижнее течение их правых притоков, бассейны рек Даубихе и Улахе, Южноуссурийский край и узкая полоса прибрежного района до Императорской гавани, а вся центральная и северная часть горной области Сихотэ-Алиня как раньше была пустыней, такой она есть теперь.

¹ М. И. Янковский, Орнитологический дневник с 7 мая по 5 ноября 1897 г., с прибавлением заметок о чешуекрылых (экспедиция Русского географического общества в Корею и Манчжурию под начальством В. Л. Комарова в 1897 г.). «Записки Приамурского отдела Русского географического общества», том III, вып. 3, 1898 г.

Дикость тайги, бездорожье и полное отсутствие жилых мест были главными причинами, почему Сихотэ-Алинь и земли к востоку от него оставались так долго неизвестными. Для исследования этой нетронутой части Уссурийского края я и предпринял свои экспедиции. Настоящий труд заключает в себе повествование о третьем моем путешествии, совершенном в 1908—1910 годах.

В ГОРАХ
СИХОТЭ-АЛИНЯ

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСКОГО

678770
Российская государственная
детская библиотека

Глава I

АМУР В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ

В полдень 23 июня 1908 года наш небольшой отряд перебрался на пароход. Легко и отрадно стало на душе. Все городские недомогания сброшены, беганье по канцелярии кончено. Завтра в путь.

В сумерки мои спутники отправились в город в последний раз навестить своих знакомых, а я с друзьями, пришедшими проводить меня, остался на пароходе. Мы сели на палубе и стали любоваться вечерним закатом, зарево которого отражалось на обширной водной поверхности при слиянии Амура с Уссури.

Был тихий летний вечер. Янтарное солнце только-что скрылось за горизонтом и своими догорающими лучами золотило края облаков в небе. Сияние его отражалось в воздухе, в воде и в окнах домов какого-то отдаленного поселка, предвещая на завтра хорошую погоду.

Против Хабаровска левый берег Амура низменный. Бесчисленное множество проток, слепых рукавов и озерков создают такой лабиринт, из которого без опытного проводящего выбраться трудно. Когда-то все пространство, где Амур течет в широтном направлении от станицы Екатерин-Никольской до озера Болэн-Очжал на протяжении около 500 и шириною в 150 километров, представляло собой громадную впадину, заполненную водой. Высоты у слияния реки Уссури с Амуром являются древним берегом этого обширного водоема.

Город Хабаровск основан графом Муравьевым-Амурским 31 мая 1858 года на месте небольшой гольдской¹ де-

¹ «Гольды» — досоветское наименование народа нанайцев. Арсеньев употреблял всюду слово «гольды». Редакция, не меняя текста рукописи, сочла нужным в подписях под снимками применить современную советскую терминологию.

ревушки Бури. Отсюда получилось искаженное китайское название «Воли», удержавшееся в Манчжурии до сих пор. Первым разместился здесь 13-й линейный батальон, который расположился как военный пост. В 1880 году сюда переведены были из Николаевска все административные учреждения, и деревушка Хабаровка переименована в город Хабаровск.

Тогда это было глухое и неустроенное поселение среди тайги, остатки которой долго еще были видны в самом центре города. Единственным путем сообщения был Амур. Осенью и весной во время ледостава и при вскрытии реки Хабаровск оказывался отрезанным от других городов на несколько месяцев. Эта изоляция называлась «почтовым стоянием».

На палубе парохода было тихо и пусто. Только со стороны города доносился неясный шум, которого обычно не слышно днем.

Можно подумать, что с наступлением тьмы воздух делается звукопроницаемое. На западе медленно угасала заря, а с другой стороны надвигалась теплая июньская ночь. Над обширным водным пространством Амура уже витал легкий сумрак: облака на горизонте потускнели, и в небе показались первые трепещущие звезды.

В это время шум весел привлек мое внимание. Из-за кормы парохода вынырнула небольшая лодка с двумя гребцами. Молодой гольд работал веслами, а старик сидел на корме и направлял свою утлую ладью к устью Уссури. Он что-то говорил своему юному спутнику и, протянув руку по направлению к югу, дважды повторил слово «Хехцир». Машинально я перенес свой взор на величественный горный хребет, протянувшийся в широтном направлении от озера Петропавловского до реки Уссури и носящий название, которое только-что упомянул старик-гольд. Хехцир имеет наибольшую высоту в 3 000 футов. Железная дорога пересекает его в самом низком месте в 34 километрах от Хабаровска. В исторической литературе этот хребет называется Хохцским, также Хехцир¹, а в китайской географии Шуй-дао-тиган имеется глава об Уссури, переведенная академиком Васильевым, в которой означенные го-

¹ А. Мичи. Путешествие по восточной Сибири. 1868 г., стр. 335.

ры названы Хухгир (Хурчин)¹. На западном склоне хребта Хехцир у самой реки Уссури расположилась казачья станица Казакевичево, а раньше здесь была небольшая ходзенская деревушка Фурмэ (Турме), состоящая из четырех фанз².

В 1859 году Р. Маак застал здесь уже русских. От гольдской деревни не было и следа, но у туземцев о ней сохранились воспоминания.

Давным-давно в одинокой фанзе жил гольд Хээкчир Фаенгуни. Он был хороший охотник и всегда имел достаточный запас юколы для своих собак. Хээкчир был однажды в Сан-Сине на реке Сунгари и вывез оттуда белого петуха. После этого он начал тяготиться своим одиночеством, потерял сон и стал плохо есть. Как-то раз ночью Хээкчир Фаенгуни вышел на улицу и сел у крыльца своего дома. Вдруг он услышал слова:

— Хозяин, закрой окна, перед светом будет гроза.

Хээкчир обернулся и увидел, что это петух говорил ему человеческим голосом. Тогда он пошел на берег реки, но тут услышал шопот над своей головой. Это говорили между собой деревья. Старый дуб шелестел листьями и рассказывал молодому ясеню о том, чему довелось ему быть свидетелем за двести с лишним лет. Хээкчир испугался. Он вернулся в свою фанзу, лег на кан, но, как только начал дремать, опять услышал шорох и голоса. Это говорили камни, из которых был сложен очаг. Они собирались треснуть, если их еще раз так накалят. Тогда Хээкчир понял, что он призван быть шаманом. Он отправился на реку Нор, и там манчжурский шаман вселил в него духа Тыэнку. Хээкчир скоро прославился — он исцелял недуги, находил пропажи и отводил души усопших в «загробный мир». Слава о нем пошла по всей долине Уссури, Амуру и реке Сунгари.

Вскоре около его фанзы появились другие домики. Так образовалась деревня Фурмэ. Потом пришли русские и потеснили ходзенов. Последние должны были оставить наси-

¹ М. Веников. Обзорение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря. «Вестник Русского географического общества», 1859 г., часть 25-я.

² Парчевский. Поездка зимним путем вверх по Амуру в 1856—1857 гг. (Исследования и материалы). «Вестник Русского географического общества», 1858 г., часть 21-я, стр. 168.

женные места и уйти от беспокойных «лоца» вверх по реке Уссури. Деревня Фурмэ исчезла, а название Хээкчир превратилось в Хехцир. Впоследствии казаки этим именем стали называть не только то место, где раньше была ходзенская деревня, но и весь горный хребет.

В этом сказании чувствуется влияние юга. Как попало оно на Амур к гольдам из Манчжурии?

За разговорами незаметно прошло время. Я проводил своих друзей на берег и вернулся на пароход. Было уже поздно. Последние отблески вечерней зари погасли совсем, и темная ночь спустилась на землю. Где-то внизу слышались меланхолические всплески волн: пахло сыростью и машинным маслом. Я ушел в свою каюту и вскоре погрузился в глубокий сон.

На другой день рано утром мы оставили Хабаровск.

С момента отхода от пристани все на пароходе начали жить судовой жизнью. Вместе с нами ехала публика самая разнообразная: чиновники, играющие в вист «по маленькой», коммерсанты, говорящие о своих торговых оборотах, и крестьяне, возвращающиеся из города с покупками. Кто читал, кто так сидел и смотрел вдаль, а кто просто забился в каюту и под ритм машины уснул как убитый. В третьем классе очень людно — там пассажиры вплотную лежат на нарах и не встают, чтобы не потерять место, добытое с такими усилиями при посадке.

Все дальше и дальше позади остается Хабаровск. Широкою полосой расстилается Амур, и кажется он большим озером и вовсе не похож на реку.

О происхождении названия Амура существуют различные показания. Его производят от слова «Амор», что по-тунгусски означает «Добрый мир», от маленькой речки «Емур», впадающей с правой стороны около Албазина¹, и от гяляцкого слова «Гамур», «Ямур», что значит «Большая вода». Историк Миллер Мамур'ом называет реку, на которой живут натканы (натки). Манчжурцы называли Амур «Сахалян Ула» (Река черной воды), а китайцы — «Хуньтун-цзын», после соединения с рекой Сунгари² также «Гелонг-кианг» (Река черного дракона) и Хей-шуй, что

¹ И а к и ф. Статистическое описание Китайской империи.

² В. П. Васильев, Описание Манчжурии. «Записки Русского географического общества», 1857 г., стр. 91.

значит «Черная вода»¹, а по-якутски «Кара туган» (Черная река). Современное туземное население называет его Дай Мангу, а ольчей — Мангунами.

Общее направление течения нижнего Амура северо-восточное. С левой стороны в него впадают реки Тунгузка, Дарги, Гай и Галка, а с правой — протока из озера Петропавловского. Последнее длиною около 20 и шириною около 8 километров. В недавнем прошлом оно было значительно больше и простиралось на юг и юго-запад до предгорий Хехцира. Сита была небольшой речкой, и Обор впадал в озеро самостоятельно. Возвышенность, где ныне расположено селение Волконское, представляет собой древний берег большого озера, а обширные болота с западной стороны указывают места, которые совсем недавно освободились от воды. Процесс дренажирования еще не закончен. Нынешнее озеро Петропавловское быстро мельчает, и недалеко время, когда оно тоже превратится в болото. Широкая долина Амура наполняется наносами его притоков — ила и песка, обычных спутников наводнений. В местах обвалов у подмытых берегов видно, как располагаются они в последовательном порядке. В самом низу лежит песчано-галечниковый слой, а над ним нижеаллювиальная глина, а выше слои песка, потом опять глина и поверх нее почвенно-перегнойный (гумусовый) слой, проросший высоким вейником и тростником, длинные корни которых в белых и фиолетовых чехликах прорезывают всю толщу наносов. Около протоки из озера Петропавловского находится много песчано-илистых островов. Некоторые из них едва выступают из воды, другие имеют вид плоских релок, поросших травой и кустами лозняка. Пески перемещаются летом водою, а зимой — ветрами. Иногда зимой можно видеть поверх снега слой песка, который при вскрытии реки переносится вместе со льдом на значительные расстояния.

К вечеру наш пароход дошел до селения Вятского², расположенного на правом, нагорном берегу Амура. Здесь на несколько часов была сделана остановка для погрузки дров. Я тотчас сошел на берег, чтобы осмотреть селение. Невеселый вид имело оно. Прежде всего мне бросились в

¹ И а к и н ф, Статистическое описание Китайской империи, часть 2-я, 1842 г.

² В 1926 году в селении Вятском был 61 дом, и в селении проживало 278 человек обоего пола.

глаза бесчисленные штабели дров, за ними выше на берегу виднелись жилые дома и дворовые постройки, сделанные основательно и прочно, даже заборы были сложены из бревен. Все указывало на недостатки населения, и вместе с тем в глаза била неряшливость, на дворах развал, груды конского навоза и непролазная грязь. Вдоль деревни идет одна улица. Две тощие гнеды лошади лениво плелись по дороге, они часто останавливались, хлопали губами, подбирая травинки, и подымали пыль. Следом за ними шел пожилой человек. Он ругал лошадей, кричал на них и размахивал руками. Амурские жители не имеют телег и ездят по Амуру летом на лодках, а зимой по льду на санях. Вот почему на каждом дворе было по две-три пары саней. На возвратном пути я опять увидел того же крестьянина. Он сидел на скамейке у ворот одного из домов и с кем-то переговаривался через дорогу. Нехотя ответил он на мое приветствие и спросил меня, не я ли буду новый учитель. Мой отрицательный ответ, видимо, его успокоил. Он подвинулся на скамейке и предложил мне присесть. От него я узнал, что крестьяне переселились сюда из Вятской губернии около полустолетия тому назад. Живут они с достатком и занимаются зимним извозом и доставкой дров на пароходы. Земледелие не в почете потому, что нигде поблизости нет хорошей земли, а также потому, что есть другие, более выгодные заработки. И в самом деле! Один пуд осетровой рыбы продавался по 40 рублей, а пуд черной икры — по 320. Если ход кеты был удачный, то средняя семья, из четырех взрослых душ, могла поймать столько рыбы, что, продав ее в посоленном виде, за вычетом всех расходов на соль, бочки, фрахт и пр., она не только вполне обеспечивала себя до нового улова, но даже откладывала значительную сумму денег на черный день.

Поговорив немного с вятским старожилом, я пошел к берегу. Пароход, казалось, был насыщен электричеством. Ослепительные лучи его вырывались из всех дверей, люков и иллюминаторов и отражались в черной воде. По сходням взад и вперед ходили корейцы, носильщики дров. Я отправился было к себе в каюту с намерением уснуть, но сильный шум на палубе принудил меня одеться и снова выйти наверх.

Был второй час ночи. По небу плыла полная луна, серебрившая своим трепетным светом широкий плес Амура.

Впереди неясно вырисовывались контуры какого-то мыса. Селение Вятское отходило на покой, кое-где в избах еще светились огни...

И вот в эти ночные часы из воды вышло и поднялось на воздух бесчисленное множество эфемерид. В простонародьи их называют «поденками». Их личинки живут в воде и ведут хищнический образ жизни. Но потом вдруг все разом они поднимаются на поверхность воды и превращаются в изящные крылатые создания бледно-голубого цвета с прозрачными крылышками и тремя хвостовыми щетинками. Поденок было так много, что если бы не теплая летняя ночь и не душный запах рано скошенной где-то сухой травы, их можно было принять за снег. Их было тысячи тысяч, миллионы. Они буквально наполняли весь воздух, бились в освещенные окна кают, засыпали палубу и плавали по воде. Эфемериды торопились жить. Их век короток, всего лишь 24 часа. Из темной пучины вод они поднялись на воздух для того, чтобы произвести себе подобных и умереть.

Я не мог долго быть на палубе. Насекомые буквально облепили меня. Они хлестали по лицу, заползали в рукава, набивались в волосы, лезли в уши. Я пробовал отмахиваться от них; это оказалось совершенно бесполезным занятием. В каюте было жарко и душно, но нельзя было открыть окон из-за тех же самых прелестных эфемерид. Долго я ворочался с боку на бок и только перед рассветом немного забылся сном.

Когда на другой день я проснулся, пароход уже был в пути. Между озером Катар и селением Вятским Амур некоторое время течет в широтном направлении, но затем вновь поворачивает на северо-восток. Здесь правый берег состоит из ряда плоских возвышенностей, изрезанных глубокими оврагами. Он слагается из базальтовой лавы и древнейших горных пород. Около селения Елабужского возвышенности отходят от Амура в глубь страны и вновь появляются после Гасинской протоки, вытекающей из озера того же наименования.

По показаниям Пояркова, от устья Усури вниз по Амуру на четыре дня плавания жили дючеры, а далее натки¹.

¹ Назаров, Материалы военно-статистического обзора Приамурского края. «Сборник материалов по Азии», 1883 г., вып. XXXI, стр. 23.

Такого самоназвания туземцев в указанных местах мы теперь нигде не находим. Позднейшие писатели говорят о ходзенах и гольдах. Наиболее крупные гольдские селения по правому берегу Амура от Хабаровска до села Троицкого расположились в следующем порядке: Чепчики, Хованда, Сакачи-Алян, Люмоми, Хоухолу, Муху Гаси, Дады, Дызэрга, Найхон Джагри.

Около Сакачи-Аляня на берегу Амура есть писанные камни, затопляемые во время половодья. На одном камне схематически изображено человеческое лицо. Можно ясно различить глаза, нос, брови, рот и щеки. На другом камне—два человеческих лица: глаза, рот и даже нос сделаны концентрическими кругами, а на лбу ряд волнообразных линий, отчего получилось выражение удивления, как бы с поднятыми бровями. Рядом профиль какого-то фантастического животного с длинным хвостом и семью ногами. Оно изображено при помощи четырех концентрических кругов, из которых задний наибольший, потом два малых и на месте головы—круг среднего размера. Линия, объемлющая круги, частью ломаная, частью кривая, изображает контур животного. На последнем камне довольно верное изображение в профиль оленя. Круп животного тоже зарисован концентрическими кругами. На боках видны ребра в виде кривых линий, а на шее и спине ближе к холке какие-то непонятные завитки.

Часам к десяти утра пароход дошел до села Троицкого, расположенного также на правом берегу Амура. От Вятского оно отличалось разве только размерами. Общий колорит старожильческий. В давние времена здесь было гольдское селение Толчека.

Несмотря на то, что пароходы ходят по Амуру довольно часто, для амурских крестьян это всегда событие. Заслышав свистки, все население бросает дома и устремляется к берегу для того, чтобы принять доставленное из Хабаровска продовольствие, посмотреть, не едет ли кто из знакомых, а то и просто посмотреть на публику. Так было и на этот раз. В толпе на берегу я узнал Косякова, приехавшего из селения Найхин на двух гольдских лодках, для того чтобы встретить нас и в последний раз сделать кое-какие закупки. Покончив с делами, мы забрали свой багаж и отправились к лодкам. Около них на прибрежной гальке сидело пять человек гольдов. Все они были среднего

роста и хорошо сложены. Они имели овальные лица, слегка выдающиеся скулы, небольшие носы и темнокарие глаза. Длинные черные волосы их были заплетены в косы по манчжурскому образцу. Костюм наших новых знакомых состоял из короткой тельной рубашки белого цвета и одного или двух пестрых халатов длиной до колен, полы

Девушка-нанайка с Амура.

которых запахивались одна на другую и застегивались сбоку на маленькие металлические пуговицы, похожие на бубенчики. Рукава около кистей рук были стянуты нарукавниками. На ногах гольды носили короткие штаны, сшитые из синей дабы, наколенники, привязываемые к поясу ремешками, и мягкую обувь в виде олочей из толстой замшевой кожи.

Ни одна из туземных народностей на Амуре не любит

так украшать себя, как гольды. Вся одежда их от головы до пяток орнаментирована красивыми нашивками. Добавьте к этому тяжелые браслеты на руках и несколько колец на пальцах, и вы получите представление о внешнем виде молодых гольдов, щеголяющих в своих нарядных костюмах в праздничные дни и в будни. Когда принесли наш багаж, гольды принялись укладывать лодки и размещать пассажиров. Гольдская лодка состоит из трех досок, одной донной и двух бортовых. Корма имеет фигуру трапеции. Донная доска выгнутая; она длиннее других и значительно выдается. Нос прикрыт двумя короткими досками под углом в 60° . При таком устройстве встречная волна не может захлестнуть лодку, но зато бортами она сидит глубоко в воде. Гребцы помещаются впереди на маленьких скамеечках. Грузы на лодке располагаются посредине, а кормчий с веслом находится позади.

Часов в одиннадцать утра мы оставили село Троицкое и поплыли вверх по протоке Дырен к гольдскому селению Найхинь.

Был один из тех знойных и душных дней, которые характеризуются штилем, ясным, безоблачным небом и зеркально-гладкой поверхностью воды. Солнечные лучи, отраженные от воды, слепили глаза и утомляли зрение, а долгое сидение в лодке в неподвижной позе вызывало дремоту. Часа через два плавание гольды причалили к берегу, чтобы отдохнуть и покурить.

Воспользовавшись остановкой, я решил размять немного ноги и пошел прогуляться по берегу. Слева тянулись обширные луга, поросшие высокой травой. Главную массу поемной растительности составлял все тот же вейник до полутора метров высотой с недеревенеющими стеблями в виде соломы. Он растет чрезвычайно обильно, почти без примеси других трав, занимая обширные пространства. Места посуше были заняты обыкновенной пылью с перистыми листьями, издающими приятный запах, если их потереть между пальцами, и тростниками, вполне оправдывающими свое видовое название и вытеснившими почти всякую растительность. Оригинальный вид имеют заросли тростников с длинными листьями, легко вращающимися в ту сторону, куда дует ветер. Точно их кто-нибудь нарочно расчесывает и расправляет. Дальше виднелась какая-то полудревесная, полукустарниковая ра-

стительность. Я направил туда свои шаги. Это оказались тальники и ольшаники, словно бордюром окаймляющие берега проток и озерков со стоячей водой.

Луга, поросшие столь буйной растительностью, довольно богато населены пернатыми. В этот знойный день большая часть их попряталась в траве, но все же некоторых, наиболее прожорливых, голод заставлял быть деятельными. Прежде всего я заметил восточную черную ворону, всеяд-

Нанайское селение на Амуре.

ную, полуседлую общественную птицу. От своей европейской товарки она отличается оперением черного цвета с фиолетово-синим оттенком. Ворона сидела на земле и когото караулила — должно быть, мышь. При моем приближении она испугалась, снялась с места и торопливо полетела к кустам лозняка. Тут же поблизости на жиденькой ольхе сидела сорока. Она вела себя беспокойно, все время вертелась, задирая хвост кверху, прыгала с одной ветки на другую и вдруг совершенно неожиданно камнем упала в траву, но вскоре опять появилась на одной из нижних ветвей дерева. При моем приближении трусливая птица бросилась наутек и, оглашая воздух сухими и резкими крика-

ми, полетела вслед за вороной. Затем я увидел большого восточного веретенника, типичного обитателя сырых лугов. Веретенник неожиданно вынырнул из тростников, подлетел ко мне вплотную, затем быстро свернул в сторону и вновь спрятался в траву. Это, вероятно, был самец, старавшийся отвлечь все внимание от того места, где самка высидывала яйца. На обратном пути я еще вспугнул зеленую овсянку — небольшую птичку, ведущую одиночный образ жизни среди болот и глухих проток. Она села на куст, очень близко от меня, и совершенно не выражала беспокойства.

К сумеркам лодки наши дошли до гольдского селения Найхинь, расположенного около самого устья Анюя. На ночь мы устроились в туземной школе. После ужина казаки принесли свежей травы. Мы легли на полу с намерением соснуть, но комары никому не дали сомкнуть глаз до рассвета.

Часов в девять утра мы с Косяковым пошли осматривать гольдское селение Найхинь. Прежде всего мне бросился в глаза целый лес жердей, увешанных сетями, и сушила для рыбы. Немного в стороне высились бревенчатые амбары на сваях, в которых хранится все ценное имущество гольдов. Чтобы мыши не могли проникнуть в амбар, на каждую сваю надевается кверху дном старый испорченный эмалированный тазик. На берегу протоки лежало множество лодок. Те, которые находились в употреблении, были просто вытащены на песок и во всякое время могли быть снова спущены в воду, другие были опрокинуты кверху дном и, видимо, давно уже покоились на катках. Сотни собак встретили нас злобным лаем. Гольды пригрозили им палками, и собаки с неохотой снова улеглись на прежние места. Спасаясь от мошек и комаров, они зарывались в землю. Песок сыпался им на голову. Собаки терли свои морды лапами так сильно, что совершенно выскоблили шерсть вокруг глаз, отчего получилось впечатление, будто на их головы надели очки.

Гольдское селение Найхинь тогда состояло из 18 фанз, в которых проживало 136 человек — мужчин и женщин¹. В конце его из одной фанзы вышел нам навстречу Николай Бельдос, мужчина лет тридцати, с которым я впослед-

¹ В 1926 году в Найхине было 22 фанзы с населением в 144 души обоего пола.

ствии подружился. Он приветствовал нас по-своему и предложил войти в его дом.

Гольдская фанза по внешнему виду похожа на китайскую. Это четырехугольная постройка с двускатной крышей. Остов ее состоит из столбов, пространство между ними, кроме тех мест, которые предназначены для окон и дверей, заполнено ивовыми прутьями и с обеих сторон обмазано глиной. Крыша тростниковая, а чтобы траву не сорвало ветром, нижние слои ее также обмазаны глиной, а верхние прижаты жердями.

Перешагнув через порог, мы попали в довольно просторное помещение. Вдоль стен с трех сторон тянулись каны, сложенные из камней. Они имели ширину в рост человека и покрыты были чистыми циновками, сплетенными из тростника. Свет в жилище проникал через три окна с ординарными рамами и с частыми решетинами, склеенными тонкой китайской бумагой. Потолка в фанзе нет вовсе: крыша поставлена прямо на стены, а сверху под самым коньком сделано небольшое отверстие для выхода дыма. Зимой его затыкают тряпицей или сухой травой. Пол земляной, плотно утрамбованный. Очагов два. Один находится у самых дверей, другой — у противоположной стены, где кончается кан.

Что такое очаг? Это низкая печка, сложенная из дикого камня, в которую сверху вмазан довольно большой котел. Дымовые ходы проложены под канами и выведены наружу в трубу, сделанную из дуплистого дерева и стоящую несколько поодаль от фанзы. Обыкновенно топится та печь, которая находится ближе к дверям. Вторую печь топят только зимой, во время больших морозов. Естественно, что каны ближе к топке нагреваются сильнее, чем те места, где дымоход выходит наружу. Иногда каны нагреваются так сильно, что без досчатых подстилок спать на них невозможно. Около очагов имеются полочки, на которых всегда можно увидеть одну или две бутылки, деревянные корытца, берестяную посуду, поварежку, кухонный нож и коробку с палочками для еды. Немного в стороне, прямо на полу, стоит большой глиняный сосуд для воды. Он высотой в метр и вместимостью ведер на двадцать. Эту глазированную и хорошо обожженную посуду раньше гольды приобретали в Манчжурии. Посредине фанзы устроены на стойках в два ряда полки, на которых сложены

разные охотничьи принадлежности, как-то: рыболовные крючки, остроги, копья, луки и стрелы. На жердях, протянутых через всю фанзу, над канами лежат лыжи, весла от лодок, большие куски бересты и свертки рыбьей кожи. Вследствие того, что дымовые ходы очень длинные и расположены горизонтально под канами, тяга в них не всегда равномерна, и печи часто дымят. Поэтому все предметы, находящиеся в фанзе выше роста человека, так заиспечены, что не всегда удастся узнать, что именно находится под слоем копоти. Неосторожный человек при малейшем прикосновении к ним осыпается в изобилии серой пудрой.

Почетным местом считается средняя часть кана. Иногда здесь можно видеть одну или две цветных подушки в виде валиков и перед ними резные столбики в 30 сантиметров высоту и с отверстиями в верхних частях, в которые вставлены курительные трубки. Здесь, по повериям гольдов, место обитания душ усопших родственников, ожидающих, когда шаман отведет их в загробный мир. В углу прислонен к стене большой деревянный идол, грубо изображающий худотелого человека на длинных согнутых ногах, без рук и с редькообразной головой. Это Калгамадух, охраняющий жилище от «злых духов». Две маленькие скамеечки, небольшой столик на низеньких ножках, нечто вроде шкафа или комода в углу на кане и сундук, ярко окрашенный, с медным замком, дополняют убранство гольдской фанзы. Наблюдателя поражает обилие орнаментов не только снаружи, но и внутри жилища. Все вещи, большие и малые, покрыты резьбой. Стойла фанзы, деревянные корытца, оружие, весла, ложки, палочки для еды и в особенности берестяные изделия, коробки, миски, подносики и пр., — словом, решительно все украшается при помощи красок и ножа.

В фанзе мы застали двух женщин и старика. Одна женщина, которая была помоложе, варила обед, а другая, постарше, сидела на кане и что-то шила. Около нее стояла детская зыбка, в ней спал будущий рыболов и охотник.

Гольдская зыбка состоит из двух половинок, сложенных под углом в сто двадцать градусов, так что ребенок находится в ней в полудежащем положении. К накладной стенке зыбки привешиваются в качестве побрякушек бусы, пустые ружейные гильзы, копытца кабарги и кости рыси, тоже охраняющие мальчика от посягательства злого духа.

Насколько гольды-мужчины удаляются от монгольского типа (среди них можно нередко встретить овальные лица без выдающихся скул и с правильными прямыми носами), настолько женщины сохраняют его. Лица обеих женщин были типично монгольские, которые характеризуются плоским скуластым лицом, вдавленной переносицей и узкими глазными щелями с явно выраженной монгольской складкой век. Все гольдячки невысокого роста и имеют маленькие руки и ноги.

Женский костюм отличался от мужского только длиною халатов и обилием вышивок и украшений. Кроме того халаты их по подолу еще обшиваются медными бляшками. Кроме браслетов и колец на руках, они имели в ушах серьги с халцедоновыми и стеклянными бусами. Особенного же внимания заслуживают серьги в носу. Молодая женщина носила одну серьгу, продетую сквозь носовую перегородку так, что бляшка серьги, свернутая спиралью из тонкой серебряной проволоки, лежала на верхней губе. Старая женщина имела две таких серьги, продетых по сторонам в крылья носа.

Хозяин усадил нас на почетное место и велел подать угощение. Та женщина, которая шила около ребенка, постелила на кан суконное одеяло с неудачно разрисованным на нем тигром и поставила низенький резной столик на маленьких ножках, а другая женщина принесла на берестяном подносе сухую рыбу, пресные мучные лепешки, рыбий жир с кабаньим салом и ягодами, граненые стаканы из толстого стекла и чайник с дешевым кирпичным чаем.

Тотчас в фанзу стали собираться и другие гольды. Они расселись на канах и молча стали ждать конца нашей трапезы, чтобы принять участие в разговорах. Я обратил внимание на старика, седого, как лунь, и сгорбленного годами. От него я узнал, что реки Дондона нет вовсе. Дондон — это название острова, селения на нем и смежной с ним протоки, а та река, по которой нам следовало идти, называется Онюй. Орочи называют ее Найхин — по имени гольдского селения при устье.

Что значит Онюй? Гольды к названиям правых притоков Амура прибавляют слово Анэй, например: Анэй Хунгуры, Анэй Бира, Анюй, Анэй Пихца и т. д. Этимологию этого слова выяснить мне не удалось. Любопытно, что и на севере, именно в Колымском крае, мы встречаем

два притока Колымы с тем же названием — Большой Анюй и Малый Анюй. Удэхейцы называют Дондон Уни. Возможно, отсюда произошло Онюй («У» легко переходит в «О»), искаженное впоследствии в Анюй.

Когда гольды узнали, что мы хотим итти по Анюю, они начали рассказывать про реку всякие страхи. Говорили о том, что плавание по ней весьма опасно вследствие быстроты течения и множества завалов. Итти к истокам они отказались наотрез, и даже такие подарки, как ружье с патронами, не могли соблазнить их на это рискованное предприятие. Далее из расспросов выяснилось, что в нижнем течении Анюя живут гольды, а выше удэхейцы.

Видно было, что амурские гольды боятся Анюя. Оно и понятно. Лодки их, приспособленные для плавания по спокойным протокам Амура, совершенно не пригодны для быстрых горных речек. Уговаривать их на эту поездку я не стал (это было бы и бесполезно), но мы условились, что они доставят нас до ближайшей фанзы Дуляля, а оттуда мы найдем новых проводников. Так и будем передвигаться от стойбища к стойбищу. После этого Николай Бельдос велел назначенным для сопровождения нас гольдам расходиться по домам и готовиться к походу.

Посидев еще немного, мы начали прощаться с хозяином. Он взял с нас слово, что вечером мы придем к нему еще раз.

На самом краю между школой и селением находилась одна развалившаяся фанза. Глинобитные стены ее обрушились, и соломенная крыша, почерневшая от времени, лежала на земле. Вся местность вокруг фанзы заросла высокой сорной травой. Вышло как-то так, что я ушел вперед, а Косяков отстал немного. Проходя мимо фанзы, я вдруг услышал жалобный писк котенка. Сначала я не обратил на него внимания, но когда я подходил ближе к фанзе, до слуха моего донеслось опять то же жалобное мяуканье, в котором слышались нотки страха. Полагая, что котенок куда-нибудь завалился и не может выбраться наверх без посторонней помощи, я свернул с тропы и сквозь бурьян направился прямо к развалинам фанзы.

По мяуканью я скоро обнаружил котенка. Он был обычного серого цвета с белой мордочкой и белыми передними лапами. Котенок был чем-то напуган. Он изогнул спину дугой, поднял кверху свой хвостик и весь оцетинился.

Сперва я не мог найти причину его страха. Тут были груды мусора, из которого торчало много палок. Как я ни напрягал зрение, я ничего не видел.

В это время котенок опять пискливо замыкал и прыгнул вправо. Тотчас одна из палок качнулась вправо. Котенок метнулся влево, палка тоже двинулась влево и так несколько раз. Я осторожно приблизился к котенку и увидел большую рыжую змею. Судя по той части ее тела, которая была приподнята от земли, пресмыкающееся было длиною метра полтора и толщиной около пяти сантиметров. Голова змеи была обращена к котенку, и изо рта высовывался черный вилообразный язычок.

Котенок казался парализованным, и вместо того, чтобы спастись бегством, он пищал и в испуге делал прыжки, а змея, не спуская с него глаз, раскачивалась вправо и влево, постепенно приближаясь к своей жертве. Как раз в это время проходил мимо Косяков. Я стал делать ему знаки рукой. Увидев, в чем дело, он схватил палку и с силой ударил змею. Последняя метнулась в заросли, как раз по направлению к крыше. В траве послышалось шипение и шорох убегающего пресмыкающегося, а затем все стихло. Я взял на руки котенка и стал его гладить. Он все еще продолжал жалобно мяукать и дрожал, как в лихорадке.

Случайно мимо развалившейся фанзы проходили две гольдских девушки. Косяков крикнул им, чтобы они позвали людей, а сам принялся разбрасывать крышу и поднял большую пыль. Одна девушка взяла у меня котенка, а другая побежала в деревню. Через несколько минут из Найхина пришло четверо гольдов с лопатами и топорами. Они перевернули всю развалившуюся фанзу, не оставив на земле ни одного камня, но змеи не нашли. Меня несколько удивила настойчивость, с которой гольды искали змею, удивила также неприязнь, которую они питали к ней. Это было тем более странно, что к другим змеям они относились довольно равнодушно. Признаться, и на меня рыжая змея произвела очень неприятное впечатление. Такого большого пресмыкающегося на Амуре я никогда не видывал. Известно, что полозы глотают мышей, бурундуков и разных птиц, но никогда еще не было случая нападения их на щенка или котенка.

Когда выяснилось, что змея ускользнула и надежды найти ее нет никакой, гольды забрали свои лопаты и через

бурьян пошли на берег. Они сели на опрокинутые вверх дном лодки и стали курить. По выражению их лиц я видел, что они чем-то встревожены. На мой вопрос, что случилось, один из гольдов ответил, что это была не простая змея, а шаманка, которая служит чорту, и теперь надо в селении ждать какого-нибудь несчастья. Я сразу понял, что появление рыжего полоза связано с каким-то событием, и решил вечером расспросить туземцев подробно. Докурив трубки, гольды пошли в селение, а мы с Косяковым направились в школу, в которой остановились.

Когда начало темнеть, я вместе с Косяковым отправился в дом старшины. Гольды только-что кончили ужинать. Женщины выгребли жар из печки и перенесли горящие уголья в жаровню. Мы подсели к огню и стали пить чай. Разговор начался о родах. Говорил наш хозяин, а старик внимательно слушал и время от времени вставлял свои замечания.

Все гольдские роды территориальные, и названия их в большинстве случаев указывают место, где тот или иной род обитал исстари. Так, род Дэонка родился на ключике того же имени, впадающем в реку Эльбин, Перминка получил свое название от местности Пермин, Актенка — с реки Мухеня, Соянка — от местности Соян (ниже села Троицкого), Кофынка — от местности Кофынь, Марянка — из Маря, что на левом берегу Амура против села Сарапульского. На месте последнего было стойбище Уксяма. Отсюда и произошел род Уксаменка. Люди Очжал родились и жили на берегах озера Болэна, где в давние времена добывалась серебро-свинцовая руда. Утес с рудой назывался Очжал-Хонкони, а озеро Болэн-Очжал. Род Ходзяр повел свое начало от протоки Атуа — немного выше «серебряного» утеса, Цзахоури — из местности того же имени, а Удынка и Юкомика жили на реке Тунгуске.

До русских гольды платили ясак манчжурам, причем разные роды вносили его в разное время, вследствие чего в самом выгодном положении оказался род Бельды, а в наиболее тяжелом — род Дэонка. Тогда очень многие гольды из родов Дэонка, Перминка, Актенка, Соянка, Цоляцанка и Кофынка при опросе их манчжурами назвались Бельды. Остальные роды — Марян, Посар, Очжал, Ходзяр, Моляр, Цзахсур и Юкомика — остались с прежними названиями.

Самыми старыми селениями на Амуре были Найхин, Дырен и Баоца. До прихода русских гольды имели торговые сношения с манчжурами. Последние на больших лодках спускались по течению реки один или два раза в год, привозили с собой разные товары и выменивали их на пушнину. Тогда все было дорого, в особенности железные котлы и огнестрельное оружие. Старик рассказывал, что, когда он был еще мальчиком, на всем Амуре гольды имели только два фитильных ружья, за которые было заплачено 100 отборных соболей. Котел стоил около 10 соболей, а фунт пороху — 4 соболя. Достоин удивления, что чай пить гольды научились не от манчжур, а от русских. Раньше у них было значительно больше спирта, чем теперь. Доставляли его китайцы из Сан-Сина.

Затем старик рассказывал о первом появлении русских на Амуре. Весть о страшных белоглазых лоца, которых боялись даже манчжуры, принес им шаман из селения Баоца. От них так сильно пахло мылом и прогорклым салом, что с людьми делалось дурно. Тогда все окрестные шаманы собрались на совещание в селении Найхин и решили, что лоца — черти и отогнать их можно только камланием.

Высокоценный экземпляр
соболя.

Было приказано по всем стойбищам в первую же новолунную полночь погасить в фанзах огни и камлать. Так и поступили, а на утро увидели на реке пароход, буксирующий две баржи. Гольды испугались и, побросав свои жилища, убежали, кто куда мог. Найхинские гольды на лодках ушли вверх по Анюю. Хозяин фанзы сообщил, что от старых людей он слышал, будто бы русские в первый раз пришли со стороны моря, и никто не знал, какие это люди и зачем они пришли на Амур, а на другой год лоца приплыли сверху и останавливались около озера Кизи. Некоторые гольды, ушедшие вверх по Анюю, остались там жить навсегда. Так образовывались стойбища: Дуляла, Сира и Тахсале. Другие гольды ушли на озеро Болэн-Очжал и тоже не вернулись назад. С той поры на Амуре гольдов стало меньше, а русские все увеличивались в числе, и остановить движение их было невозможно.

Лет пятьдесят тому назад (1883 год) селение Найхин выгорело от пожара во время грозы. Гольды не особенно горевали, потому что по их представлению гром всегда бьет в то место, где долго сидит чорт. Иногда молния поражает чорта, скрывшегося в человеке. Если бы не случилось пожара от грозы, чорт своими кознями погубил бы много людей. Обсудив этот вопрос, старики сказали, что пожар от грозы принес им избавление от несчастий, и все остались довольны. Деревня была выстроена вновь на том же месте.

Старик замолк и, уставившись глазами в одну точку, погрузился в воспоминания о временах, давно прошедших. Тогда я обратился к старшине с просьбой рассказать мне о рыжей змее, которую связывают с именем какой-то шаманки. Сначала он отмалчивался, но потом разговорился и рассказал мне следующее:

— Лет шестьдесят тому назад в большом гольдском селении Ховын на берегу озера Гаси родилась девочка с рыжими волосами. Уже это одно обстоятельство встревожило туземцев. Еще в детском возрасте она стала проявлять свой скверный характер: не хотела работать, выказывала старшим явное неповиновение и всегда дралась с другими ребятами, пуская в дело ногти и зубы. Когда она достигла совершеннолетия, с ней стали делаться припадки, которые кончились буйным помешательством. Она бегала по деревням, бросалась на людей, била окна в фан-

зах, рвала рыболовные сети и отнимала у собак пищу. Неоднократно гольды связывали ее, но она всегда находила возможность освободиться от ремней и тогда бесчинствовала еще больше. Напрасно приглашали шаманов, напрасно они камлали и изгоняли злого духа. Ничего не помогало. Тогда гольды решили отвезти ее подальше в лес и там привязать к дереву. Так и сделали. Через несколько суток они пошли посмотреть, не умерла ли рыжая девка

Амурские нанайцы-охотники.

с голоду или не съел ли ее какой-нибудь дикий зверь. Но велико было их удивление, когда они увидели, что женщина исчезла, а веревки, которыми она была привязана, остались на месте и все узлы были целы. Как раз на том месте, где стояла она, на земле лежала шкурка большой змеи. Тогда все люди поняли, что женщину с рыжими волосами взял чорт. Вскоре после этого в селении Гаси стали один за другим умирать люди. Через год из ста домов остались только сорок, потом двадцать. Напуганные гольды стали разбегаться по другим селеньям. На Гаси

остались только два старика, но и они поплатились жизнью. В один прекрасный день их обоих нашли мертвыми. С той поры это место было заброшено, и на нем никто не решался селиться вновь. Тогда мертвая шаманка стала бродить по другим селениям, появляясь то красным волком, то какой-нибудь невиданной птицей, странной рыбой в неестественно яркой окраске, то рыжей змеей, и каждый раз появление ее приносило какое-нибудь несчастье.

В это время заплакал ребенок. Я взглянул на часы. Была уже полночь. Все обитатели фанзы и кое-кто из гостей спали на канах. Старшина окликнул свою жену. Она поднялась, зевнула, почесала себе голову и полусонная стала кормить грудью ребенка. Попрощавшись с хозяином, я надел шляпу и вышел на улицу. Собиралась всходить луна, и от этого на небе было светлее, чем на земле. неподвижно-теплый и влажный воздух был наполнен поденками и комарами. Где-то очень далеко, должно быть на другом берегу Амура, виднелся огонь. Темная вода в протоке блестела холодным блеском стали. Отдаленный собачий лай, крик какой-то птицы в лесу и шорохи зайцев в траве будили чуткую тишину ночи.

В школе мои спутники давно уже спали. Я пробрался на свое место, но не мог уснуть. Меня беспокоили сведения, сообщенные гольдами. Они знали только стойбища своих сородичей и ничего не могли сообщить об удэхейцах, а также не знали, в бассейн какой реки мы попадем после перевала через Сихотэ-Алинь и скоро ли найдем туземцев по ту сторону водораздела. Наконец усталость начала брать свое, мысли мои стали путаться, и я незаметно погружился в сон.

Двадцать девятого утром явились гольды. Утренний чай не отнял у нас много времени. Собрав все имущество, мы перешли на берег и разместились в лодках.

Когда имущество было уложено и все пассажиры сели на свои места, лодки отчалили от берега. Река Анюй в устье разбивается на шесть рукавов, образуя дельту, причем чистая его вода с такой силой входит в протоку Дырэн, что прижимает мутную амурскую воду к противоположному берегу. Протока Дырэн мелководна. Во многих местах на отмелях виднелись стволы деревьев с обломанными ветвями, принесенные сюда Анюем во время наводнения. Берега Амура и островов его состоят из чередую-

щихся слоев песка и ила, но от села Пайхин вплоть до Троицкого в основе строения берегов и на дне Дырэнской протоки лежат мощные слои окатанной гальки, нанесенной Анюем. Этой галькой заполнено также все низменное пространство правого берега в глубину километров на пять вплоть до возвышенностей Мыному.

Раньше Аниой впадал около села Троицкого. От устья Мыному он поворачивал к северо-востоку и некоторое время тек вдоль хребта того же имени. Здесь можно видеть многочисленные его старицы, расположенные параллельными рядами и перпендикулярно к протоке Дырэн. Между старицами также параллельными рядами расположились длинные релки, поросшие редколесьем из ильмы. По ним видно, как Аниой постепенно отодвигался к юго-западу, пока не дошел до возвышенности Пайхинского берега. Тогда началось заполнение Дырэнской протоки. Недалеко то время, когда она совсем заполнится галькой. Бесчисленные множества отмелей и кос, выступающих на поверхность воды, уже налицо. Тогда Аниой пойдет по протоке к селению Торгон и будет впадать в Амур где-нибудь около острова Дондона.

Едва мы отчалили от берега, как вдруг откуда-то сбоку из-под кустов вынырнула оморочка. В ней стояла женщина с острогой в руках. Мои спутники окликнули ее. Женщина быстро оглянулась и, узнав своих, положила острогу в лодку. Затем она села на дно лодки и, взяв в руки двухлопастное весло, подошла к берегу и стала нас поджидать. Через минуту мы подъехали к ней.

Читатель, пожалуй, и не знает, что такое оморочка? Это маленькая лодочка, выдолбленная из тополя или тальника. Русское название «оморочка» она получила от двух слов — омо (один) и ороч (человек). Буквальный перевод, значит, будет «одночеловечка». Кроме того русские иногда в шутку называют ее «душегубкой». Она очень неустойчива. От одного неосторожного движения она перевертывается, и неопытный человек попадает в воду.

Нашей новой знакомой было лет сорок пять. Она принадлежала к роду Камедича. Немного скуластое, смуглое, загорелое лицо, темнокарие, почти черные глаза и такие же черные волосы, заплетенные в две косы, острый подбородок, прямой нос с низкой переносицей — таков был ее облик. Движения ее были спокойны. Она держала себя с

достоинством и на вопрос отвечала коротко. Одетая она была, как и все другие женщины ее племени, но без украшений. От своих спутников я узнал, что она была вдова и имела двух взрослых сыновей, из которых один пошел по делам на Хор, а другой отправился на охоту за сохатыми. Узнав, кто я такой, она только мельком взглянула на меня и не проявила ни малейшего любопытства. Поговорив немного, гольды взялись за шесты и пошли дальше. Женщина тоже оттолкнула свою оморочку от берега и затем встала на ноги. Легкое суденышко качалось и прыгало на волнах. Вдруг женщина подняла свой трезубец, метнула им в воду и тотчас подняла на воздух большую рыбину. Она сбросила ее в лодку и снова уперлась острогой в дно реки. Еще удар, и вторая рыбина запрыгала в лодке, а за ней последовала третья, четвертая...

«Вот так женщина! — подумал я, любуясь ловкостью ее движений. — Плыть через перекааты реки, стоя в оморочке, да еще бить острогой рыбу, — на это не всякий и мужчина способен. Видимо, эта женщина прошла суровую жизненную школу».

За это время лодки разделились. Мы перешли к правому берегу, а женщина свернула в одну из протоков. К сумеркам мы достигли устья реки Люундани, по соседству с которой, немного выше, стояло две юрты. Дальше мы не пошли и тотчас стали устраивать бивак.

Было уже совсем темно. Мы сидели в односкатной палатке и смотрели на огонь, который весело пожирал сухие дрова. Я слушал рассказы гльдов о том, как жили они раньше. Мне живо представилась страна, заселенная туземцами, жизнь которых шла спокойно, пока не пришли к ним ниинка (китайцы) и лоца (русские). Они принесли болезни, спирт и деньги, погубившие впоследствии так много людей.

В это время на реке послышались тихие всплески, и вслед за тем из темноты вынырнула женщина на оморочке. Она пристала к берегу и втащила оморочку на берег. Подойдя к огню, она подала мне две больших рыбины и пару уток, которых тоже заколола острогой. Я поблагодарил ее и обещал дать ее сыновьям ружейные патроны, в которых, как я узнал, они очень нуждались.

Женщина покурила у нашего огня, потом пошла к своей лодке и скрылась в темноте. С минуту слышны были всплески двухлопастного весла.

Глава II

ВВЕРХ ПО АНЮЮ

Мы плыли по таким узким протокам, что лодку в них нельзя было повернуть обратно. Они пересекали одна другую и делали длинные петли. Скоро я потерял ориентировку, так что мне уже не помогал и компас.

Наконец протоки кончились, и мы вошли в реку как-то сбоку, с южной стороны. Здесь течение было настолько быстрое, что о продвижении на веслах нечего было и думать. Гольды взялись за шесты. Такой способ передвижения — тяжелый труд. Работать приходится стоя. Для этого нужны сила, выносливость и уменье. Положение лодки очень неустойчивое: она все время качается, надо соблюдать равновесие и внимательно смотреть вперед. С непривычки у новичка кружится голова, и всякое неосторожное движение может вызвать катастрофу. Поэтому гольды просили нас сидеть спокойно и не мешать им работать. Трудно сказать, какой здесь ширины Анюй, потому что он разбивается на протоки, отходящие в сторону, иногда километров на десять. Там, где несколько рукавов сливалось вместе, ширина реки была от двухсот до трехсот метров при быстроте течения около шести километров в час. Как и у всех горных рек, фарватер проходит то у одного берега, то у другого, вследствие чего и отмели располагаются по сторонам реки в шахматном порядке.

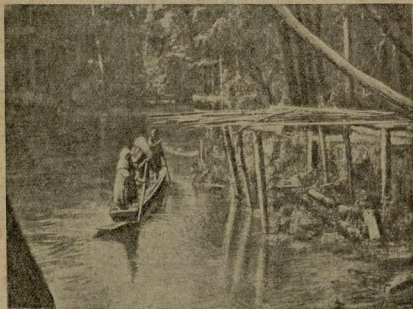
Древесная и кустарниковая растительность нижнего Анюя не может похвастаться разнообразием. По обе стороны реки расстилаются поемные луга с одиночными деревьями и высокими кустами по берегам протоков. Н. А. Десулави отметил в своем дневнике амурскую липу с дуплистым корявым стволом, с узловатыми ветвями и с цветами, издающими довольно сильный аромат, затем — пробковое дере-

во с серой морщинистой корой, бархатистой наощупь. Оно имеет яркожелтую заболонь и листву, по внешнему виду похожую на ивовую. Там и сям виднелась амурская сирень, растущая кустарником, но такой величины, что каждую ветвь, выходящую из земли, можно было бы назвать деревом. Сирень имела темную с белесоватыми пятнами гладкую кору и сильно пахучие белые цветочные кисти. Рядом с сиренью на солнцепеках росла калина, имеющая вид развесистого куста с крупными черешковыми листьями и цветами двух сортов: чашеобразные плодонесущие в середине и снежнобелые бесплодные по краям. Здесь также много было дикого винограда, цепляющегося за другие растения. Иногда он так разрастался, что под ним совершенно скрывалась листва того дерева, которое он избрал своей опорой.

Наши гольды все время лавировали от одного берега к другому, выбирая, где было не так глубоко и течение слабее. Когда лодка у поворота попадала в струю быстро идущей воды, где шесты не доставали дна, они брались за весла и гребли, что есть силы. Течение сносило лодку назад к другому берегу. Тогда туземцы на шестах опять выбирались против воды до следующего поворота и опять переплывали реку. Время от времени они приставали к отмелям, чтобы отдохнуть и покурить трубки. В этот день мы прошли только восемь километров и рано расположились биваком около протоки реки Сырэн Катани.

Со стороны леса все время неслись какие-то протяжные звуки, похожие на крики коростеля, только более мелодичные. Я спросил гольдов, не знают ли они, кто их издает. Туземцы ответили, что это кричит Мики, т. е. змея. Судя по описаниям их, это должен быть полоз. Они говорили с такой уверенностью, что я решил пойти по направлению услышанных звуков. Шагов через сотню я вышел на какую-то небольшую полянку. Звуки неслись как раз отсюда. Однако живое существо, издававшее их, было очень строгим и обладало хорошим слухом. Оно замирало или понижало крики и, видимо, прислушивалось к моим шагам. Это заставляло меня часто останавливаться и двигаться с большой осторожностью. Наконец я подошел к самым камышам и увидел, что внизу на земле толстым слоем лежала прошлогодняя трава. Как раз такие места любят большие полозы. И я и змея были настороже, оба прислушивались. Мики

замерла совсем, но я вооружился терпением и долго стоял на одном месте, не делая никакого движения. Вдруг совсем близко, справа от себя, я услышал шорох и действительно увидел какое-то большое пресмыкающееся. Оно ползло под сухой травой, и только иногда части его тела показывались наружу. И тотчас немного впереди опять раздался тот же звонкий звук, похожий на певучее хрипение. Затем все стихло. Долго я стоял, но криков более не повторилось. Я вернулся назад. Уже смеркалось совсем. Ночь

Река Анюй.

обещала быть ясной и тихой. По небу плыли редкие облачка, и казалось, будто луна им двигалась навстречу. Со стороны высохшего водоема попрежнему неслись те же тоскливые мелодичные крики, а на другом берегу дружным хором им вторили лягушки.

Пока варился ужин, я успел вычертить свой маршрут. Когда стемнело, Крылов, Чжан-Бао и Косяков пошли ловить рыбу. Небольшим неводком они поймали одного тайменя и одного сазана. Сопровождающие нас гольды сообщили, что таймень в Анюе вообще попадает редко, а са-

зан довольно обычен в нижнем течении реки. Около устья в тихих заводях держатся щуки крупных размеров и сомы. Из лососевых по Анюю в массе идет только кета, горбуши нет вовсе.

Когда мы вернулись с рыбацкой ловли, было уже темно. На биваке горел большой костер. Ярким трепещущим светом были освещены стволы и кроны деревьев. За день мы все устали и потому рано легли спать. Окарауливали нас собаки.

На другой день гольды подняли всех на ноги при первых признаках приближающегося утра. Они торопили нас и говорили, что будет непогода. Действительно, по небу бежали большие кучевые облака с разорванными краями. Надо было ждать дождя.

В низовьях на протяжении тридцати километров Анюей течет с юго-востока к северо-западу; потом он делает большую петлю и поворачивает на запад, какое-то направление и сохраняет до впадения своего в Амур. На этом участке в последовательном порядке от устья вверх по реке можно отметить следующие протоки и ориентировочные пункты. С правой стороны реки по течению река Мулому и недалеко от нее река Мыному, затем протока Перегдыма и местность Хохтоасо, а с левой стороны — небольшие протоки Далеко и Кутэ, затем протоки Сырэн Катани и Яука и местность Суарэн с пустым балаганом и протокой Хоулосу. В том месте, где Анюей делает поворот с востока к северо-западу, местность называется Баган (по-русски «Балаган»). Восточнее ее находится устье протоки Кан.

Гольды хорошо знали реку и, где можно, сокращали путь, пользуясь протоками, иногда же, наоборот, предпочитали идти старицей, хотя она и была длиннее нового русла, но зато течение в ней было спокойнее. Туземцы не пропускали ни одной галечниковой отмели, которые они называли «песками», и вели им счет до фанзы Дуляля, конечного пункта их плавания по Анюю.

Низовья Анюи считаются самым мошкаринным местом на Амуре. И действительно, этих крылатых кровопийц здесь было так много, что решительно нельзя было смотреть и дышать. Они лезли в глаза, в рот, набивались в уши. Без предохранительных сеток на лице и без нарукавников и перчаток работать на открытом воздухе решительно невозможно. Мошка принадлежит к двукрылым. Она имеет

вид маленькой мухи, но с более длинными крыльями, чем у последней. Кроме того головогрудь у нее явственно отделяется от брюшка, отчего она имеет некоторое сходство с осою. Повидимому, мошка сгрызает эпидерму с кожи и пьет выступающую наружу кровь, чем и объясняется сильнейший зуд в пораженных местах.

Приблизительно через час плавания мы достигли фанзы Дуляля. Она ничем не отличалась от других гольдских фанз Найхин, разве только меньшими размерами и более замысловатой резьбой. Когда лодки причалили к берегу, из дверей фанзы выбежали двое ребятишек пяти-шести лет. Они были в расстегнутых рубашках, без штанов и босиком. Трудно сказать, отчего их кожа имела такой смуглый оттенок: от загара, от копоты, от грязи или это была ее естественная пигментация. Узнав, что в лодках сидят лоца, мальчишки вдруг сделали испуганные лица и убежали назад. Через минуту появился сам хозяин. Он протянул мне руку и помог выйти на берег. В фанзе обитало трое мужчин, две женщины и трое детей. Опять началось угощение — чаем и сухою юколой.

Гольды говорили, что на завтра надо ждать ненастья, потому что появилось много мошки и она больно кусалась. Они заметили также, что рыба в протоках всплыла на поверхность воды и хватала ртом воздух. Уже после полудня небо стало затягиваться паутиной слоистых облаков.

Когда стемнело, небо было совсем заволочено тучами. Пошел дождь, который не прекращался подряд двое суток. Видя, что ненастье принимает затяжной характер, я решил идти дальше, невзирая на непогоду. Отсюда амурские гольды возвратились назад, а на смену им взялись провожать меня обитатели фанзы Дуляля. Они говорили, что вода в реке может прибывать и тогда плавание на лодках станет совсем невозможным. Это были убедительные доводы. Узнав о нашем решении, гольды тотчас стали собираться.

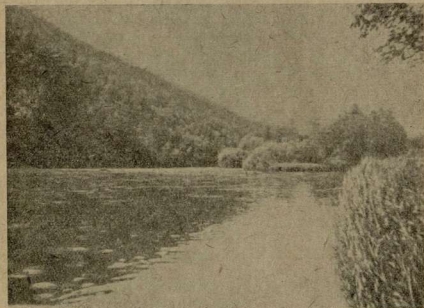
Но тут произошло курьезное событие. Хозяин фанзы, дотоле веселый и разговорчивый, вдруг рассердился. Он достал унты, которые вчера надел только один раз, и на подошве их уже оказались дырки. Он начал ругаться, потом схватил обувь и швырнул ее в угол. Скоро все разъяснилось. Унты бывают различной прочности. Обычно летом они носятся неделю-две, но эти проносились в один день. Плохая примета! Унты разбираются в людях. Если чело-

век, надевший их, пришелся им по душе, они будут носиться долго, если же нет — скоро сносятся. Хозяин фанзы был вне себя. Жена подала ему новые унты и затем с серьезным видом подняла на палку продырявленную обувь, вынесла ее из фанзы и бросила с руганью в сторону собак.

Наконец все было улажено. Как будто и дождь начал стихать. Гольды уложили грузы в лодки, указали места пассажирам, разобрали весла, шесты и тронулись в путь. Но погода нас обманула. После короткой передышки снова пошел дождь, и в завершение несчастья случилась авария. В одной из проток гольды подошли к плавнику и как-то по неосторожности поставили лодку боком против течения. Вода тотчас хлынула через борт и в одно мгновение наполнила лодку до краев. К счастью, тут было мелко. Мы выскочили из лодки, на руках подтащили ее к берегу. От этой аварии особого несчастья не случилось, но весь груз наш премок, что вынудило нас раньше времени встать на бивак и просушивать на огне всю одежду.

Пройдя протоки Ерга и Кауаса, гольды причалили к берегу. Они стали оправлять лодки и распределять запасные шесты и весла так, чтобы они всегда были под рукой. Туземцы были чем-то озабочены. Когда мы поплыли дальше, один из гольдов, находящийся впереди лодки, часто вставал и подолгу всматривался вперед. Я спросил его, в чем дело. В ответ на это он сделал мне знак, чтобы я молчал. Я стал вслушиваться, и тотчас же ухо мое уловило какой-то шум. Он становился явственнее и определеннее. В это время туземец, стоявший в носовой части лодки, протянул вперед руку и произнес одно только слово «Иока». Я тоже поднялся на ноги и увидел огромный сулой в том месте, где две протоки сливались вместе. Сулой Иока имел вид большого водяного бугра, высотой до полутора метра и в диаметре около восьми метров. Здесь сталкивались два течения, идущие друг другу навстречу. Громадное количество воды, выносимое обеими протоками, не могло вместиться в русло реки. Ее вздымало кверху большим пузырем, который все время перемещался и подходил то к одному, то к другому берегу реки. Вода точно кипела и находилась в быстром вращательном движении, разбрасывая по сторонам белую пену. На вершине водяного бугра время от времени образовывалась громадная воронка. Она появлялась сразу, быстро увеличивалась в размерах, произво-

дила всасывающий звук и затем так же неожиданно исчезла. Туземцы причалили к берегу и начали разгружать лодки. Часть гольдов принялась переносить грузы, а другая пошла осматривать и исправлять просеку, устроенную для переволока. Старые порубки и сильно потертый на земле колодник указывали, что переволок этот существует давно и не мы первые и последние пользуемся им, чтобы обойти опасный сулой стороной.

Река Анюй.

У гольдов были две охотничьи собаки. Мы заняли их места в лодках, и четвероногие пассажиры должны были теперь бежать по берегу и часто переплывать протоки. Первая встреча туземных лаек с нашими собаками носила враждебный характер. Они недружелюбно поглядывали друг на друга, скалили зубы, но потом подружились и побежали вместе догонять лодки, успевшие уйти уже далеко вперед. Лайки бежали впереди, а наши собаки — сзади. Последний раз мы видели всех их на левом берегу Анюя и рассчитывали, что они прибегут после переволока. Но когда мы принялись перетаскивать лодки в обход сулой,

собаки появились на другой стороне. Лайки и две наши собаки побежали дальше, а одна лягавая поплыла прямо через Анюю. Напрасно казаки гнали ее прочь и бросали камнями. Она не замечала опасности и едва отделилась от берега, как сильная струя воды подхватила ее и понесла к сулою. Несчастное животное попало в водоворот и на наших глазах утонуло.

В этот день мы прошли только восемь километров и заночевали в стойбище Котофу Датани, состоящем из трех юрт, в которых жило шесть мужчин, пять женщин и двое детей.

Перед сумерками я хотел было пройтись вдоль берега с ружьем, но обилие мошкары принудило меня вернуться в фанзу. Рассчитывали мы отдохнуть и подкрепиться сном, но подверглись нападению несметного количества блох, не давших ни на минуту сомкнуть глаз. Когда стало светать, я оделся и вышел из фанзы.

Было холодно и сыро. Серое небо моросило дождем. В сухой протоке (позади гольдского жилища), которую я вчера перешел, не замочив ног, появилась вода. Значит, Аней начал выходить из берегов. Я вернулся назад и стал будить туземцев.

Часа через полтора мы покинули стойбище Котофу Датани и опять пошли на шестах против воды. В этих местах Аней имеет широтное течение с легким склонением к северу. С левой стороны находятся два урочища, а выше их протоки Колдони. Около устья последней приютилась еще одна гольдская фанзочка Сира. Я думал, что мы пройдем дальше, но усиливавшееся ненастье позволило дойти лишь до последней гольдской фанзы Тахсале.

Спустя часа полтора после нашего прибытия, когда мы сидели на канах и пили чай, в помещение вошла женщина и сообщила, что вода в реке прибывает так быстро, что может унести все лодки. Гольды немедленно вытащили их подальше на берег. Однако этого оказалось недостаточно. Поздно вечером и ночью еще дважды оттаскивали лодки. Вода заполнила все протоки, все старицы реки и грозила самому жилищу.

Это наводнение принудило нас просидеть на одном месте целую неделю. Томительно долго тянулось время. Я занимался этнографией и собирал сведения о гольдах и соседях их удэхейцах. Между прочим здесь я узнал, что

Анью в верховьях течет некоторое время вдоль западного склона Сихотэ-Алиня, охватывая истоки Хора, а после принятия в себя притока Гобилли, текущего ему навстречу, поворачивает на запад, уклоняясь то немного к северу, то к югу, и впадает в протоку Дырэн. От гольдов я также узнал, что сородичи их живут только по нижнему течению реки, а удэхейцы — выше, до местности Улема, а в верхней половине Анью совершенно необитаем. Далее те же гольды сообщили, что для того, чтобы достигнуть моря, нам потребуется времени по крайней мере суток тридцать.

Впоследствии я узнал, что не только наводнение являлось причиной нашей задержки, но были и другие обстоятельства. Дело в том, что гольды боятся Анюя и выше фанзы Тахсале никогда не заходят. Им было известно, что удэхейцы собирались спускаться на батах вниз по реке, и они решили здесь ждать их в Тахсале, чтобы передать нас, а самим ехать домой. Они не ошиблись в расчетах. Действительно, 9 июля сверху пришли удэхейцы на двух лодках.

В тот же день утром мы попрощались с гольдами и вручили судьбу свою в руки настоящих лесных людей, тогда еще мало затронутых цивилизацией.

Наши новые знакомые принадлежали к роду Кялондига. Старший из них был сорока лет, а другим было от двадцати до двадцати пяти лет. Лица их были настолько загорелы, что имели даже несколько оливково-красный оттенок. Удэхе носили по две коротких косы, туго обмотанных красными шнурами и украшенных золочеными пуговицами. Пожилой удэхеец имел в левом ухе небольшую серебряную серьгу. Головных уборов ни у кого не было. Одежда их состояла из длинных рубах, сшитых из китайской синей дабы с застежками сбоку и подпоясанных тонкими ремешками с напуском по талии. На ногах у них были надеты короткие узкие штаны и наколенники из той же дабы. В общем костюмы удэхейцев, орнаментированные спиральными и волнистыми линиями, напоминающими рога оленей, имели вид красивый и эlegantный.

Лодка лесного жителя представляет собой нечто вроде длинного долбленого корыта с плоским дном, скошенной кормой и прямой стенкой на носу. От этой стенки, составляющей одно общее с днищем, выдается вперед нос в виде большой деревянной лопаты. Он имеет несколько

овальную форму и от воды подымается кверху так, что конец его приходится на уровне с бортами лодки. Такая лодка называется «улимагда» и долбится из тополя. Она легка, удобоуправляема и сконструирована так, что не режет, а взбирается на воду и может проходить через самые мелкие перекаты. Длина улимагды среднего размера — 5—6 метров, высота 50—60 сантиметров и грузоподъемность при двух пассажирах около 30—35 пудов. Кладь распределяется равномерно по всей длине лодки. Пассажиры садятся на берестяную подстилку, положенную прямо на дно. Чтобы борта не распирало, они в нескольких местах скреплены поперечинами. Туземцы помещаются на носу и на корме.

Грозный вид имела теперь река: все острова и мели были покрыты водою, течение усилилось до десяти километров в час.

После столь длительного ненастья как будто установилась хорошая погода. Теплые солнечные лучи оживили природу. На листе деревьев и в траве искрились капли дождевой воды, которую еще не успел стряхнуть ветер; насекомые носились по воздуху, и прекрасные бабочки с нежнофиолетовой окраской реяли над цветами. Казалось, они совершенно забыли о вчерашнем ненастье, вынудившем их, как и нас, к бездействию в течение семи долгих суток.

Туземцы работали шестами сильно и, насколько позволяла большая вода, довольно скоро подвигались вперед.

После фанзы Тахсале с правой стороны (по течению) реки будут лесистые местности: Конко и Ади, немного выше небольшая протока Дуйдальдо и против нее речка Хаскандяони с урочищем Мазампо.

В полдень мы сделали большой привал. Хорошая погода, красивая река, встреча с удэхейцами подняли настроение моих спутников. Вчерашние невзгоды были забыты.

В ожидании, когда сварится обед, я немного углубился в тайгу, чтобы ознакомиться с растительностью. Прежде всего мне в глаза бросился манчжурский ясень, стволы которого легко узнать по правильно расположенной вдоль коры трещиноватости и по ланцетовидным остроконечным листьям. Тут же рос вяз с характерной светлосиневатой корой. Древесина вяза содержит в себе, повидимому, много воды. Пуля ружья, пробивающая два-три сухих дерева

насквозь, редко пройдет сквозь один вяз, если он имеет полтора-два обхвата в окружности. Потом я увидел амурскую липу. Я узнал ее по толстому приземистому стволу, большим угловатым сучьям и блестящей темной листве. Несколько в стороне от нее виднелся прямой ствол манчжурского ореха. Крупные листья его расположены розетками по концам ветвей, отчего каждая из них похожа на пальму. Вероятно, здесь росли и другие представители манчжурских широколиственных пород, но я вынужден был прекратить свою ботаническую экскурсию, побуждаемый к тому окриками моих спутников, приглашающих меня вернуться на бивак поскорее. Подлесье здешней тайги состояло из сорбарии. Она только-что начинала цвести. В тех местах, куда проникали солнечные лучи, произрастала сибирская вероника с шестью сидячими (розеткой) продолговато-ланцетовидными листьями и бледнофиолетово-синими цветами, вроде остроконечных султанчиков. Я торопился и замечал только то, что случайно мне бросалось в глаза. В одном месте я заметил какую-то крупную чемерицу с большими остроконечными плейчатными листьями и темными цветами. В стороне мелькнули папоротники с ваями, весьма похожими на страусовые перья, и всюду в изобилии рос амурский виноград с шелушащейся корой коричневого цвета. Он окутывал кустарники и взбирался на деревья повыше к солнцу.

На привале все уже было готово, задержка была только за мной. Наскоро я выпил кружку полугорячего чая и велел укладывать вещи в лодки.

Удэхейцы шли больше протоками и избегали главного фарватера. Иногда они проводили лодки через такие узкие места в колоднике, что лодки задевали сразу обоими бортами. Я любовался их находчивостью и проворством. Они часто пускали в ход топоры, прорубали в плавнике узкую лазеечку и неожиданно выходили снова на Анюю.

По словам наших проводников, река часто выходит из берегов и затопляет лес. Тогда удэхейцы бросают свои юрты и стараются спуститься к Амуру. Случается, что в течение целого дня они не могут найти сухого места, чтобы развести огонь. Спать и варить пищу приходится в лодках.

Вскоре мы миновали речку Моды и местность Хельдиони, потом прошли протоки Сюада, Кузыгзе и Чугудуони

и засветло прибыли в стойбище Хонко, расположенное около сопки, носящей то же название.

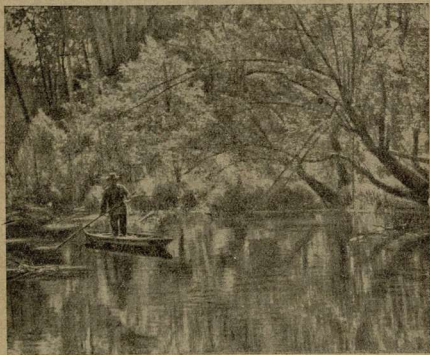
Пользуясь свободным временем, я оставил своих спутников устраивать бивак, а сам поднялся на горы. Я шел по прекрасному смешанному лесу с примесью кедра. Вершина сопки Хонко оказалась плоской. Это вынудило меня взобраться на дерево. Прежде всего я увидел, что гора Хонко была конечной вершиной длинной гряды, которая шла к юго-западу и, повидимому, служила водоразделом между рекой Хор и бассейном части нижнего Амура (от Хабаровска до Анюя). С этой стороны в поле моего зрения была небольшая долина реки Моды с притоком Чу. От горы Хонко Анюй сильно забирает к северо-востоку и подмывает правый край этой долины. К западу, насколько хватает глаз, расстилалось море лесов. Кое-где между деревьями блистала вода. Внизу у подножья сопки приютился наш отряд. Лодки были вытаснены подальше на отмель, чтобы ночью не унесло их водою. На биваке горел костер. От него тонкой струйкой кверху поднимался дымок.

Я спустился с дерева и хотел было итти назад, как вдруг увидел какую-то большую птицу и тотчас узнал в ней скопу. Она была белого цвета с черными концами крыльев и темными пятнами по всему телу. Скопа держала в лапах рыбину и летела к сухостойному дереву, на вершине которого было ее гнездо. Желая получше рассмотреть птицу, я стал осторожно продвигаться вперед, но птица бросила свою добычу и полетела прочь. Рыба стала падать с ветки на ветку и застряла на одном сучке. Когда я подошел к дереву, то увидел, что корни его сильно запачканы птичьими экскрементами и на земле валялось еще четыре дохлых рыбы, издававших зловоние. Как я ни старался разглядеть молодых скоп, они не показывались. Птенцы видели испуг матери и притаились.

Потом я заметил большого ворона. Наподобие хищной птицы, он парил в воздухе. Я узнал его по мелодичному карканью. Ворон описывал спиральные круги и поднимался все выше и выше. Скоро ветви деревьев заслонили небо, и я совсем потерял его из виду.

Около небольшой проточки из зарослей вылетели два рябчика. С характерным шумом поднялись они с земли и, спрятавшись в чаще, стали переключаться между собой. Скоро я нашел одного рябчика. Он медленно ходил по вет-

ке ясеня, вытягивал шейку, прислушивался и начинал свистеть. Я спугнул рябчика неосторожным движением, и он улетел дальше — в чашу леса. Когда я подходил к реке, то вдруг увидел что-то яркое и синее, мелькнувшее около самой воды. Это оказался зимородок. Отлетев немного, он опять уселся в лозняке. Здесь я мог его хорошо рассмо-

В протоке реки Анюя.

треть. Небольшая птичка, казалось, сгорбилась и как-будто спрятала голову в плечи, выставив вперед только длинный клюв. Общая окраска ее была буровато-красная с синевой по бокам. Я сделал еще два шага и спугнул птичку. В воздухе опять мелькнула изумрудно-синяя спинка. Зимородок издал слабый крик и исчез в прибрежных кустах.

Когда я подходил к биваку, солнце только-что скрылось за горизонтом. За горами его не было видно, уже чувствовалось приближение сумерек.

Мои спутники были все в сборе. После ужина меня

стало клонить ко сну. Завернувшись в одеяло, я лег около огня и сквозь дремоту слышал, как Чжан-Бао рассказывал казакам о Великой китайской стене, которая тянется на 7 000 ли¹ и которой нет равной во всем мире.

По ассоциации я вспомнил вал Чакири Мудун, который начинается где-то около Даубихе в Уссурийском крае и на многие десятки километров тянется сквозь тайгу с востока на запад. Вот он поднимается на гору, дальше контуры его становятся расплывчатыми, неясными, и наконец он совсем теряется в туманной мгле...

Наутро я проснулся раньше других. Костер погас. Казаки спали вповалку, прикрывшись одним полотнищем палатки. Туземцы устроились на ночь под лодками.

Часа через полтора мы снова плыли вверх по Анюю. Теперь горы подошли к реке с правой стороны. Здесь находится перевал в долину реки Мыному, о котором говорилось выше. С другой стороны тянется длинная и живописная протока Пунчи. В нее впадает речка Ачжю, против устья которой находится небольшое стойбище удэхейцев того же названия. Пунчи местами разбивается на несколько мелких рукавов, заваленных колодником и весьма опасных во время наводнения. Левый берег протоки скалистый. У подножья береговых обрывов в глубоких водоемах держится много рыбы, преимущественно ленков.

Двадцать четвертого июля мы достигли местности Улема, где были расположены пять юрт. Здесь от туземцев я узнал, что с Анюя на реку Хади попасть нельзя, что верховья первой соприкасаются на севере с бассейном Хуту, а на юге с реками Копи и Самарги. Хади же — небольшая речка, по которой никто не передвигается ни летом, ни зимою. Передо мной встал вопрос: итти на Копи или же на Хуту? Я выбрал последнее. На другой день я хотел было итти дальше, но в это время с одним из наших проводников сделался припадок. Он валялся на земле и кричал «Анана! Анана!» (т. е. больно, больно). Все остальные туземцы отнеслись к больному очень сочувственно и всячески старались облегчить его страдания. Тотчас на Ачжю были посланы два человека. В сумерки они вернулись и привезли с собой шамана из рода Кимунка. Это был мужчина

¹ Ли — китайская мера длины, равная приблизительно 500 метрам.

среднего роста, лет пятидесяти от роду, весьма молчаливый. Загорелое лицо его, смуглое с красноватым оттенком, было лишено усов и бороды. Он носил длинные волосы, заплетенные в одну косу, и был одет в свой национальный костюм, лишенный вышивок и каких бы то ни было украшений.

Женщины встретили старика на берегу и отнесли в юрту его вещи. Войдя в помещение, шаман сел на циновку и

Приток реки Самарги — Беглянка.

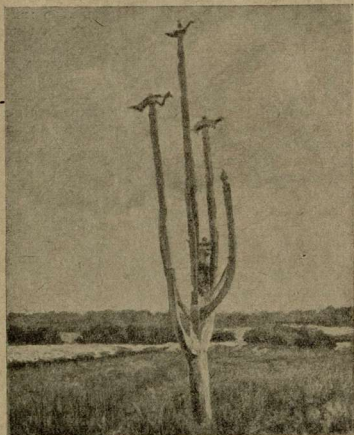
закурил трубку. Удэхейцы стали ему рассказывать о больном. Он слушал их с бесстрастным лицом и только изредка задавал вопросы. Потом он велел женщинам принести несколько камней, а сам пошел тихонько вдоль берега.

Я стал следить за ним глазами. Шаман часто останавливался, как-будто что-то искал на земле, всматривался в воду и озирался по сторонам. Первое живое существо, какое он заметил, должно быть севоном (изображением духа), который может бороться с недугом. Спустя несколько минут он воротился и сообщил, что видел «соксоки» (коршуна). Затем он взял принесенные камни и высыпал их на землю раз-другой и смотрел, как они располагаются по отношению к юрте, где находился больной, и по отношению

друг к другу. Это был своего рода гороскоп. Выбрав один из камней, он перевязал его жильной ниткой, конец которой взял в правую руку. Потом шаман сел на землю, скрестив ноги. Один из удэхейцев накрыл ему голову какой-то тряпицей. Шаман поднял камень с земли и дал ему «успокоиться». Долго он сидел в неподвижной позе и, казалось, задремал. Впоследствии я узнал, что в это время он мысленно перебирал всех известных ему севонов, в образе которых злой дух мог вселиться в человека. При упоминании виновного севона камень должен притти в движение. Прошло несколько минут, и вот камень в опытной руке шамана пошевелинулся. Шаман так ловко устраивал свои фокусы, что камень стал медленно поворачиваться сначала в одну, потом в другую сторону. Севоп «злого духа» был найден. Это лисица — «чигапи». Шаман встал и направился к юрте больного. Когда последний увидел приближающихся людей, он стал еще более метаться и кричать. Началось камланье. Старик надел на себя пояс с позвонками, в левую руку взял большой бубен, а в правую колотушку, имеющую вид выгнутой пластинки, обтянутой мехом выдры и оканчивающейся ручкой, украшенной на конце резной головой медведя. Шаман стал петь свои заклинания сначала тихо, а потом все громче и громче. Он неистово бил в бубен и потрясал позвонками. Больной пришел в сильное волнение. Несколько человек держали его за ноги и за руки. В это время один из удэхейцев принес в юрту грубое изображение лисы, сделанное из травы, и поставил его около огня. Шаман с пляской подошел к больному. Он наклонился к нему и стал колотушкой как бы снимать со своего пациента болезнь и переносить ее на травяное чучело, а затем вдруг закричал громко и протяжно «ахе-хе-э». Тогда «чигапи» вынесли из юрты и спрятали где-то в лесу, а около больного воткнули в землю палочку, к концу которой было привязано изображение коршуна, вырезанное из бересты. Минут через двадцать больной, очевидно ослабевший после острого нервного возбуждения, стал успокаиваться и скоро погрузился в сон.

На другой день он был так слаб, что не мог нам сопутствовать. Нечего делать, пришлось продневать еще один день. Тогда я решил отправиться на экскурсию по правому берегу реки. Отойдя от стойбища шагов триста, я вышел на отмель, занесенную песком. Здесь мое внимание

привлекли к себе небольшие жуки светлошоколадной окраски с белыми пятнышками на надкрыльях. Они хорошо летали, проворно бегали по песку и ловко прыгали. Жуки были все время настороже. При каждой моей попытке приблизиться к ним они поднимались на воздух и, отлетев

Молельня удэхейцев на Сихотэ-Алине.

немного в сторону, снова садились на песок. Тогда я решил не двигаться и ждать, когда они сами приблизятся ко мне. Так и случилось. Жуки двигались порывами, останавливались и делали неожиданные прыжки в стороны. Они охотились за насекомыми, которых тут же и пожирали. Вдруг около моих ног кто-то с размаху ударился о землю.

Большая оса-охотница напала на паука. Повалив его на землю, она подогнула брюшко и дважды уколола его своим жалом. Мгновенно паук был парализован. Затем оса схватила свою жертву челюстями и, придерживая ее лапками, поднялась на воздух. Парализованный паук предназначался на корм личинке.

Около самой воды над какой-то грязью во множестве держались бабочки средней величины кирпично-красного цвета с темными пятнышками на крыльях. Они все время то раскрывали, то закрывали крылышки, и тогда чешуйки на них переливались синими и лиловыми тонами.

Иногда над рекой пролетали дивной красоты махаоны с черно-синими передними и изумрудно-синими с металлическим блеском задними крыльями. Последние имели длинные отростки на концах. Все же здесь на Анюе они не достигали таких размеров, как в Южноуссурийском крае.

Из царства пернатых я заметил крохалей. Было как раз время линьки. Испуганные птицы не могли подняться на воздух. Несмотря на быстроту течения реки, они удивительно скоро перебежали вверх по воде, помогая себе крыльями, как беслами.

Случайно я поднял глаза к небу и увидел двух орлов; они плавно описывали большие круги, поднимаясь все выше и выше, пока не превратились в маленькие точки. Трудно допустить, чтобы они совершали такие заоблачные полеты в поисках за кормом, трудно допустить, чтобы оттуда они могли разглядеть добычу на земле. Повидимому, такие полеты являются их органической потребностью.

На обратном пути я увидел трясогузку. Миловидная птичка стояла на камешке около самой воды и грациозно помахивала своим хвостиком. Вдруг она поднялась на воздух и как-то странно стала летать, то бросаясь вперед, то держась на одном месте и трепеща крыльями. Трясогузка ловила какое-то насекомое. Видно было, как она старалась схватить его и как-будто клевала воздух. Повидимому, трясогузка или поймала насекомое, или испугалась меня, потому что вдруг бросилась в сторону и полетела вдоль берега, то снижаясь к воде, то снова поднимаясь кверху. Около полудня я возвратился на бивак и занялся вычерчиванием съемки.

Выйдя из палатки, я увидел, что Чжан-Бао и удэхеец Маха куда-то собираются. Они выбрали лодку поменьше

и вынесли из нее на берег все вещи, затем положили на дно ее корье и охапку свеженарезанной травы. На вопрос мой, куда они идут, Чжан-Бао ответил:

— Фан-чан Да-лу (оленья стрелять).

Я высказал желание присоединиться к ним. Он передал мою просьбу удэхейцу, тот мотнул головой и молча указал мне место в середине лодки. Через минуту мы уже плыли вверх по Анюю, придерживаясь правого берега реки.

Смеркалось... На западе догорала последняя заря. За лесом ее не было видно, но всюду в небе и на земле чувствовалась борьба света с тьмою. Ночные тени неслышными волнами уже успели прокрасться в лес и окутали в сумрак высокие кроны деревьев. Между ветвями деревьев виднелись звезды и острые рога полумесяца.

Через полчаса мы достигли протоки Ачжю. Здесь мои спутники остановились, чтобы отдохнуть и покурить трубки. Удэхеец что-то тихонько стал говорить китайцу, указывая на протоку, и дважды повторил одно и то же слово: «Кя(н)га». Я уже начинал понемногу овладевать языком туземцев, обитающих в Уссурийском крае, и потому без помощи переводчика понял, что дело идет об охоте на изюбра, который почему-то должен был находиться в воде. За разъяснениями я обратился к Чжан-Бао. Он сказал, что в это время года изюбры спускаются с гор к рекам, чтобы полакомиться особой травой, которая растет в воде по краям тихих лесных проток. Я попросил показать мне эту траву. Удэхеец вылез из лодки и пошел искать ее по берегу. Через минуту он вернулся и на палке принес довольно невзрачное растение с мелкими листочками. Это оказался водяной лютик.

Покурив трубку, Чжан-Бао и Маха нарезали ножами древесных веток и принялись укреплять их по бортам лодки, оставляя открытыми только нос и корму. Когда они кончили эту работу, последние отблески вечерней зари погасли совсем; воздух заметно потемнел, и на землю стала быстро спускаться темная ночь.

— Капитан, — обратился ко мне Чжан-Бао, — твоя сиди тихо, говори не надо.

Затем мы разместились так: сам он сел впереди с ружьем, я посредине, а удэхеец — на корме с веслом в руках. Шесты были положены по сторонам, чтобы они во всякую минуту были под руками. Когда все было готово,

Маха подал знак и оттолкнул веслом челнок от берега. Лодка плавно скользнула по воде. Еще мгновение, и она вошла под темные своды деревьев, росших вперемежку с кустарниками по обеим сторонам протоки. Удэхеец два раза гребнул веслом и затем предоставил нашу утлую ладью течению. Не вынимая весла из воды, он легким, чуть заметным движением руки направлял ее так, чтобы она не задевала за коряжины и ветви деревьев, низко склонившихся над протокой. Сначала мне показалось, что лодка стоит на месте, но вскоре я заметил, что берег медленно движется нам навстречу. Темные силуэты кустов и бурелом, нанесенный бог знает откуда водою, один за другим появлялись из темноты и бесшумно, словно привидения, проходили, скрываясь снова за поворотом протоки.

Ночь была необычайно тихая. В великом безмолвии чувствовалось какое-то напряжение.

Чжан-Бао весь превратился в слух и внимание; я сидел неподвижно, боясь пошевелинуться, удэхейца совсем не было слышно, хотя он и работал веслом. Лодка толчками продвигалась вперед и легонько покачивалась на воде. Впереди ничего не было видно, и в тех случаях, когда мне казалось, что протока поворачивает направо, удэхеец направлял лодку в противоположную сторону или шел прямо в кусты. Туземец хорошо знал эти места и вел лодку по памяти. Один раз Чжан-Бао сделал мне какой-то знак, но я не понял его. Вслед за тем Маха положил мне весло на голову и слегка надавил им. Я тогда сообразил, в чем дело, и едва успел пригнуться, как совсем близко надо мною пронесся сук большого дерева, растущего в сильно наклоненном положении. Лодка нырнула в темный коридор, одна ветка больно хлестнула меня по лицу. Я закрыл глаза; кругом слышался шум волн, и вдруг все сразу стихло. Я оглянулся назад и среди зарослей во мраке не мог найти того места, откуда мы только-что вышли на широкое спокойное плесо. Оно показалось мне сначала озером, но потом я ясно различил оба берега, покрытые лесом. В это время Чжан-Бао легонько толкнул челнок рукою в правый борт; удэхеец понял этот условный знак и тотчас повернул лодку к берегу. Через минуту она тихонько скрипнула дном по песку. Я хотел было спросить, в чем дело, но, заметив, что мои спутники молчат, не решился говорить и только осторожно поправил свое сиденье.

Берег, к которому мы пристали, был покрыт высокими травами. Среди них виднелись какие-то крупные белые цветы, должно быть пионы. За травой поднимались кустарники, а за ними — таинственный и молчаливый лес.

Вдруг направо от нас раздался шорох, настолько явственный, что мы все трое сразу повернули головы. На минуту шум затих, затем опять повторился, на этот раз еще явственнее. Я даже заметил, как колыхалась трава, словно кто шел по чаще, раздвигая густые заросли. При той тишине, которая царила кругом, шум этот показался мне очень сильным. Чжан-Бао приготовил ружье и караулил момент, когда животное покажется из травы, но удэхеец не стал дожидаться появления непрошенного гостя: он проворно опустил весло в воду и, упершись им в песчаное дно, плавным, но сильным движением оттолкнул лодку на середину протоки. Течение тотчас подхватило ее и понесло снова вдоль берега. Отойдя саженей сто от места первого причала, мы опять подошли к зарослям. Только-что лодка успела носом коснуться берега, как опять послышался шорох в траве. Тогда Чжан-Бао два раза надавил на левый борт лодки. По этому сигналу удэхеец, отведя немного лодку от берега, стал бесшумно сдерживать ее веслом против воды, время от времени отдаваясь на волю течения. Шум по берегу в зарослях следовал параллельно нам. Стало ясно, что таинственный зверь следил за нашей лодкой. Потом он стал смелее, иногда забегал вперед, останавливался и поджидал, когда неизвестный предмет, похожий на плавник с зелеными ветвями, поровняется с ним, и в то же время он чувствовал, быть может и видел, что на этом плывущем дереве есть живые существа.

Я не спускал глаз с берега и по колыхающейся траве старался определить местонахождение зверя. Один раз мне показалось, что я вижу какую-то длинную тень, но я не уверен, что это действительно было животное. Вдруг Чжан-Бао шевельнулся и стал готовиться к выстрелу. Впереди, шагах в двухстах от нас, кто-то фыркал и плескался в реке.

Широкая протока здесь делала поворот, и потому на фоне звездного неба, отраженного в воде, можно было кое-что рассмотреть. Китаец быстро поднял вверх руку, и удэхеец сразу поставил лодку в такое положение, чтобы удобно было стрелять. В это мгновение я увидел изюбра.

Благородный олень стоял в воде и время от времени в холодную темную влагу погружал свою морду, добывая со дна водяной лютик. Лодка, влекомая тихим течением, медленно приближалась к животному. Но вот изюбр насторожился, поднял голову и замер в неподвижной позе. Слышно было, как с морды его капала вода.

Вдруг в кустах, как раз против нашей лодки, раздался сильный шум. Таинственное животное, все время следившее за нами, бросилось в чащу. Испугалось ли оно, увидев людей, или почуяло оленя, не знаю. Изюбр шарахнулся из воды, и в это время Чжан-Бао спустил курок ружья. Грохот выстрела покрыл все другие звуки, и сквозь отголосок эха мы все трое ясно услышали тоскливый крик оленя, чей-то яростный храп и удаляющийся треск сучьев. С песчаной отмели сорвались кулички и с жалобным писком стали летать над протокой.

Когда все смолкло, Маха направил лодку к тому месту, где был изюбр, но там оказалось мелко. Пришлось спуститься еще на несколько саженей, и только тогда явилась возможность пристать к берегу. Оба охотника тотчас пошли за берестой, а я остался около лодки. Прошло несколько минут, а они все еще не возвращались. Вдруг влево от меня зашевелилась трава. Мне стало жутко, но в это время послышались голоса. Я поборол чувство страха и пошел навстречу своим спутникам. Из принесенного березового корья удэхеец сделал факел. Разжегши его, мы пошли посмотреть, нет ли крови на оленьих следах. Крови не оказалось: значит Чжан-Бао промахнулся. Придя назад к берегу, Маха положил факел на землю и бросил на него охапку сухих веток. Тотчас вспыхнуло яркое пламя, и тогда все, что было в непосредственной близости, озарилось колеблющимся красным сиянием.

Чжан-Бао и удэхеец набили свои трубки и принялись обсуждать происшедшее. Оба были того мнения, что зверь, следовавший по берегу за лодкой, был тигр. Китаец называл его «Ломаза», а удэхеец — «Куты-мафа». Благодаря ему изюбр сорвался с места, прежде чем Чжан-Бао выследил его как следует, потому и пришлось стрелять раньше времени. Он был недоволен, ругал тигра и в сердцах сплевывал на огонь. Удэхеец волновался, но не потому, что охота была неудачной, а по другой причине. Ругань по адресу тигра и плевки в огонь казались ему двойным святотатством.

— А та тэ-э, манга-мангала би (т. е. «Ай, ай, совсем плохо»), — говорил он не то со страхом, не то с сожалением, поправляя огонь и как бы своим вниманием к нему стараясь парализовать оскорбление, нанесенное плевками китайца.

Чжан-Бао не унимался, а удэхеец был не на шутку встревожен поведением своего товарища. Я увидел, что пришло время вмешаться в разговор.

— Ничего, — сказал я Чжан-Бао, — не надо сердиться. На этот раз неудача, зато в другой раз будет успех. Не убили изюбра, зато если не видели, то слышали близкое присутствие тигра.

Мои слова, видимо, успокоили китайца. Он перестал ругаться и начал шутить; развеселился и Маха. Через полчаса мы стали собираться домой. Удэхеец охапкою мокрой травы прикрыл тлеющие уголья, а сверху засыпал их песком. Затем мы сели в лодку. Маха оттолкнул ее от берега и на ходу сел на свое место. Мои спутники взялись за весла. Теперь мы плыли скоро и громко разговаривали между собою. Я оглянулся назад: тонкая струйка беловатого дыма от притушенного костра поднималась еще кверху. На гладкой и спокойной поверхности воды виднелись след от лодки и круги, оставленные испуганными рыбами. Большая ночная птица бесшумно летела вдоль протоки, но, догнав лодку, метнулась в сторону и через мгновение скрылась в тени прибрежных кустарников.

Приблизительно с версту мы еще плыли широким плесом. Затем течение сделалось быстрее, протока стала суживаться и наконец разбилась на два рукава: один — большой — поворачивал направо, другой — меньший — шел прямо в лес. Лодка, направляемая опытной рукой Маха, нырнула в заросли, и мы сразу очутились в глубокой тьме. Впереди слышался шум воды на перекатах.

— Аной, — лаконически сказал удэхеец. И действительно мы вдруг совершенно неожиданно вышли на реку. Теперь нам предстояло подняться против воды. Мои спутники оставили весла и взялись за шесты.

Несмотря на неудачу, я был очень доволен поездкой. Скоро мы миновали какие-то утесы, обогнули галечниковую отмель, а за ней опять подошли к берегу, заросшему низкорослыми ивняками. Дальше за кустами на фоне темного неба, усеянного миллионами звезд, вырисовывались кроны

больших деревьев с узловатыми ветвями: тополь, клен, ольха, липа, все они стали теперь похожи друг на друга, все приняло однотонную, не то черную, не то буро-зеленую окраску. На правом берегу показался громадный кедр. Он был единственным в этой местности и, словно гигантский часовой, охранял «порядок» в лесу. Кедр смотрел величаво и угрюмо, точно он был недоволен сообществом лиственных деревьев и через вершины их всматривался вдаль, где были его сверстники и собратья.

Наконец показался огонь — это был наш бивак. Он то скрывался в чаще леса, то появлялся вновь и как-будто перемещался вдоль берега. Еще один поворот, и от огня по воде навстречу нам побежала длинная колеблющаяся полоса света — верный признак, что бивак был недалеко. Минут через пятнадцать мы причалили к берегу. На биваке все уже спали, и покой уснувших людей охраняли собаки. Моя Альпа лежала свернувшись недалеко от костра. Она узнала нас по голосам, но все же для вида, не подымая головы, лениво тявкнула два раза. Я погладил ее, подбросил дров в огонь, прошел в свою палатку и, завернувшись в одеяло, крепко уснул.

На другой день мы выступили очень рано. Погода опять испортилась. Небо заволокло тучами, появился густой туман. По обилию влаги он не уступал дождю и так же был докучлив. Чем выше мы поднимались по реке, чем больше углублялись в горы, тем сильнее становилось течение. Шум воды на перекатах был слышен издали. В таких случаях туземцы приставали к берегу, чтобы посоветоваться и обратиться с силами. Они заранее уславливались, как итти, и напрягали все силы, чтобы удержать лодку против воды: шести гнулись, дрожали и выбивали барабанную дробь о борта лодок. Каждый раз, пройдя через порог, я видел по лицам спутников-туземцев, что мы пережили несколько опасных минут.

За эти две недели мои спутники привыкли к лодкам и там, где было не так опасно, помогали туземцам проталкиваться на шестах. С непривычки у них на руках образовались водяные пузыри и болели суставы. По ночам слышно было, как стонали мои соседи от того, что неосторожно повернулись и придавили больной локоть или плечо.

Высоко в небе парит орел, плавно описывая круги. Ему все видно. Он зорко смотрит вниз и выискивает добычу.

Последняя протока кончилась около сопки Уба. На отмели с левой стороны Анюя расположились люди на отдых. Рядом горит костер. Минут через тридцать люди зашевелились. Одни разбирают шесты, другие несут чайники, посуду и всякий скарб. Потом они сели в лодки и поплыли дальше. Едва ушли люди, как тотчас явились вороны. Озираясь по сторонам, они начали подбирать остатки и ссориться из-за всякого пустяка. Вдруг все вороны разом поднялись на воздух и расселись по соседним деревьям. Их напугала есотовидная собака — небольшое лохматое животное. Она двигалась вразвалку, суетливо обнюхивала землю и подбирала то, что не успели утащить вороны. Орел увидел еще большую тучу, надвигающуюся с запада, и поднялся выше. Туча быстро неслась по небу, разрастаясь в глубь и ширь. Люди тоже заметили приближающуюся грозу и торопятся спрятаться под навесом скалы, прикрываясь полотнищами палаток, шинелями и чем попало. Вот упали первые дождевые капли, сверкнула молния, и загремел гром. От сотрясения воздуха хлынул ливень, затем послышался еще какой-то шум. Это шел по лесу крупный град, маленькие кусочки льда отскакивали от камней и прыгали по земле. На воде появилось бесчисленное множество воздушных пузырьков. С деревьев сыпалась листва, никла трава, как подкошенная, какая-то бабочка, застигнутая врасплох грозою, искала защиты под листком клена, но ледяшка ударила как раз в ее убежище и раздробила ей одно крыло. Бабочка сделала попытку спрятаться в траве, но порывом ветра ее отнесло к реке. Мутная вода подхватила изуродованное насекомое и понесла его на пороги, где всего более пенилась вода.

Как быстро нашла гроза, так же быстро она и рассеялась. Дождь перестал, выглянуло солнце, и появилась роскошная радуга. Земной мир снова принял ликующий вид. На ветвях деревьев и на каждой былинке дрожали капли дождевой воды, превращаемой лучами солнца в искрящиеся алмазы. На лодках тоже заметно движение. Люди снимают с себя намокшие покрывала, разбирают шесты и снова идут вперед вверх по Анюю.

После Улема к широколиственным породам понемногу стали примешиваться кедровники. Одни тальники имели вид пирамидальных тополей, другие росли кустарниками на галечниковых островках. Пучки сухой травы и всякий

мусор, застрявший на них, свидетельствовали о том, что места эти ежегодно затопляются водою.

Первым большим притоком Анюя будет Тормасунь, или Тонмасу, как ее называют туземцы. По их словам, это будет самая быстрая река Анюйского бассейна. По ней можно подниматься только в малую воду. Тормасунь течет под острым углом по отношению к своей главной реке. В истоках ее находится низкий перевал на реке Хор, через который перетаскивают лодки на руках.

После Тормасуня Анюй течет одним руслом. Кое-где посредине реки встречаются небольшие островки, еще не успевшие покрыться растительностью. Эта часть Анюя очень живописна. Горные хребты, окаймляющие долину, увенчаны причудливыми скалами, издали похожими на руины древних замков с башнями и бойницами. Местные туземцы называют их шаманскими камнями и говорят, что в давние времена здесь жили крылатые люди.

Одиннадцатого июля наш маленький отряд достиг реки Гобилли, впадающей в Анюй с правой стороны, как раз в том месте, где он меняет свое направление.

Непрекращающиеся дожди и постоянная прибыль воды в реке весьма беспокоили туземцев. Они опасались за своих жен и детей и начали проситься домой. Я обещал не задерживать их и отпустить тотчас, как только они доставят нас к подножью Сихотэ-Алиня. Около устья Гобилли мы устроились биваком в тальниковой роще.

Незадолго до сумерек тяжелая пелена туч, покрывавшая небо, разорвалась. Сквозь них пробился луч заходящего солнца. Воздух, находившийся до сих пор в состоянии покоя, вдруг пришел в движение. Лес зашумел, деревья ожили и закачались, стряхивая на землю дождевые капли.

Тогда я кликнул свою собаку и пошел по берегу реки Гобилли, покрытому высокими тополями и ясенями. За ними ближе к горам виднелись кедровники, а еще выше лиственница, ель и пихта. Подлесье из жасмина, калины, смородины, сорбарии и элеутероктуса, переплетенных актинидиями и виноградником, образовало непролазную чащу, в которой зверье протоптало хорошую тропу.

Я шел осторожно, иногда останавливался и прислушивался: собака моя плелась сзади. Тропа стала забираться вправо, и я думал, что она заведет меня в горы, но вот впереди показался просвет. Раздвинув заросли, я увидел

быстро бегущую воду в реке, по которой стремительно неслись клочья пены и всякий мусор.

Дождь перестал совсем, температура воздуха понизилась, и от воды стал подниматься туман. В это время на тропе я увидел медвежий след, весьма похожий на человеческий. Альпа ошетинилась и заворчала, и вслед за тем кто-то стремительно бросился в сторону, ломая кусты. Однако зверь не убежал, он остановился вблизи и замер в

Собака Арсеньева Альпа, съеденная его отрядом во время голодовки на реке Хуту в 1908 году.

ожидательной позе. Так простояли мы несколько минут. Наконец я не выдержал и повернулся с намерением отступить. Альпа плотно прижалась к моим ногам. Едва я шевельнулся, как неизвестный зверь тоже отбежал на несколько метров и снова притаился. Напрасно я всматривался в лес, стараясь узнать, с кем имею дело, но чаща была так непроницаема и туман так густ, что даже стволов больших деревьев не было видно. Тогда я нагнулся, поднял камень и бросил его в ту сторону, где стоял неведомый зверь. В это время случилось то, чего я вовсе не ожидал.

Я услышал хлопанье крыльев. Из тумана выплыла какая-то большая темная масса и полетела над рекой. Через мгновение она скрылась в густых испарениях, которые все выше поднимались от земли. Собака выражала явный страх и все время жалась к моим ногам. Меня окружала таинственная обстановка, какое-то странное сочетание лесной тишины, неумолчного шума воды в реке, всплесков испуганных рыб, шороха травы, колеблемой ветром. В это время с другой стороны послышались крики, похожие на вопли женщины. Так кричит сова в раздраженном состоянии. Не медля больше, я ободрил собаку и пошел назад по тропинке.

Ночь быстро надвигалась на землю, туман сгущался все больше и больше, но я не боялся заблудиться. Берег реки, зверовая тропа и собака скоро привели меня к биваку. Как раз к этому времени вернулись с охоты удэхейцы.

Вечером после ужина я рассказал туземцам о том, что видел в тайге. Они принялись очень оживленно говорить о том, что в здешних местах живет человек, который может летать по воздуху. Охотники часто видят его следы, которые вдруг неожиданно появляются на земле и так же неожиданно исчезают, что возможно только при условии, если человек опускается сверху на землю и опять поднимается на воздух. Удэхейцы пробовали его следить, но он каждый раз пугал людей шумом и криками, такими же точно, какие я слышал сегодня.

Удэхейцы замолчали, но в это время вмешался в разговор Чжан-Бао. Он сказал, что в Китае тоже встречаются летающие люди. Их называют «Ли-чжен-цзы». Они живут в горах, вдали от людей, не едят ни хлеба, ни мяса, а питаются только растением «Ли-чжен-цау», которое можно узнать только в лунные ночи по тому, как на нем располагаются капли росы. Чжан-Бао даже сам видел такого человека. Дело было давно, когда он был еще мальчиком. Однажды зимой к ним в фанзу пришел китаец, очень легко одетый. Он сел на кан и отказывался от пищи, которую ему предлагали. Когда перед сном все стали раздеваться, пришедший человек снял с себя куртку и накрыл ею спину. Он старался занять такое положение, чтобы никто не видел его плеч. Потом он вышел из фанзы и долго не возвращался назад. Опасаясь, как бы он не простудился, кто-то пошел за ним и стал его окликать, но на

дворе никто не отзывался. Тогда мужчины оделись, взяли фонари и пошли искать этого человека. Следы по снегу привели к забору и здесь пропали. На другой день узнали, что к утру его видели в расстоянии 200 ли от поселка в другой фанзе, где он неожиданно появился и так же таинственно исчез. Ли-чжен-цзы — сын молнии и грома, он

Река Гобилли, правый приток реки Аноя.

младенцем падает на землю во время грозы. Это сильный, божественный человек, заступник обиженных, герой. Посещение им людей приносит удачу в промыслах и в тяжбах при решении спорных вопросов. По мнению Чжан-Бао, летающий человек на реке Гобилли был один из Ли-чжен-цзы, китаец и уж никак не туземец. Из этого я вывел заключение, что сказание удэхейцев о людях с крыльями позаимствовано ими от китайцев в древние времена.

На другой день удэхейцы встали рано. Они хотели поскорее доставить нас на условленное место. Я понимал их торопливость и шел им навстречу.

С восходом солнца туман стал рассеиваться и подни-

маться кверху. Это был хороший признак, обещавший хорошую погоду. Не медля ни мало, мы тронулись в путь.

Удэхейцы оказались правы. Они нисколько не сгустили красок, а, наоборот, даже недостаточно ярко изобразили все трудности плавания по реке Гобилли. Выражение «поплыли», пожалуй, будет неподходящим, правильнее было бы сказать—мы стали карабкаться по порогам и каскадам. Несколько раз лодки наши попадали в весьма опасное положение, из которого выходили только благодаря ловкости и находчивости удэхейцев. Пусть читатель представит себе узкий коридор с совершенно отвесными стенками, по которому вода идет с головокружительной быстротой, шести не достают дна, и упираться надо в выступы скал или подтягиваться на руках, хватаясь за расщелины камней. В другом месте путь нам преградил во всю ширину реки водопад в метр вышиною. Посредине его была лазейка, через которую по наклонной плоскости стремительно сбегала вода. Когда лодка стала входить в нее, вода фонтаном взвилась кверху. Тогда я оценил лопатообразный нос улимагды. Без него лодка была бы мгновенно залита водою.

На второй день пути по Гобилли мы наконец достигли конечного пункта нашего плавания — небольшой горной речки, которую впоследствии удэхейцы назвали Чжанге Уоляни, что значит «Ключик на перевал, по которому прошел Чжанге». Так называли они меня в 1908 году.

Вечером у огня я расспрашивал удэхейцев о Гобилли и местности в верховьях реки Хуту по ту сторону водораздела. Один из них начертил мне даже план на бересте, из которого я понял, что река Гобилли течет вдоль хребта Сихотэ-Алиня и несколько под углом к нему. Все правые нижние притоки ее имеют перевалы на Анюю, а верхние — на Хунгари. В самых верховьях Гобилли никто из туземцев не бывал. Как всегда в таких случаях, про истоки ее ходят нехорошие слухи. Там темно, всегда идут дожди, дуют холодные ветры. Там царство голода и смерти. Потом они говорили, что до Сихотэ-Алиня мы дойдем в двое суток, а через семь или восемь дней доберемся до реки Хуту, где, наверно, найдем людей.

Глава III

ПЕРЕВАЛ

На следующий день мы расстались. Удэхейцы вошли в лодки и, пожелав нам счастливого пути, отчалили от берега. Когда обе улимагды достигли порога, удэхейцы еще раз послали нам приветствия руками и скрылись в каменных ловушках. Мы остались одни и сразу почувствовали себя отрезанными от мира, населенного людьми. Теперь нам предстояло выполнить самую трудную часть пути.

Я не хотел тратить напрасно время и предложил моим спутникам собираться в дорогу. Наладив тяжелые котомки, мы пошли по ключику Чжанге Уоляни, представляющему собой горный ручей километров в двадцать длиной и протекающему по распадку между двумя отрогами главного водораздела. Западный склон Сихотэ-Алиня, обращенный к реке Гобилли, покрыт смешанным лесом, носившим на себе следы огня. На местах пожарищ выросли тонкоствольные березняки в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Деревья росли как-то странно, в сильно наклонном положении, иные вершинами совсем пригнулись к земле, что, вероятно, можно объяснить обледенением их зимой. В самых истоках речка разбилась на три небольших ручейка. Памятуя указание, данное удэхейцами, мы пошли вправо. Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что вынуждал нас двигаться зигзагами и карабкаться на четвереньках, хватаясь руками за корни деревьев. Самый перевал представлял собой седловину высотой 1 200 метров над уровнем моря, покрытую лесом, состоящим из ели, пихты, березы и лиственницы. Добравшись до вершины, мы сели отдыхать. Чжан-Бао лег на землю и тотчас же поднялся.

— Суи ню (вода есть),— сказал он уверенно.

Мы стали прислушиваться, и, действительно, где-то неглубоко под землей тоненькой струйкой лилась вода. Мы поспешно стали разбрасывать камни и через несколько минут открыли источник с чистой ледяной водой. Здесь мы и заночевали.

На другое утро все встали раньше солнца и разделились на три части. Я и Чжан-Бао пошли на юг по водоразделу.

Сихотэ-Алинь представляет собой высокую гряду, которая тянется по направлению от северо-востока к юго-западу и слагается из ряда плоских вершин, покрытых осыпями. Обломки каменной породы лежат так ровно и плотно, что можно подумать, как-будто нарочно их кто-нибудь пригонял друг к другу. На гребне водораздела леса нет, лишь по обширным ягельным тундрам разбросаны одиночные кусты богульника и кедрового сланца. Я ожидал, что после дождей атмосфера очистится, но сверх всякого ожидания воздух был наполнен мглой. В ней тонули не только дальние сопки, но и те, что были в непосредственной близости. По небу проходили большие облака и то открывали, то закрывали солнце, отчего панорама принимала то веселый, то мрачный вид, сообразно с этим вселяя в нас то надежду, то сомнение.

Я сел на камень и стал зарисовывать профили видящихся вдали горных цепей.

Некоторое время я сидел неподвижно и смотрел на планшет. Когда я поднял голову, то вдруг увидел на соседней вершине животное аспидно-бурого цвета со странной удлиненной головой и большими ветвистыми рогами. Это был северный олень. Он, видимо, учуял меня и пустился наутек. Через минуту животное скрылось в ложине, заросшей кедровым сланцем.

Кстати, два слова о северном олене. Южная граница его распространения в Уссурийском крае проходит от реки Саласу через верхнее течение Хунгари, потом Анюю, верховья Копи и выклинивается у моря около мыса Успения. Но и в этих местах он немногочислен и держится на гольцах по вершинам гор, где есть достаточно корма. Орочи называют его Ию и убивают его только тогда, когда он случайно попадает под выстрел.

В пятницу 27 июля мы начали спуск с водораздела.

На следующий день я определил поправку хронометра, а в полдень взял высоту солнца.

Тишина в лесу, гулкое эхо и хмурое небо предвещали непогоду. Когда мы выступили с бивака, начал накрапывать дождь. Несмотря на ненастье, все были бодро настроены. Сознание, что мы перешли Сихотэ-Алинь и теперь спускались по воде, бегущей к морю, радовало моих спутников. Но радость их была преждевременной, потому что успех нашего предприятия зависел от многих причин и главным образом от того, как скоро удастся найти орочей на реке Хуту.

Восточный склон Сихотэ-Алиня более полог, чем западный, и слагается как бы из нескольких больших террас. Горный ручей, служивший нам путеводной нитью, то низвергался вниз мелкими каскадами, то просачивался под мхом, заболачивая почву иногда на значительном протяжении.

Второго августа наш маленький отряд достиг места, где Паргами впадает в Буту. Перед нами открылась большая болотистая котловина, со всех сторон обставленная невысокими сопками, имеющими вид размытых холмов. Такой ландшафт типичен для предгорий Сихотэ-Алиня. Широкая, слабо всхолмленная равнина была покрыта сфагновым мхом и редкою лиственницей. Здесь не было видно ни зверей, ни птиц, ни насекомых. Свист ветра, пробегающего по вершинам полузасохших деревьев, еще более усугублял впечатление лесной пустыни. Переходя болото, я как-то отделился от отряда и, взглянув со стороны на своих спутников, увидел, что каждый из них окружен как бы облаком легкого тумана. Это вились над ними мошки и комары. К вечеру мы достигли устья реки Паргами. После дождей она разлилась и во многих местах затопила болото.

Километров через пять мало-помалу начал вновь вырисовываться характер горной страны; сделалось суше, но зато стали встречаться непропуски. Читатель, пожалуй, не знает, что значит «непропуск». Это горный отрог, подходящий к реке вплотную. У подножья его образовались глубокие водоемы, и потому обойти его со стороны реки нельзя. Надо с тяжелыми котомками взбираться на кручи. Чтобы взять один непропуск, иной раз уходит полдня времени и много сил.

Этот переход показался всем очень утомительным, в

особенности он трудно дался С. Ф. Гусеву, попавшему в тайгу впервые. Почтенный геолог совершенно не обладал чувством ориентировки, часто отставал, терял наши следы и уходил в сторону. Каждый раз надо было разыскивать его и напрасно терять дорогое время. Близорукий, он плохо видел без очков, да и очки часто терял, и тогда он уже совершенно ничего не видел. Сухую ель С. Ф. Гусев принимал за утес, разговаривал с пнем и прыгал через канаву там, где ее не было вовсе. Самым же большим недостатком его была полная беспомощность. Есть такие люди, с которыми случаются всякие неприятные истории. Палатка обвалится ни на кого другого, а именно на него. Однажды он попал босой ногой в котел с кашей, другой раз уронил мыло в реку, а потянувшись за ним, сам упал в воду. Не замечая, что одна лямка вытянулась, Гусев долгое время нес котомку на одном плече, отчего страдал физически. Однажды мы дали ему нести алюминиевый котелок. Гусев привязал его так, что крышка болталась и звенела. Я рассчитывал убить какого-нибудь зверя в пути, но Гусев своим звоном мешал охоте. Он шел впереди, а я производил съемку и немного отстал. Я попросил казака догнать Гусева и привязать его котелок, как следует.

— Не надо, — ответил казак. — Пусть идет так. Если он потеряется, легче найти его будет в лесу.

По рассеянности Гусев, собираясь в путешествие, захватил с собой неравные комплекты белья: трое кальсон и одну старенькую рубашку, которая скоро изорвалась. Тогда он проявил инициативу и ухитрился надеть на себя кальсоны вместо рубашки. На груди у него получился косой крест с пуговицами, а сзади пузырь, надуваемый ветром. Штрипки белых панталон он разрезал и завязал около кистей рук, вследствие чего получились рукава с буфами. В этом странном одеянии Гусев походил на ландскнехта. Сначала мы все помирали со смеху, но потом привыкли к его наряду.

Пусть читатель не подумает, что С. Ф. Гусев был пошлостью моих спутников. Мы все относились к нему с уважением, сочувствовали его непригодности и всячески старались ему помочь. Больше всего был виноват я сам, потому что взял с собой человека, мало приспособленного к странствованиям по тайге.

Пятого августа мы дошли до впадения реки Аделами

в Буту. Отсюда уже можно было плыть на лодках. Мы решили долбить две улимагды. Нашли подходящие деревья, свалили их и оголили от коры. На изготовление лодок ушло четверо суток.

По тому, как начался рассвет, по тишине в лесу и по быстро бегущим облакам на небе видно было, что опять собирается ненастье. И действительно, часов в восемь утра первые дождевые капли упали на землю. Недостаток продовольствия заставлял нас торопиться. Вода в реке была мутная и стояла на прибыли, а лодки были сделаны недостаточно умело, тяжелые, неповоротливые. В первый же день малая улимагда разбилась о камни. Люди успели выбраться на бурелом, а палатки, фотографический аппарат и значительная часть продовольствия погибли. Тогда мы разделились на две группы: одна с грузами следовала на лодке, а другая шла пешком. К вечеру 11 августа мы дошли до какой-то высокой скалистой сопки. Казаки принялись устраивать бивак, а я пошел на гору, чтобы посмотреть, нет ли где дыма, указывающего на присутствие людей. Сверху мне хорошо была видна долина реки Буту. Около левого скалистого берега на камнях пенилась вода. Правый низменный берег выступал вперед мысом. Здесь река делала поворот. На самом конце низменного берега, наклонившись, росла большая старая ель. Возвратившись на бивак, я сказал Крылову, чтобы завтра он держал лодку поближе к старой ели и подальше от левого берега, где много опасных камней.

Надо сказать, что путешествие по Уссурийскому краю и в особенности плавание по горно-таежным рекам, сопряжено с такими неожиданностями, что заранее быть уверенным в выполнении намеченного маршрута невозможно. Так случилось и с нами. Ночью старая «натулившаяся» ель упала в воду и вершиной застряла на камнях у левого берега, а мы, ничего не подозревая, сели в лодку и поплыли вниз по течению реки, стараясь держаться правого берега. На повороте улимагду подхватила сильная струя воды, и в это время я увидел злополучную ель. Комель ее лежал на берегу, а ствол почти касался воды; сучья были загнуты по течению. Не успели мы схватиться за шесты, как ель со скоростью быстро бегущего поезда сразу надвинулась на нас. Дальше случилось что-то такое, в чем я совершенно не мог отдать себе отчета. Помню воду кругом себя, за-

тем пошли какие-то зеленые полосы и камни, точно бочки, поставленные друг на друга. Что-то зацепило меня за рубашку, но вскоре отпустило. Потом я всплыл на поверхность и вздохнул полной грудью. Впереди из воды показался обломленный нос лодки, рядом плыли шесты и еще какие-то вещи. Я сообразил, что надо плыть по течению, направляясь к берегу. Скоро руки мои коснулись дна, и я встал на ноги.

Авария обошлась без человеческих жертв. С большим трудом мы вытащили лодку из-под плавника. Она была пуста и так изломана, что не годилась для плавания. Все имущество погибло: ружья, продовольствие, походное снаряжение, запасная одежда. Осталось только то, что было на себе; у меня — поясной нож, карандаш, записная книжка и засмоленная баночка со спичками. Весь день употребили на поиски утонувшего имущества, но ничего не нашли.

Печальную картину представлял собой наш бивак. Все понимали серьезность положения: обратный путь отрезан; на Гобилли не было ни лодок, ни людей. Оставалось одно — итти вперед без всякой надежды найти помощь. Надо было решить, какой стороны реки держаться. Несомненно, дальше река делается шире и многоводнее, и переправа будет затруднительной. Почему-то всем казалось, что удобнее итти левым берегом. В одном месте Буту разбила на два рукава, заваленных плавником, по которому мы и перешли на другую сторону реки. Это была ошибка, как выяснилось несколько дней спустя. Левый берег оказался гористым, частые непропуски вынуждали нас взбираться на кручи и тратить последние силы.

Трудно передать на словах чувство голода. По пути собирали грибы, от которых тошнило. Мои спутники осунулись и ослабели. Первым стал отставать Гусев. Один раз он долго не приходил. Вернувшись, я нашел его лежащим под большим деревом. Он сказал, что решил остаться здесь на волю судьбы. Я уговорил Гусева итти дальше, но версты через полторы он снова отстал. Тогда я решил, чтобы он шел между казаками, которые за ним следили и постоянно подбадривали.

На третий день к вечеру Чжан-Бао нашел дохлую, скверно пахнущую рыбу. Люди бросились к ней, но собаки опередили их и в мгновение ока сожрали падаль. Измученные, голодные люди уныло и молча шли друг за дру-

гом. Только добраться бы до реки Хуту. В ней мы видели свое спасение.

Мы все ужасно страдали от мошки; ее особенно много появлялось во вторую половину дня, когда солнце начинало склоняться к горизонту. С радостью мы встречали вечерний закат: сумерки и ночная тьма давали отдых от ужасного «гноуса»¹.

На четвертые сутки мы дошли до топкого болота, пришлось опять взбираться на кручи. В это время Альпа поймала молодого рябчика и стала его торопливо есть. Я бросился к ней, чтобы отнять добычу. Собака отбегала и старалась скорее съесть рябчика. Я крикнул на нее, отнял изжеванную птицу и первый раз в жизни толкнул свою Альпу ногой. Она отошла в сторону и нехорошо посмотрела на меня. В этот же день вечером мы убили ее и мясо разделили на части. Бедная Альпа! Восемь лет она делила со мной все невзгоды походной жизни. Своею смертью она спасла меня и моих спутников.

Между тем с Гусевым стало твориться что-то неладное. То он впадал в апатию и подолгу молчал, то вдруг начинал бредить с открытыми глазами. Дважды Гусев уходил, казаки догоняли его и силой приводили назад. Цынки я не боялся, потому что мы ели стебли подбела и черемуху, тифозных бактерий тоже не было в тайге, но от истощения люди могли обессилеть и свалиться с ног. Я заметил, что привалы делались все чаще и чаще. Казаки не садились, а просто падали на землю и лежали подолгу, закрыв лицо руками.

Наконец 16 августа мы дошли до места слияния рек Хуту и Буту. Ни через ту, ни через другую переправиться было нельзя: у нас не было ни топоров, ни веревок, чтобы сделать плот, не было сил, чтобы переплыть на другую сторону реки.

Один раз понадобилось перебросить через маленькую проточку жердь длиною в 7 метров и толщиной в обыкновенную пивную бутылку. Вшестером мы не в силах были перенести ее на расстояние шестидесяти шагов. Она выскальзывала из рук и казалась невероятно тяжелой.

Семнадцатого августа поднялись на ноги только я,

¹ Так называют сибиряки мошку.

Чжан-Бао и Дзюль. Мои спутники находились в каком-то странном состоянии: сделались суеверны, начали верить снам, приметам и ссориться из-за всякого пустяка. Все мы были как нервнобольные.

Какая-то ворона летела над рекой и, увидев на берегу лежащих людей, села на соседнее дерево и каркнула два раза. Вдруг Гусев сорвался с места.

— Ворона, ворона! — дико закричал он и бросился в лес за птицей.

Следом за ним вскочили Косяков и Димов и с теми же криками «ворона, ворона» побежали вдогонку за Гусевым. Я тоже было побежал, но вдруг опомнился.

— Стойте, сумасшедшие! — закричал я что было силы. — Куда вы бежите?!

Косяков остановился и стал звать Димова. Мало-помалу все успокоились и пошли искать Гусева. Они нашли его в кустах среди бурелома. Он лежал на земле ничком и что-то шептал. На глазах его были слезы. Гусев не сопротивлялся и дал привести себя обратно на бивак.

Прошло еще трое суток. На людей было страшно смотреть. Они сильно исхудали и походили на тяжелых тифознобольных. Лица стали землистого цвета, сквозь кожу явственно выступали очертания черепа. Мошка тучами вилась над не встававшими с земли людьми. Я и Дзюль старались поддерживать огонь, раскладывая дымокуры с наветренной стороны. Наконец свалился с ног Чжан-Бао. Я тоже чувствовал упадок сил; ноги так дрожали в коленях, что я не мог перешагнуть через валежину и должен был обходить стороною.

На берегу рос старый тополь. Я оголил его от коры и на самом видном месте ножом вырезал стрелку, указывающую на дупло, а в дупло вложил записную книжку, в которую вписал все наши имена, фамилии и адреса.

Теперь все было сделано. Мы приготовились умирать.

Было начало сентября. Осень властно вступала в свои права. Ночи стали холоднее. Днем мы страдали от мошки, а ночью от холода. Одежда наша изнашивалась до последней степени, а обувь была в еще более печальном состоянии.

В ночь на 4 сентября никто не спал, все мучились животами. От того, что мы ели все, что попадало под руки, желудки отказывались работать, появлялась тошнота и острые боли в кишечнике. Можно было подумать, что на

отмели устроены перевязочный пункт, где лежали раненные, оглашая тайгу своими стонами. Я перемогал себя, но чувствовал, что делаю последние усилия.

Вдруг где-то далеко внизу по реке раздался выстрел, за ним другой, потом третий, четвертый. Все заволновались и начали спорить. Одни настаивали на необходимости как-нибудь дать знать людям, стреляющим из ружей, о нашем бедственном положении; другие говорили, что надо во что бы то ни стало переплыть реку и идти навстречу охотникам; третьи советовали развести большой огонь. Но выстрелы больше не повторялись.

Ночь была очень холодная, и никто не смыкал глаз. Я смотрел на огонь и думал. Если стреляли туземцы, то, вероятно, они били медведя, а присутствие медведя на берегу реки указывает на начавшийся ход рыбы. Если охота туземцев была удачной, они вернутся назад, и мы погибли; если нет, они пойдут дальше вперед по реке, и мы спасены. Потом я вспомнил про Альпу, и мне стало жаль ее. С этими мыслями, сидя на валежине, я задремал. Мне грелся какой-то бал, где было много людей. Танцующие пары вертелись у меня перед глазами и постоянно закрывали собой огонь. Вместо музыки слышалось какое-то пение, похожее на стоны. В зале открыты окна, и оттого было так холодно. Вдруг среди пляшущих людей появилась ворона, она прыгала по земле, воровски озираясь по сторонам. Я потянулся, чтобы схватить ее, качнулся, чуть было не упал и открыл глаза.

Светало. Костер догорал. Над рекой повис густой туман. Сквозь него неясно были видны горы по ту сторону Хуту. В это время на самой середине реки появился какой-то темный предмет. Это была улимагда и в ней два туземца. Не спуская глаз с лодки, я протянул руку и тронул спящего рядом со мной человека, думая, что это Дзюль, но это оказался Гусев. Он вскочил на ноги и дико закричал. Тогда поднялись все остальные и тоже принялись кричать. Я видел, как туземцы задержали лодку, проворно повернули ее назад и скрылись в тумане. Возбуждение моих спутников сменилось отчаянием. Они стали кричать и в одиночку, и все разом, спорили и укоряли друг друга. Только Дзюль и Чжан-Бао сохранили самообладание.

Минут через двадцать туман стал подниматься вверх. Река была совершенно пустынна. Я просил моих спутни-

ков успокоиться и подождать восхода солнца. Была слабая надежда, что лодка, может быть, еще вернется.

Прошел час, другой, я уже начал терять надежду. Вдруг Крылов сделал мне какой-то знак. Я не сразу его понял. Казак пригнулся к земле, стараясь возможно больше скрыть свое присутствие, и шопотом повторял одно слово:

— Собака!

Я взглянул в указанном направлении и, действительно, увидел собаку. Она сидела на противоположном берегу и, насторожив уши, внимательно смотрела на нас. На душе у меня сразу отлегло. Значит, туземцы не ушли, а спрятались где-то в кустах. Тогда я вышел на берег и закрычал:

— Би чжанге, нюгу лоца, агдэ ини бу цзяпты маймакэ (т. е. «Я Чжанге, шесть русских, много дней ничего не ели»).

Через несколько минут из зарослей поднялся человек. Я сразу узнал в нем ороча. Мы стали переговариваться. Выслушав меня, он сказал, что их лодка находится ниже по течению, что он отправится назад к своему товарищу и вместе с ним придет к нам на помощь. Ороч скрылся, собака тоже побежала за ним, а мы уселись на берегу и с нетерпением стали отсчитывать минуты.

— Идут,— вдруг сказал Дзюль.

Действительно, одна лодка показалась из-за поворота.

— Еще лодка,— заметил Крылов.

— Третья,— крикнул Косяков.

— Люди много ходи,— сказал, поднимаясь на ноги, Чжан-Бао.

Действительно, плыли три лодки, на которых люди усиленно работали шестами. Через четверть часа они подошли к нашему биваку. Это был встречный отряд Т. А. Николаева. Тогда случилось то, чего я вовсе не ожидал. Меня, Дзюля и Крылова оставили силы, и мы опустились на землю, а те, кто лежал, не вставая уже несколько дней на гальке, поднялись на ноги.

Наши спасители привезли с собой жидкий отварной рис. Мы с жадностью набросились на пищу, но с первых же глотков почувствовали себя дурно. Началась сильная рвота. Несколько раз мы принимались за еду и каждый раз с тем же результатом.

Из расспросов выяснилось, что Николаев по прибытии отправился на поиски нас вверх по реке Хади, поднялся по ней километров на сто и, не найдя наших следов, возвратился назад к морю. Спустя две недели он возвратился с орочем с реки Тумнина. Старшина селения Хуту-Дата Федор Бутунгари, прослышав, что я пошел к Анюю и что Николаев ищет нас на реке Хади, послал к нему гонцов с извещением, что надо идти вверх по Хуту, Буту и Паргами.

— Судя по времени, — говорили орочи, — Чжанге должен был давно уже выйти к морю, значит случилось какое-то несчастье и потому надо торопиться.

Мой помощник тотчас выступил в путь. Федор Бутунгари подробно рассказал ему, где и как нас искать, и дал переводчиков. Николаев поднимался по реке Хуту очень быстро, сокращая ночевки и время на отдыхах. Последняя ночь застала его в пути, километров в трех от нашего бивака. Случайно впереди него шла еще одна улимагда с двумя орочами-охотниками, которые ничего не знали о нашем путешествии. Каждый вечер Николаев делал в воздух три-четыре выстрела. Их-то мы и слышали, а на рассвете увидели туземцев, которые приняли нас за чолдонов (бродяг) и спрятались в прибрежных зарослях.

После такого сильного нервного напряжения появилась необычайная слабость. Едва я вошел в лодку и лег на приготовленное мне место, как почувствовал, что веки мои слипаются сами собою. Мне стало трудно говорить и ни о чем не хотелось думать. Когда лодки отходили от берега, я в последний раз взглянул на бивак, который едва не стал нашей могилой. Дуплистое дерево с затеской, прямая трава и груды золы на месте угасшего костра — все это так запечатлелось в моей памяти, что потом, хотя прошли многие годы, никакие другие образы не могли заслонить собою воспоминаний об этом случае.

Река Хуту течет сначала с севера на юг, а после принятия в себя реки Буту круто поворачивает на северо-восток. Наш голодный бивак, как помнит читатель, находился у слияния обеих рек. Каждая из них близ устья принимает в себя по большому притоку — Содолинго и Аделами. Местность эта называется Чжауса. Отсюда на значительном протяжении правый берег реки Хуту высокий, нагорный и слагается из пород массивно-кристаллических.

С левой же стороны выступают речные террасы новейшего образования, состоящие из обломков горных пород, перемешанных с глиной, песком и илом.

Лодки, управляемые опытными руками орочей, быстроплыли вниз по течению. Туман рассеялся окончательно. Было тепло и светло. Порой я приходил в себя, открывал глаза и видел красивые горы, чистые плессы реки и лес по берегам ее. Какие-то пестрые птицы порхали и, вытянув длинные шеи, торопливо проносились над лодкой. С. Ф. Гусев каждый раз пугался их, принимая за ворон.

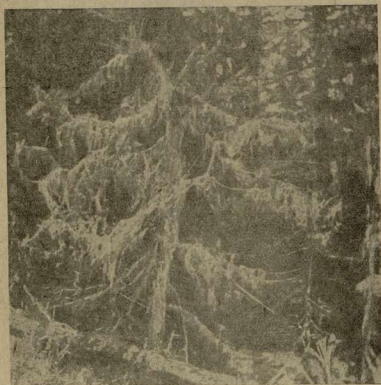
В самой долине леса состоят из пород широколиственных — мельком я видел манчжурский ясень, тополь Максимова, белую березу и какие-то высокоствольные тальники. Лиственницы выбирались на более возвышенные места, постоянно смешиваясь с елью и пихтой, которые по вершинам горных хребтов царили безраздельно и в своем сообществе терпели только каменную березу.

Река Хуту и все ее притоки по справедливости считаются богато населенными зверем. В верховьях Буту держатся лось, кабарга, соболь и россомаха. По среднему течению в горах с левой стороны обитают северные олени. По правым притокам туземцы иногда видят изюбров, кабанов и изредка тигров.

Когда начало смеркаться, мы пристали к острову в местности Лелю. Одевание Гусева и странное поведение его обратило на себя внимание орочей. Они долго смотрели на него и затем спросили, таким ли он был на Аниое. По их словам, местность, где мы долбили лодки, считается «нечистой». Туземцы боятся туда ходить и всегда рассчитывают свой маршрут так, чтобы ночевать выше или ниже. Там неоднократно были случаи, когда люди вдруг беспричинно чего-нибудь пугались и после этого становились душевнобольными. То же случилось, по их мнению, и с Гусевым. Вот почему он и блуждал по лесу, а мы потерпели аварию и чуть не погибли от голода.

Нам все время хотелось есть и мы жадно набрасывались на пищу, но каждый раз после еды появлялись головокружения и тошнота. Всю ночь напролет мы лежали у огня, страдая приступами болезни. Когда рассвело, я не узнал своих спутников. У всех нас оказались распухшие лица и ноги. Пересилив себя, я еле добрался до лодки. Солнечный восход застал нас уже в дороге.

Красивая и спокойная в верхнем течении река Хуту становится бурливой и быстрой около устья. Здесь она разбивается на несколько протоков, иногда таких узких, что в них едва могли повернуться лодки, иногда очень широких, порожистых и заваленных валезником.

Лес, опущенный бородатым лишайником на восточных склонах Сихотэ-Алиня.

— Тумни ходи есть,—сказал один из орочей и указал рукой на горы, расположенные под прямым углом к реке Хуту.

Протока, по которой мы плыли, стала забирать вправо, а слева подошла еще какая-то другая большая протока.

Солнце стояло высоко на небе и светило ярко, по-осеннему. Вода в реке казалась неподвижно гладкой и блестящей, как серебро. Несколько длинноносых куликов ходили по песку. Они не выражали ни малейшего страха даже то-

гда, когда лодки проходили совсем близко. Белая, как первый снег, одинокая чайка мелькала в синеве неба. С одного из островков, тяжело махая крыльями, снялась серая цапля и с хриплыми криками полетела вдоль протоки и спустилась в соседнее болото.

Орочи взялись за весла, направляя лодку к тому берегу, где течение было быстрее. Протоки становились шире, многоводнее и казались длинными озерами.

Но вот и сам Тумнин! Удэхейцы называют его Томди, а орочи — Тумни (к последнему названию русские прибавили букву «н»). Большая величественная река спокойно текла к морю. Левый берег ее нагорный, правый частью низменный и поемный и слагается из невысоких террас. Кое-где виднелись небольшие островки, поросшие древесной растительностью. Они отражались в воде, как в зеркале, до мельчайших подробностей. Словно там, под водою, был другой мир, такой же реальный, как и тот, в котором мы обитали.

Солнечное сияние, широкий водный простор, даль, открывающаяся на необозримое пространство, и душевное равновесие после пережитых страданий благотворно действовали на истомленный организм и вызывали дремоту.

Проехав километра три по Тумнину, орочи свернули в одну из правых проток, на берегу которой расположилось селение Хуту-Дата. Несколько ребятишек сновало по воде в разных направлениях. Это орочские дети забавлялись в лодках. Веселые крики и смех оглашали воздух. Мальчики с острогами в руках приучались колоть рыбу. Самые маленькие ребятишки, полуодетые, стояли по колено в грязи и что-то доставали из воды. Завидев нас, они пустились бежать к селению. Через минуту из домиков вышли взрослые люди. Некоторое время они стояли неподвижно, но потом, узнав сородичей, не торопясь пошли к берегу.

— Ну, здравствуй,— говорили орочи, протягивая нам руки.

Как при первом свидании на Хуту, так и теперь, когда я поближе присмотрелся к ним, я не нашел их однотипными. Одни из них имели овальные лица без усов и бороды, небольшой нос, смуглую кожу и правильный разрез глаз. У других было плоское скуластое лицо, обросшее черной бородой, широкий выгнутый нос и глаза с монгольской складкой век. Первые были небольшого роста и с поразитель-

тельно маленькими руками и ногами, вторые роста выше среднего, широкие в костях и с хорошо развитыми конечностями.

Все орочи были одеты в костюмы, представляющие собой точные копии удэгейских, только без вышивок.

Мужчины носили волосы, заплетенные в одну косу, а женщины — в две косы. Прибавьте к этому браслеты и кольца на руках и большие серебряные серьги в ушах, и вы получите ясное представление об орочском прекрасном поле. Только старые женщины имели в носу маленькие сережки (тэматыни).

Ороцкий старшина Федор Бутунгари принадлежал ко второй антропологической группе. Это был крупный человек лет сорока с черной окладистой бородой. Наделенный от природы живым и пронзительным умом, он имел большое влияние на всех тумнинских туземцев. Я поблагодарил его за оказанную мне помощь.

— Спасибо не надо! Спасибо не надо! — ответил Бутунгари смущенно и тотчас распорядился отнести наши вещи к себе в дом.

Пока разгружались лодки, я стал осматривать деревушку. Селение Хуту-Дата (что в переводе значит «Устье реки Хуту») расположено по обе стороны Тумнинской протоки и состояло из бревенчатых домиков и нескольких юрт. Ороцкие домики имеют вид русских построек, но плохо сколочены и сруб с маленькими окнами и досчатыми дверцами. Они расположены как попало, без всякого порядка. За домиками, ближе к лесу, стояли амбары на высоких сваях. Несколько лодок валялось на берегу. Собаки были на привязи. Тучи мошкар, словно серый туман, вились над ними. Чтобы укрыться от гнуса, собаки вырыли глубокие норы в земле и залезли в них так, что снаружи остались видными только хвосты. У большинства их гноились глаза.

Скоро все селение приняло свой обычный вид. Люди разошлись по домам, собаки забились в ямы еще глубже, и ребятишки снова побежали на берег. Глядя на этих малышей, я невольно поражаюсь умению и ловкости, с которой они плавали на оморочках и бросали острогами в небольшие кусочки дерева, которые должны были изображать рыб. Если бы наши дети очутились в лодке на середине реки, какой переполох подняли бы матери, а здесь оро-

ченки спокойно поглядывали на своих ребят. Одна женщина закричала своему сыну, чтобы он съездил за чем-то на другую сторону реки. Тут же я видел маленьких девочек, которые носили на спине большие связки хвороста, значительно превосходящие их размерами.

Бутунгари пригласил нас к себе. Его дом состоял из одной большой комнаты с дверьми, открывающимися прямо на улицу, и с двумя окнами, обращенными на реку. В одном углу стояла небольшая железная печка с коленчатыми трубами. У двух других стен тянулись деревянные нары, на которых лежали вместо подстилок кожи сохатых и шкуры медведей. Около окон стояла скамья и стол с двумя табуретками. Простая лампа с закопченным стеклом, четыре старых фотографии неизвестных лиц, сундучки, берестяные коробки, лучки, стрелы, два ружья, копье и шаманский бубен дополняли убранство помещения. Пол и потолок были сколочены плохо. Множество комаров, мух и слепней с жужжанием билось в стекла.

Тотчас женщины поставили на стол закопченный чайник, стаканы из толстого стекла, белые блюда и купленный хлеб.

Ожидался ход рыбы. Весенний ход кеты был очень слабый и на несчастье совпал с большой водой.

— Наша шибко боится, — говорил Бутунгари. — Рыба нету — собака пропади, собака пропади — охота ходи не могу, охота ходи нету — чего-чего купи не могу.

Вечером я опять почувствовал себя плохо и вышел из дома пройтись по берегу реки. На небе не было ни звезд, ни луны, дул ветер с моря, начинал накрапывать дождь. На той стороне реки горел костер, и свет его ярко отражался в черной, как смоль, воде.

Вдруг я увидел какую-то фигуру, приближающуюся ко мне быстрыми шагами без головного убора, завернутую в одеяло и с палкой в руках. Это был Гусев. Он остановился, посмотрел на огонь и, протянув вперед руку, медленно сказал:

— Так вот оно что!

Я окликнул его. С. Ф. Гусев вздрогнул и мелкими шажками подбежал ко мне.

— Знаете, куда мы попали, — заговорил он скороговоркой. — Мы снова пришли на Анюй. Я узнаю это место. Вот и река, вот и остров, и сопка знакомая...

Я стал его уговаривать итти спать.

— Куда? — спросил он. — Где наш бивак? Он на той стороне. Видите огонь. Как мы теперь туда попадем, — бормотал он в беспамятстве.

Я взял его под руку и привел к дому Бутунгари. Когда С. Ф. Гусев успокоился, я снова вышел на берег реки и долго сидел на опрокинутой вверх дном лодке. Сырость, проникшая под складки одежды, давала себя чувствовать. Я вернулся домой и лег на кан, но сон бежал от моих глаз. Меня беспокоило душевное состояние С. Ф. Гусева. Я решил как следует одеть его в Императорской гавани¹ и на пароходе отправить во Владивосток.

Снаружи слышался какой-то шорох. Словно крадучись, накрапывал дождь. Капли его били в стекла окон. По соседству ворчали не поладившие между собою собаки, и кто-то бредил во сне.

На другой день, несмотря на ненастье, мы распрощались с Бутунгари и отправились к морю на двух лодках.

Ветер дул нам навстречу, и потому орочи шли на шестах, придерживаясь мелководья. До устья реки было километров сорок пять. После принятия реки Хуту Тумнин разливается на несколько рукавов. С левой стороны главного русла тянутся обширные торфяные мари, поросшие редкостойной лиственницей, а за ними виднеется большая гофа Иодо с магнитной аномалией на 16°.

Самые низовья Тумнина представляют собой обширную заводь. Раньше это был залив, глубоко вдающийся в сушу. Потом он отделился от моря широкою песчаной косою и превратился в лагуну, постепенно заполняемую выносами рек. Современная лагуна — наиболее глубокое место залива. Многочисленные острова в устье реки совсем недавнего образования. Они еще не успели покрыться растительностью. Границами древнего залива является базальтовая гряда, которая в настоящее время образует правый край лагуны, а слева такой же длинный базальтовый язык около реки Улике. Последняя раньше непосредственно вливалась в море, а теперь впадает в лагуну около теперешнего устья Тумнина.

Уже смеркалось, когда мы достигли селения Дата. В нем была полная тишина. Ночные тени неслышными вол-

¹ Ныне Императорская гавань переименована в Советскую.

нами обволакивали горы, лес и ороцские домики. Точно серые, невзрачные зверьки, испугавшись чего-то, они сбились в кучу и притаились около высокого утеса. В неподвижной и зеркально-гладкой воде лагуны отражались отблески вечернего заката. Слышался запах моря. Вот и Улик! Орочи повернули лодки. Учуяв наше приближение, собаки начали выть все разом. Из ближайшей юрты вышел мужчина. Это был ороц Антон Сагды, с которым впоследствии я подружился. Он позвал свою жену и велел ей помочь нам переносить вещи. Здесь мы узнали, что все мужское население ушло на охоту за морским зверем и дома остались старики, женщины и дети. Через несколько минут мы сидели в юрте по обе стороны огня и пили горячий чай. Первый маршрут от Амура к морю был окончен.

После ужина ороц и его жена ушли к соседям, предоставив в наше распоряжение всю юрту. Вследствие болезненного состояния я опять не мог спать. Я лежал на жестком ложе с открытыми глазами и ни о чем не хотел думать. Слышно было, как снаружи доносился шум морского прибоя, слышно было, как квакали лягушки в воде и стрекотали ночные кузнечики. На рассвете в юрту вошел А. Сагды и объявил, что море разбушевалось, ехать нельзя и потому вставать не надо. Я воспользовался советом его и, повернувшись на другой бок, уснул тяжелым сном. Когда я проснулся, было уже поздно.

При дневном освещении селение Дата имело совсем иной вид. Семь бревенчатых домиков и десять юрт из корья растянулись вдоль берега Улик. Юрты орочей больше размерами, чем у родственных им удэе. Кроме крыш, они имеют еще боковые стенки. Люди помещаются на полу по обе стороны огня, женщины ближе к дверям. Тут же на полках, связанных лыком, помещалась деревянная и берестяная посуда, среди которой я заметил несколько белых тарелок.

Ороцские женщины трудолюбивы и молчаливы. Весь день они работают: носят дрова, скоблят шкуры зверей или мнут рыбью кожу, варят обед или шьют обувь и починяют одежду. Они много курят и как-будто совершенно не замечают посторонних людей у себя в доме. В глазах их нельзя прочесть ни испуга, ни гнева, ни любопытства, ни радости.

Орочи любят держать около своих домов разных птиц и животных. В селении Дата был настоящий зверинец. Близ юрты А. Сагды в особом помещении, сложенном из толстых бревен, сидел медведь. Его убьют на празднике, когда он достигнет полного возраста, как это делают гилыки и айны. Медведь был злой и сквозь щели в бревнах старался лапой хватить любопытных, заглядывающих в его темницу. В другом домике я увидел молодую лису. В движениях ее было что-то порывистое, собачье и что-то грациозное, кошачье. По соседству на сушилках, привязанный за ногу, сидел орел. Он успел уже свыкнуться со своей неволей, равнодушно поглядывал по сторонам и только время от времени клювом перебирал перья у себя на груди. Около крайнего дома в деревянном ящике сидели только что пойманные две молодые уточки. Они пищали и просовывали свои неуклюжие головы между решетинами клетки. Тут же внутри юрты по полу прыгала привязанная за ногу озорница-сойка. Она издавала резкие крики и, согнув на бок головку, поглядывала в дымовое отверстие в крыше, где виднелось небо и солнце.

После осмотра селения я хотел перебраться на другую сторону реки Улике. Сагды охотно взялся проводить меня к морю. Мы сели с ним в лодку и переехали через реку. Коса, отделяющая ее от моря, оказалась шире, чем я предполагал. Она заросла лиственницей в возрасте от ста до ста пятидесяти лет. За перелеском широкой полосой тянулись пески, на которых во множестве валялись створки раковин.

Самое устье Тумнина узкое. Огромное количество воды, выносимое рекою, не может вместиться в него. С берега видно, как сильная струя пресной воды далеко врезывается в море, и кажется, будто там еще течет Тумнин. Навстречу ему идут волны, темные с острыми гребнями. Они вздымаются все выше и выше, но, столкнувшись с стремительным течением реки, сразу превращаются в пенные буруны.

И вот в такую-то ветреную погоду орочи селения Дата выходят в море на охоту за нерпами. Я сел на берегу и стал любоваться прибоем, а мой спутник закурил трубку и рассказал, как однажды семнадцать человек орочей на трех больших лодках отправились за морским зверем. Дело было весной в марте месяце. Надо было дойти до сплош-

ного льда, где они рассчитывали найти много тюленей. Погода была хорошая, море тихое. Мыс, где ныне стоит Николаевский маяк, чуть виднелся на горизонте. После полудня орочи заметили лед и на нем много нерп. Они принялись за охоту с увлечением. В короткий срок они убили девяносто одно животное. Вдруг с северо-восточной стороны надвинулся холодный туман и пошел снег. Старики уговаривали молодых орочей бросить убитых животных и спешно идти назад к берегу, которого теперь уже не было видно. Тяжело нагруженные лодки не могли скоро двигаться. Небо все больше и больше заволакивало тучами. Туземцы потеряли ориентировку и гребли наугад до самых сумерек, а ветром их относило в сторону. Так промаялись они всю ночь, а на утро, когда стало светать, опять увидели перед собой ледяное поле и на нем трупы убитых ими тюленей. Тогда они вытащили на лед лодки, укрепили на веслах палатки и стали выжидать конца бури. Двое суток бушевало море. Опасаясь, что волнением может взломать лед, старики велели держаться около лодок. За неимением дров они жгли в котлах нерпичье сало, на растопку шли палки и доски от сидений. Огонь раскладывали только тогда, когда надо было согреть воду. На третий день ветер начал стихать, море понемногу стало успокаиваться. Когда атмосфера очистилась, они увидели землю. По очертаниям гор старики узнали, что находятся против устья реки Копи. Уезжая со льдины, побросали всех тюленей в воду, отдав их в жертву хозяину морей Тэму, в глубоком убеждении, что это он наказал их за убийство такого большого количества своих собак. Орочи дали обет на будущее время бить зверя ровно столько, сколько надо для прокормления. Велика была радость женщин селения Дата, увидевших своих мужей и братьев, которых они считали погибшими.

Глава IV

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

В ночь с 11 на 12 сентября ветер начал стихать. Сагды несколько раз ходил на берег моря, смотрел вдаль и по движению облаков старался угадать погоду. Глядя на него, можно было подумать, что обстоятельства складываются неблагоприятно. Я уже хотел было идти на экскурсию к горе Иодо, как вдруг орочи засуетились и стали готовить лодки.

Нам с читателем придется совершить длинное путешествие вдоль берега моря и потому необходимо познакомиться с конструкцией орочской мореходной лодки (тамтыга). Она очень легка и сшивается из тонких досок. Вместо железных гвоздей орочи употребляют деревянные (лиственничные) колышки. Будучи плоскодонной, тамтыга сидит в воде главным образом своей средней частью, имея нос и корму приподнятыми. Такая конструкция делает ее очень удобной и позволяет приставать к берегу в любом месте, лишь бы не было острых камней. Грузы в лодке распределяются так: две трети — в корме между гребцами и рулевым и одна треть — в носу. Так как дно лодки выгнуто, то вся вода, просачивающаяся сквозь щели, стекает к середине и легко выкачивается за борт берестяными ковшиками. Гребное весло состоит из рычага с рукояткой, отверстием для уключины и лопастью, дискообразной у основания и суживающейся к концу. Уключины делаются из еловых сучков, которые привязываются лыками к бортам лодки в вертикальном положении. Вместо паруса употребляется четырехугольное полотнище палатки, прикрепленное к нему жердями, косокрестообразно привязанными к одной из скамеек. Мореходная туземная лодка среднего

размера при четырех гребцах, одном рулевом и двух пассажирах может поднять до 30—40 пудов полезного груза.

Часов в десять утра мы вошли в лодки и тронулись в путь. Главным старшиной и руководителем был Сагды. Я удивился той дисциплине, которая царила в отряде. Все его распоряжения молодые орочи исполняли быстро: они работали молча, проворно, не было ни споров, ни пререканий. Таков закон у всех мореходов. Только при соблюдении строжайшей дисциплины можно успешно бороться с водяной стихией. Сухопутные люди не всегда это понимают.

Когда мы вышли из реки Улике, течение подхватило нашу лодку и понесло ее в море. Навстречу шли большие волны, увенчанные белыми гребнями: одна другой выше, одна другой страшнее.

Сагды велел гребцам сдерживать лодку на веслах, а сам встал на корму и пытливо всматривался вперед. Казалось, он выжидал удобного момента. Улучив минуту, он крикнул:

— Га!

Орочи дружно навалились на весла. Как только лодка поравнялась с внешним краем песчаной косы, Сагды круто повернул ее вправо. Тотчас слева выросла громадная волна. Она неслась прямо на нас, всплескивалась, пенилась и шипела. Повинуясь кормовому веслу рулевого, лодка пошла ей навстречу и немного наискось. Вслед затем она взметнулась кверху и накренилась на правый борт. Волна прошла: гребцы сильнее налегли на весла. Опять волна и опять тот же маневр. На мгновение тамтыга очутилась в водяной котловине, потом сразу взлетела на гребень, грузно осела кормой и вслед за тем зарылась носом в белой пене. Это был девятый вал. Потом лодка выправилась: бар и приборное волнение остались сзади. Тогда Сагды дождался второй лодки, дал несколько советов рулевому и велел грести.

Все пространство между реками Хуту, Тумнином и Копи заполнено базальтом. Этот лавовый поток двигался с запада к востоку и вклинился в море длинными языками, благодаря чему здесь образовалось много полуостровов, бухт и заливов. Императорская гавань представляла собой глубокий провал. Берега ее тоже слагаются из базальтов.

Лес, состоящий из лиственницы, аянской ели и белокорой пихты, густо покрывает все мысы и по распадкам спускается до самого моря.

Я сидел рядом с Сагды и старался запомнить все, что он говорил.

Снятие коры с болванки для лодки.

Первая бухточка называлась Намшука (искаженное «Намука» от слова «Наму», что означает море). За ней дальше на юг между мысами Шинаку и Чжуанка вытянулась большая бухта Силантьева. В нее впадает небольшая речка Чжуанка, которая получила свое имя от слова «Чжу», что значит домик. «Чжуанка» в переводе на русский язык будет «деревушка». И действительно, в глубине самой бухты приютилось небольшое ороческое селение. Затем следует бухта Тона с мысом Тона и с речкой Тона, а за ними небольшая, но очень уютная бухточка Сякта с

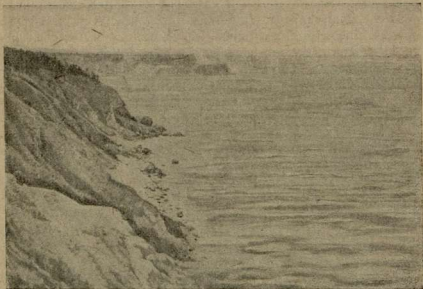
безымянной речкой. На ней есть водопад Сыдю, около которого живет чорт. Там часто трясется земля, кто-то ходит по лесу, кричит, свистит и не дает людям спать. Еще отметим выдающийся мыс Ая (слово это значит «хорошо»). Такое странное название он получил потому, что сейчас же за ним находится большая бухта Ванина. Если во время непогоды орочам удается на лодках достигнуть этого мыса, они кричат: Ая, Ая!.. Сагды тоже издал это традиционное восклицание, налег на кормовое весло и свернул в бухту Ванина.

Высокие скалистые берега ее, темная неподвижная вода и никем не нарушаемая тишина создавали обстановку неприветливую, угрюмую. В глыбах камней, хаотически нагроможденных на берегу, в покачивавшихся старых деревьях и в мрачных утесах чувствовалась какая-то настороженность. Точно кто-то неведомый, страшный, прятался в лесу и наблюдал за нашими лодками. В глубине бухты впадала небольшая речка Уй, около устья которой находился один ороцкий домик. Присутствие людей несколько смягчало суровую красоту бухты Ванина, и жуткое чувство, навеянное столь странной обстановкой, понемногу стало рассеиваться.

Когда орочи пристали к берегу, они пошли по своим делам. Мне наскучило сидеть в лодке на одном месте, и я пошел пройтись по наплывной полосе прибоя. Она суживалась все более и более и наконец сошла на-нет. Я обратил внимание на большую глубину бухты. Слева была высокая стена, а справа — вода. Если бы море вдруг отступило, я почувствовал бы себя на карнизе, повисшем над пропастью. Дойдя до конца тропы, я сел на один из камней и стал осматриваться. Взор мой остановился на медузе. Она то развевывала свою мантию, то быстро сжимала ее, выталкивала воду и толчками подвигалась вперед. Вдруг несколько в стороне на воде появились круги, и вслед за тем над поверхностью ее показалась большая голова какого-то страшилища. Буро-серого цвета, с маленькими ушами, черным носом и щетинистыми усами, голова была больше человеческой раза в четыре. Животное глубоко вздохнуло и потом раскрыло свою пасть, показав большие зубы. Вслед за тем оно повернуло голову и уставилось на меня своими черными выпуклыми глазами. Если бы оно вздумало вылезти на узкую намывную полосу прибоя, то отре-

зало бы мне путь назад, и очутился бы прижатым к береговому обрыву. Тогда я решил опередить его и спрыгнул с камня, но зверь сам меня испугался. Он еще раз шумно вздохнул и скрылся под водою.

Вернувшись назад, я рассказал орочам, что, повидимому, видел сивуча. Этот крупный представитель ушастых тюленей в недавнем прошлом был весьма распространен, но вследствие постоянного преследования человеком он

Берег моря к северу от Императорской гавани.

почти совсем исчез около Императорской гавани. Ныне сивучи встречаются южнее мыса Туманного.

Орочи считают сивуча морским медведем, находящимся в антагонизме с его наземным братом. Появление его в бухте Ванина означает, что он был или ранен или напуган касаткой-гладиатором (Тэму).

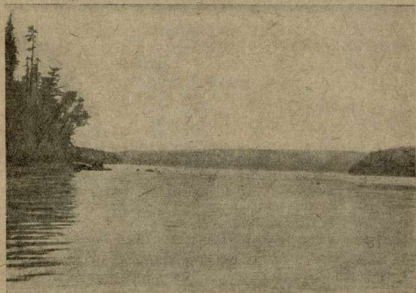
Орочи также сообщили мне один из их многочисленных предрассудков, а именно: ножом, которым хоть раз пришлось снимать шкуру с сивуча, нельзя резать мясо медведя и вообще брать его с собой на охоту не следует. Лучше всего такой нож бросать в море.

Через полчаса мы поплыли дальше. Между тем погода опять испортилась: юго-восточный ветер принес туман, и море снова взволновалось. К счастью, до Императорской гавани было недалеко. Обогнув мыс Туманный, лодки вошли в открытую бухту Безымянную. Слева был большой остров Меньшикова, недавно соединившийся узкою песчаной косой с материком. Орочи перетащили лодки через косу и сразу попали в бухту Уая (Северную), составляющую часть Императорской гавани. Последняя длиной 11 и шириной до 3 километров и отделена от моря высоким горным хребтом Доко, слагающимся из массивно-кристаллических пород. Императорская гавань расположена в направлении от юго-запада в северо-востоку и в свою очередь имеет несколько заливов и бухт с туземными названиями, которые впоследствии были вытеснены русскими. Если идти от входа в гавань по восточному берегу и, обогнув в конце, продолжать путь по западному к полуострову Меньшикова, то эти бухточки располагаются в следующем порядке: первая—Цаапкай (Маячная). Здесь выгружаются грузы, предназначенные для маяка. Следующая бухточка Даянькая (Японская). В глубине ее приютилось несколько домиков русских рыбопромышленников. Далее две бухточки рядом: Чабакая и Окача. Тут были постройки Австралийской лесопромышленной компании. Как раз напротив них находится мелководная бухта Хади, в которую впадает река того же имени. По соседству с ней и севернее — бухта Баудя (Косторева) и далее к северо-востоку — Аггэ (залив Константиновский), о котором речь будет ниже, и наконец Уая, в которую мы попали через переволок из бухты Безымянной. Против Маячной бухты есть небольшой островок Сеогобяцани, ныне называемый Коврижкой.

В сумерки мы дошли до концессии и встали биваком на самом берегу моря около обильного водою источника. Наш истомленный вид и наши изношенные костюмы привлекли общее внимание. Вести о маршруте экспедиции и тяжелой голодовке разнеслись по всем окрестностям. Служащие концессии приходили к нам расспрашивать о том, как мы шли, и приглашали к себе на чашку чая. Это было весьма стеснительно, но ничего нельзя было поделать и приходилось отдавать дань популярности, приобретенной такой тяжелой ценою. От новых знакомых я узнал, что в

конторе концессии имеются для нас письма и деньги, а в складах хранятся ящики с одеждой, продовольствием и научным снаряжением, высланным из Владивостока. Следующий день был воскресный, но, несмотря на это, для нас открыли склады и выдали все, в чем мы нуждались. Мы вымылись в бане, сбросили с себя лохмотья и надели новые костюмы и чистое белье.

Через неделю прибыл пароход, на котором я отправил

Константиновская бухта.

С. Ф. Гусева. Он тоже отдохнул, и душевное равновесие его стало восстанавливаться, чему мы все были очень рады. Впоследствии я узнал, что он выздоровел совершенно.

Первую экскурсию я совершил в залив Константиновский. Пусть читатель представит себе изломанную трещину в восемь километров длиной, заполненную водой. В самом конце его впадает небольшая речка Ма. Высокие скалистые берега, покрытые густым хвойным лесом, очень живописны и выступают то с одной стороны, то с другой, как кулисы в театре. Первый мыс на северном берегу носит название «Сигнальный», за ним расположилась красивая бухточка Путаки (Постовая) глубиною в 30 метров.

Здесь был потоплен фрегат «Паллада». В 1854—1855 годах во время Севастопольской кампании, когда военные суда были уведены к Николаевску, фрегат «Паллада» вследствие своей глубокой осадки не мог пройти через бар Амура и остался в Императорской гавани.

Я велел пристать к берегу. До сумерек было еще далеко, и потому, предоставив своим спутникам устраивать бивак, взял ружье и пошел осматривать местность, которая на картах носит название поста Константиновского. Здесь мечтали построить город Константиновск, и все это рухнуло как-то сразу. Большой корабль погребен на дне бухты, над ним стоит неподвижная и черная, как смоль, вода, на берегу кладбище с развалившимися могилами, истлевшими изгородями и упавшими крестами, на которых кое-где сохранились надписи. От казарм и цейхгаузов следов не осталось. От батарей, спешно выстроенных тогда же в 1855 году, сохранились валы, разрушенные временем и размывые водой. На опушке леса на самом краю берегового обрыва стоит покачнувшийся чугунный памятник, на котором сделана следующая надпись: «Погибшим от цыгги в 1853 году транспорта Иртыш штурману Чудинову и 12 матросам с ним и Российско-американской компании 4 матросам и 2 рядовым». Над бухтой и в лесу над кладбищем царил мертвящая тишина. Погибли люди, погибли надежды, погибло все,—только смерть оставила свои следы. Я задумался над брэнностью людского существования. Как бы в подтверждение моих слов, один крест, стоявший в наклонном положении и, видимо, подгнивший у самого основания, с глухим шумом упал на землю. Испуганный паучок, прятанный за дощечкой, на которой когда-то было написано имя погребенного, пробежал по дереву и проворно скрылся в траве. У основания креста копошились муравьи. Грустное чувство навеяли на меня развалины поста. Мне захотелось к людям. Я забросил ружье на плечо и медленно пошел к биваку.

День клонился к вечеру. Солнце только что скрылось за горами и посылало кверху свои золотисто-розовые лучи. На небе в самом зените серебрились мелкие барашковые облака. В спокойной воде отражались лесистые берега. Внизу у ручейка белели две палатки, и около них горел костер. Опаловый дым тонкой струйкой поднимался кверху и незаметно таял в чистом и прохладном воздухе.

На биваке я застал своих спутников в сборе. На другой день мы рано вернулись в концессию.

Через два дня я отправился на маяк св. Николая, где намеревался привязать свои съемки к астрономическому пункту и произвести поправки хронометра. Путь от концессии идет лесом вдоль восточного берега Императорской гавани. Эта конная тропа очень грязная, и ею можно пользоваться только при дневном свете. Километров через шесть она выходит на дорогу, проложенную от Маячной бухты по всхолмленной местности, и пересекает несколько горных ручьев. По сторонам ее на местах старых пожарищ тянутся пустыри, поросшие молодой лиственницей и белой березой.

Самый маяк построен в 1897 году на оконечности хребта Доко, слагающегося из гранита и имеющего несвойственную ему столбчатую отдельность. Туземцы в торчащих из земли утесах видели окаменевших людей и боялись туда ходить. В дальнейшем при постройке маяка эти страхи рассеялись.

Смотрителем маяка был старый боцман парусного флота Майданов. Он встретил меня на крыльце и протянул руку. Я увидел перед собою полного человека лет сорока с лысиной на голове, с крупными чертами лица и слабой растительностью на верхней губе. Он был одет в черную флотскую тужурку с медными пуговицами, такие же черные штаны и высокие сапоги. Старые моряки имеют особую походку. Так и Майданов при ходьбе покачивал корпусом и как-то странно держал руки, точно хотел схватиться за что-нибудь. Он постоянно улыбался, и серьезная мина совсем не шла к его лицу. Это был весьма добродушный человек и исправный служака.

Надо отдать ему справедливость, что маяк он содержал в образцовом порядке: всюду была видна рука заботливого хозяина и чистота такая, какую можно встретить только на военном судне. Полы были вылощены и блестили, как полированные, стены, выкрашенные масляной краской, спорили в чистоте с печами, которые не только красились, но еще и мылись еженедельно. Все металлические части были вычищены, стекла протерты мелом. Приятно было видеть весь этот порядок, и я не мог отказать себе в удовольствии пробыть на маяке трое суток. Перед сумерками мы с Майдановым сели за стол, в это время в помещение вошел матрос и доложил, что с моря идет густой туман.

— Заведи граммофон, — сказал ему смотритель маяка.

— Есть! — ответил матрос и удалился.

Через десять минут страшный рев всколыхнул пропитанный морскими испарениями тяжелый воздух. Звук был настолько силен, что от него зазвенели стекла в окнах. От неожиданности я даже вскочил с места.

— Что это такое? — спросил я своего собеседника.

— Граммофон! — ответил он мне.

— Какой граммофон? — вновь спросил я его в недоумении.

— А сирена, — сказал он простодушно.

Через две минуты звук повторился еще и еще и так весь вечер, всю ночь и весь следующий день до вечера. Скоро ухо мое привыкло. Я перестал замечать ритмический рев сирены. Она не мешала мне не только работать, но даже и спать.

На другое утро Майданов разбудил меня и объявил, что погода туманная и дождливая. Это подтверждала и сирена, которая гудела, не переставая, посылая мощные звуковые волны в туманную даль.

Первую половину дня я провел за своими путевыми дневниками. Покончив с работой, я спросил смотрителя маяка, нет ли у него какой-нибудь книжки.

— Нет, — ответил он. — Этого у нас не водится.

Я выразил удивление, что на маяке, где от скуки, казалось бы, умереть можно, нет книг.

— Нам некогда читать, — ответил Майданов, — днем и ночью работы много.

Я посоветовал ему выписать несколько книг и обещал дать их список, но Майданов предупредил меня. Он списал заглавия всех тех книг, которые я имел с собою.

Впоследствии мне рассказывали, что книги эти он получил и поставил их на видном месте. Каждому посетителю он показывал их и говорил, что это я посоветовал ему приобрести их для чтения гостям, которых судьба случайно закинет на маяк...

В сумерки мы поднялись с ним на башню для осмотра фонаря. Когда я вышел на мостик с перилами, окружающими фонарь, я поражен был громадным количеством ночниц, налетевших на свет, и тотчас же стал собирать их в морилку с цианистым калием. Вечером я укладывал насекомых в конвертики и делал надписи на них.

Часов в восемь с половиной Майданов, сидя за столом, стал дремать.

— Идите спать, — сказал я ему.

— Нельзя, — ответил он.

— Почему? — спросил я опять.

— Надо в девять часов произвести метеорологические наблюдения.

Он зажег фонарик, снова сел на свое место и стал поглядывать на часы. Когда было без пяти минут девять, я сказал, что теперь можно производить наблюдения.

— Нет, — отвечал он, — надо минута в минуту.

Затем он оделся и вышел на двор. Я видел его через окно, как он остановился перед метеорологической будкой с часами в руках и ждал, когда минутная и секундная стрелки укажут ровно девять. У него был вид человека, который исполняет чрезвычайно важное и ответственное дело, в котором ничтожное нарушение во времени может привести к весьма серьезным последствиям.

Покончив с наблюдениями, смотритель маяка лег спать, но зачем-то позвал меня к себе. Войдя в его «каюту», как он называл свою комнату, я увидел, что она действительно обставлена, как каюта. В заделанное окно был вставлен иллюминатор. Графин с водой и стакан стояли в гнездах, как на кораблях. Кровать имела наружный борт, стол и стулья тоже были прикреплены к полу, тут же висел барометр и несколько морских карт. Майданов лежал в кровати одетый и в сапогах.

— Почему вы не разденетесь? — спросил я его.

— Что вы! Что вы! — отвечал он торопливо, как бы испугавшись чего-то. — Нельзя! Никак нельзя!

— Почему? — спросил я.

— А вдруг судно покажется, — ответил он, садясь в койке.

— Ну, так что же, — сказал я ему. — Пусть себе идет мимо.

— Нет, нельзя, — ответил Майданов. — Если раздеваться, то какая же это служба будет. У нас бывало на корвете только ляжешь и закроешь глаза, как кричат: «Боцмана наверх». Где тут раздеваться и одеваться!

Я понял, ему непременно хотелось придать своей службе серьезное значение. Он считал себя часовым на посту. В этом был весь смысл его жизни. Это сознание важности

дела наполняло его всего, одухотворяло его и делало жизнь прекрасной. Разве можно разбивать иллюзии в таких случаях?

На другой день я встал чуть свет. Майданов лежал на кровати одетый и мирно спал. Потом я узнал, что ночью он дважды подымался к фонарю, ходил к сирене, был на берегу и долго смотрел в море. Под утро он заснул. В это время в «каюту» вошел матрос. Я хотел было сказать ему, чтобы он не будил зрителя, но тот предупредил меня и громко доложил:

— На траверсе судно!

Майданов мгновенно вскочил на ноги. Он принял важный вид, надел головной убор и вышел на берег моря. Я последовал за ним.

Ветер переменился и дул уже с материка. Внизу над водой держался туман отдельными клочьями. Было такое впечатление, будто мы находились высоко в горах, а там внизу проходят облака. За дальностью расстояния волн не было видно и только по белой кайме у берега можно было догадаться, что море беспокойно. Майданов поднял бинокль к глазам и долго смотрел на горизонт. Затем он вернулся в свою каюту и все с тем же важным видом в простой ученической тетради с клеенчатым переплетом, которую он важно называл «вахтенным журналом», отметил день, час и минуты, когда судно, чуть заметное на горизонте, прошло мимо его маяка.

— Разве это надо записывать? — спросил я его.

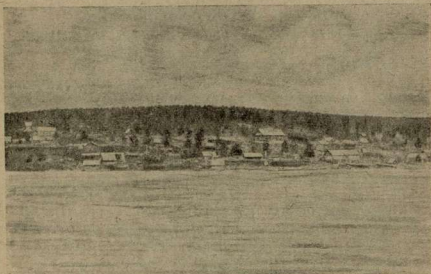
— А как же! — ответил он. — В вахтенном журнале все записывается: и погода, и все, что делается на судне, и какие другие суда встречаются на пути, и какой курс они держат.

Я проникся уважением к этому старому боцману.

Когда атмосфера совсем очистилась, я привязал свои съемки к астрономическому пункту, определенному М. Е. Жданко в 1902 году ($48^{\circ} 58' 33,6''$ северной широты и $140^{\circ} 25' 9,5''$ восточной долготы от Гринвича), и сделал поправки своего хронометра.

Часов в восемь вечера я стал собираться «домой». Майданов засуетился и проводил меня до первого ручейка. Двумя руками он пожал мою руку и очень просил следующий раз, как только я приду в Императорскую гавань, непременно остановиться у него на маяке. Мы расстались.

Было уже поздно. На небе взошла луна и бледным сиянием своим осветила безбрежное море. Кругом царила абсолютная тишина. Ни малейшего движения в воздухе, ни единого облачка на небе. Все в природе замерло и погрузилось в дремотное состояние. Листва на деревьях, мох на ветвях старых елей, сухая трава и паутина, унизанная жемчужными каплями вечерней росы, — все было так неподвижно, как в сказке о спящей царевне и семи богатырях.

Императорская гавань.

Минут двадцать пять я шел целиною, но потом, действительно, нашел тропу, которая, повидимому, шла на лесную концессию.

Около тропы лежала большая плоская базальтовая глыба. Я сел на нее и стал любоваться природой. Ночь была так великолепна, что я хотел запечатлеть ее в своей памяти на всю жизнь. На фоне неба, озаренного мягким сиянием луны, отчетливо выделялся каждый древесный сучок, каждая веточка и былинка.

Полный месяц с небесной высоты задумчиво смотрел на уснувшую землю и тихим грустным светом озарял мохнатые ели, белые стволы берез и большие глыбы лавы, которые издали можно было принять за гигантских жаб

или окаменевших допотопных чудовищ. Воздух был чист и прозрачен: кусты, цветковые растения, песок на тропе, сухую хвою на земле, словом, все мелкие предметы можно было также хорошо рассмотреть, как и днем. Поблизости от меня рос колючий кустарник даурского шиповника, а рядом с ним поросль рябины, за ней ольховник и кедровый сланец, а дальше жимолость и сорбария.

Еще не успевшая остыть от дневного зноя земля излучала в воздух тепло, и от этого было немного душно. Эта благодатная тишь, эта светлая лунная ночь как-то особенно успокоительно действовали на душу. Я вдыхал теплый ночной воздух, напоенный ароматом смолистых хвойных деревьев, и любовался природой. Какой-то жук, должно быть навозный, с размаху больно ударил меня в лицо и упал на землю. Слышно было, как он шевелился в траве, видно стараясь выбраться на чистое место. Это ему удалось. Он с гудением поднялся на воздух и полетел куда-то в сторону. Я встал и пошел своей дорогой.

Примерно через полчаса сплошной лес кончился, и я вышел на пригорок. Впереди передо мной расстилался широкий и пологий скат, покрытый редколесьем, состоящим из березы, ели, осины и лиственницы. Тут росли кустарники и высокие травы, среди которых было много зонтичных. Справа была какая-то поляна, быть может гарь, а слева стеной стоял зачарованный и молчаливый лес.

На минуту я остановился и в это время увидел впереди себя какой-то странный свет. Кто-то навстречу мне шел с фонарем.

«Вот чудак, — подумал я. — В такую светлую ночь кто-то идет с огнем».

Через несколько шагов я увидел, что фонарь был круглый и матовый.

«Вот диво, — снова подумал я. — Кому в голову могла прийти мысль идти по тайге при свете луны с бумажным фонарем».

В это время я заметил, что светлый предмет был довольно высоко над землей, значительно превышая рост человека.

«Еще недоставало, — сказал я почти вслух. — Кто-то несет фонарь на палке».

Странный свет приближался. Так как местность была неровная и тропа то поднималась немного, то опускалась в

выбоину, то и фонарь, согласуясь, как мне казалось, с движениями таинственного пешехода, то принижался к земле, то подымался кверху. Я остановился и стал прислушиваться. Быть может шел не один человек, а двое. Они, несомненно, должны разговаривать между собою...

Но тишина была полная: ни голосов, ни шума шагов, ни покашливания — ничего не было слышно. Не желая пугать приближающихся ко мне людей, я умышленно громко кашлянул, затем стал напевать какую-то мелодию, потом снова прислушался. Абсолютная тишина наполняла сонный воздух. Тогда я оглянулся и спросил: кто идет? Мне никто не ответил. И вдруг я увидел, что фонарь движется не по тропе, а в стороне, влево от меня над кустарниковой зарослью.

Мне стало страшно от того, что я не мог объяснить, с кем или с чем имею дело. Это был какой-то светящийся шар величиною в два кулака, матового белого цвета. Он медленно плыл по воздуху, принаравливаясь к топографии места, то опускаясь там, где были на земле углубления и где ниже была растительность, то подымаясь кверху там, где повышалась почва и выше росли кустарники, и в то же время он всячески избегал соприкосновения с ветвями деревьев, с травой и старательно обходил каждый сучок, каждую веточку и былинку.

Когда светящийся шар поровнялся со мной, он был от меня шагах в десяти, не более, и потому я мог хорошо его рассмотреть. Раза два его внешняя оболочка как бы лопалась, и тогда внутри его был виден яркий бело-синий свет. Листки, трава и ветви деревьев, мимо которых близко проходил шар, тускло освещались его бледным светом и как будто приходили в движение. От молниеносного шара тянулся тонкий, как нить, огненный хвостик, который по временам в разных местах давал мельчайшие вспышки.

Я понял, что имею дело с шаровой молнией, при абсолютно чистом небе и при полном штиле. Должно быть каждая из травинок была заряжена тем же электричеством, что и молниеносный шар. Вот почему он избегал с ними соприкосновения. Я хотел было стрелять в него, но побоялся.

Выстрел, несомненно, всколыхнул бы воздух, который увлек бы за собой шаровую молнию. От соприкосновения с каким-либо предметом она могла беззвучно исчезнуть, но

могла и разорваться. Я стоял, как прикованный, и не смел пошевелиться. Светящийся шар неуклонно двигался все в одном направлении. Он наискось пересек мою тропу и стал взбираться на пригорок. По пути он поднялся довольно высоко и прошел над кустом, потом стал опускаться к земле и вслед за тем скрылся за возвышенностью.

Странное чувство овладело мною: я и испугался и заинтересовался этим явлением. Очень быстро чувство страха сменилось любопытством... Я быстро пошел назад, взойдя на пригорок и пробрался к тому кусту, где последний раз видел свет. Шаровая молния пропала. Долго я искал ее глазами и нигде не мог найти. Она словно в воду канула. Тогда я вернулся на тропу и пошел своей дорогой.

Луна немного переместилась. Длинные черные тени деревьев словно гигантские стрелки показывали, что месяц передвинулся по небу к той точке, в которой ему надлежит быть в девять часов вечера. Кругом все спало. Сквозь ветви деревьев на тропу ложились кружевные тени листьев, я ступал на них, и они тотчас взбирались ко мне на обувь и на одежду.

Впереди меня мелькнуло что-то темное, и невозможно было разобрать, что это: зверь или птица. Я весь находился под впечатлением виденного. Все время мне представлялась шаровая молния, и я очень сожалел, что не пошел за нею следом и не проследил до момента ее исчезновения.

Через час пути я вышел на проселочную дорогу. Она привела меня прямо к концессии.

Озаряемые сиянием луны, палатки нашего бивака казались иссиня-белыми. Около них чуть теплился огонь. Мои спутники уже спали: из палаток доносился дружный храп. Кто-то бредил во сне. Я тихонько пробрался на свое место и скоро заснул крепким сном.

Глава V

ОРОЧИ

Когда на другой день утром я вышел из палатки, то увидел трех орочей с реки Хади. Они явились с приглашением приехать к ним в селение Дакты-Боочани. Старшим среди них был Чочо Бизанка. Это был удамый охотник, смелый мореход и кузнец на славу. Только он один умел починять замки у ружей. Когда он был юношей, какой-то проезжий миссионер крестил его и назвал Иваном. В молодые годы он был известен под именем Ваньки Кузнецова, когда же Чочо перевалило за тридцать лет, его стали опять звать Иваном. Крестным отцом его был тоже какой-то случайный русский Михаил. Годы шли, в волосах Чочо заблестели серебряные нити, и с тех пор его начали величать Иваном Михайловичем Бизанка. Мы будем по-прежнему называть его ороческим именем Чочо.

Старику было около семидесяти лет, но на вид ему нельзя было дать этого возраста. Он был невысокого роста, круглая его голова с жиденькой косичкой поседевших волос, мелкие черты лица, но без глубоких морщин, смуглая кожа, небольшая темная растительность на верхней губе и подбородке, маленькие руки и ноги дадут читателю некоторое представление о человеке, с которым впоследствии мне суждено было очень сдружиться. Тембр голоса его был выше обыкновенного с хрипылыми нотками. Нельзя сказать, чтобы он был речист, но говорил он охотно и немного подшучивал над неудачами молодых охотников. Тем не менее они любили и уважали старика. Я велел казакам угостить орочей чаем и выдать им сухарей, которые они считали большим лакомством.

Вечером я пригласил к себе в палатку Чочо и узнал от него много интересного.

На другой день утром я написал письма в концессию с просьбой отправить их во Владивосток с ближайшей okazji и затем поехал с орочами на реку Хади. Как и надо было ожидать, при устье река разбивается на несколько мелководных рукавов, разделенных наносными островами недавнего образования и еще не успевших покрыться растительностью.

Селение Дакты-Боочани находится в лесу на правом берегу реки в пяти километрах от моря. Тогда было здесь шесть юрт, в которых мы застали всех орочей, съехавшихся сюда с рек Ма, Уй, Хади и Тутто. Юрты из корья, амбары на сваях, сушилка для рыбы, опрокинутые вверх дном лодки, собаки и разные животные и птицы на привязи — все было уже знакомо мне и напоминало селение Дата при устье реки Тумнина.

Чочо пригласил меня в свою юрту. Она была больше и опрятнее других. Сюда пришли и другие туземцы. Мы сели по обе стороны огня. Тотчас на маленьких столиках появилась сухая рыба, черемуха и чай с мучными лепешками, испеченными у костра. У этих обездоленных судьбою людей свои нужды. Они просили меня помочь им советами. Я объяснил туземцам также, зачем я пришел сюда, куда иду и какие цели преследует экспедиция, рассказал им о своем маршруте с Аноя на Хуту, о крушении лодок и о том, как мы все едва не погибли с голода.

Среди орочей было несколько стариков. Поджав под себя ноги, они сидели на корье и слушали с большим вниманием. Потом я в свою очередь стал расспрашивать их о том, как жили они раньше, когда были еще детьми. Старики оживились, начали вспоминать свою молодость — время, давно прошедшее, почти забытое, бывшее.. Вот что они рассказывали:

Раньше орочей было очень много. По всему побережью моря, от мыса Хой, что южнее залива де Кастри, до Аку, который теперь называется мысом Успения, всюду виднелись их юрты. Те, что жили на берегу Татарского пролива к северу от Тумнина, назывались Пяка (Фяка). В 1903 году от этих Пяка оставалось только три человека: Пингау и Цатю из рода Огомунка и Тончи из рода Бочинка. Первые двое умерли в том же году, последний представитель Пяка еще жив и поселился на реке Хунгари. Орочи Императорской гавани туземцев, живших южнее мы-

са Аку (на реках Ботчи и Самарги), называли Кяка. В давние времена несколько орочей отправились за нерпами, но лед, на котором они охотились, оторвало от берега и унесло в море. Родные считали их погибшими, но судьба распорядилась их жизнью иначе. Лед прибило к острову Сахалину. Орочи высадились на берег и поселились на реке Куй-ни. По другим версиям, люди эти были на лодке, но во время

Ороченская девушка.

тумана заблудились в море и попали на остров Сахалин, где остались навсегда. Тогда же с того же острова Сахалина бурей принесло в лодке семь человек каких-то людей с женщинами. Эти невольные переселенцы высадились в бухте Биза, которая находится рядом и немного севернее Маячного мыса и ныне называется Фальшивой. Тут они жили долго. Потом часть их поселилась на острове Сеочо. Так получился род Сеоченка и Бизанка, которые впоследствии выделали из себя еще два рода: Асэнка и

Нявнянку. Так, по мнению орочей, Бо-Эндули (высшее божеское существо) менял людей. Орочей он послал на Сахалин, а оттуда прислал других людей. По словам орочей, все Пяка были бородатые. Среди туманинских орочей я тоже видел некоторых людей с большими бородами. Несомненно, здесь была примесь аинской крови.

Раньше орочи слышали, что где-то за морем и за горами есть другая земля и другие люди. Очевидно, речь шла о японцах, об айнах на острове Сахалине и манчжурах на Амуре. Эти другие земли казались им так далеко, что добраться до них простому смертному невозможно. Орочи ловили рыбу, охотились со стрелами, зимой на лыжах догоняли зверей и кололи их копьями. Одевались они в звериные шкуры и шили одежду из рыбьей кожи. Самые старые селения были на реке Хади и на реке Тумнине (Хуту-Дата и Дата). В те времена в Императорской гавани, которая также называлась Хади, царила полная тишина, изредка нарушаемая только печальными криками гагары. Тогда не было слышно ни шума лесопилок, ни свистков пароходов, ни топоров дровосеков. Порой только одинокая лодка охотника мелькнет где-нибудь у берега и снова скроется за мысом. Орочи знали о существовании гиляков и видели ольчей. С последними иногда они вступали в сношения и через них получали железные котлы, которые ценили чрезвычайно дорого. Так жили орочи до тех пор, пока эти чужие люди не пришли к ним сами. Первые появились манчжуры. Они привезли с собой ханшин (спирт, выгнанный из кукурузы), но им не торговали, а только угощали орочей. Прибытие манчжур наделало много шума. Весть об этом разнеслась по всему побережью. Орочи приезжали, чтобы посмотреть на новых, до сего времени невиданных людей. С тех пор у них появились фитильные ружья. Манчжуры жадно набрасывались на соболей. Орочи не считали их мех дорогим и ценили больше росомаху. Прошло много лет. Они привыкли к манчжурам, привыкли ждать их ежегодно зимою и даже начали брать у них в кредит порох, свинец, котлы, топоры, бусы, пуговицы, иголки и пр. Но вот однажды с берега прибежал испуганный человек и сообщил, что в море что-то неладно. Это было рано утром. Орочи вышли на прибрежный песок и увидели что-то странное, большое, нето рыбу, нето птицу, нето морское животное. Оно прошло мимо и скрылось за мысом Гыджу.

Всю ночь они шаманили и отгоняли злого духа. На другой день повторилось то же самое, а на третий день орочи с ужасом увидели, что крылатое чудовище идет прямо к берегу. Это был корабль — первые русские моряки. Орочи видели, как от корабля отделилась маленькая лодка, в которой сидело шесть человек. Орочи испугались и убежали в лес и тогда только вернулись назад, когда убедились, что это не выходцы с того света, а люди, такие же, как и они, но только из другой земли и говорящие на неизвестном языке. Новые люди объяснили туземцам, что хотят взять рыбу. Орочи дали им несколько штук кеты, а русские в свою очередь дали им деньги. Не имея понятия, что такое монеты, туземцы повертели их в руках и дали играть ребятишкам. Тогда русские дали им несколько кусков цветного мыла. Орочи попробовали его есть, но видя, что оно невкусное, побросали собакам; те понюхали и тоже отошли прочь. Между тем в море разыгралась буря. Парусное судно ушло в Императорскую гавань, а высадившиеся на берег русские остались ночевать. Орочи не спали всю ночь и караулили страшных «лоца» (так они называли русских). Утром буря стала стихать. Корабль вернулся. Моряки забрали у орочей еще рыбы и совсем ушли в море. Вскоре в Императорскую гавань пришло сразу три корабля: один большой (фрегат «Паллада») и два поменьше и долго стояли в заливе Агу (Константиновском). Потом что-то случилось, русские взволновались. Они стали рыть длинные каналы (окопы) и насыпать валы (береговые батареи). Два судна ушли, а большое осталось. Далее они рассказывали о том, как русские потопили свое судно. Рассказы эти полны интересных подробностей. Это было зимой. Сперва вокруг корабля был взломан лед. Пушки, которые они называли «сагды чикта мяоцани» (большое медное ружье), и все ценное русские закопали в землю, но где — никто не знает. Затем на корабле был пожар, и корабль, объятый пламенем, пошел ко дну. Будучи народом, совершенно чуждым войны, орочи никак не могли понять, зачем это русские ломают, жгут и топят свое судно. Моряки ушли, а на том месте, где раньше красовался корабль, виднелась только большая промоина, на ней плавал лед и обгоревшие куски дерева. Весной пришло сразу одиннадцать кораблей. Это были опять другие люди, иначе одетые и говорили совсем на другом языке (соединенная англо-французская эскадра).

Они сожгли русские постройки в заливе Константиновском и пустили большой пал, отчего сгорело много леса. Спустя несколько лет в Императорской гавани снова появились русские. На месте разрушенного поста было построено две казармы и два склада. Зимой у русских нехватало продовольствия, и многие из них умерли. С той поры «лоца» оставили залив Константиновский навсегда.

Время шло незаметно, часы летели за часами, а старики все вспоминали былое и как бы снова переживали свою молодость. Голос их стал звучнее и вид моложавее.

В это время в юрту вошел молодой ороц и сообщил, что подходит лодка с русскими рабочими, которые с пилами и топорами шли вверх по реке Хади рубить и плавить лес. Старики оживились, поднялись со своих мест и потихоньку стали расходиться по домам.

Я оделся и вышел наружу. Туманная, темная ночь повисла над землею. Из отверстия в крыше юрты вместе с дымом, освещенным огнем, вылетали искры. На реке были слышны русская речь и брань. Ветер с моря донес протяжные низкие звуки — это гудел какой-то пароход.

Когда я вернулся в юрту, в ней уже все спали. Мне была постлана медвежья шкура. Я снял обувь, положил под голову тужурку и, прикрывшись одеялом, заснул.

Глава VI

ВДОЛЬ БЕРЕГА МОРЯ НА ЛОДКАХ

С 10 сентября мы стали собираться: собранные коллекции этикировались и укладывались в ящики для хранения их на зиму, отбиралось необходимое для осеннего пути морем, люди шили палатки, снаряжали обувь, переводчик пошел нанимать у орочей лодки. День выступления был назначен 17-го числа, независимо от погоды.

Дня за два до выступления к нам на бивак явился ороч. Вошел он тихо в палатку и попросил разрешения сесть. На вид ему было лет сорок. Он был невысокого роста, коренаст и хорошо сложен. Круглая голова с плоским теменем и широким затылком, высокий лоб, немного выдающиеся скулы и редкая растительность на лице — вот первое, что мне бросилось в глаза. Головного убора он не носил; густые, как смоль, черные волосы, заплетенные в толстую косу, служили ему шапкой и прикрывали голову и от дождя и от солнца. Он постоянно прищуривал один глаз, — это была привычка, приобретенная им с детства. Одет он был так же, как и все другие орочи, и потому останавливаться на описании его костюма не стоит.

На задаваемые вопросы пришедший отвечал тихо, не торопясь, и часто короткими «да» и «нет». Из его слов я узнал, то он живет на реке Копи и в Императорскую гавань пришел нарочно, когда услышал о нашем прибытии и узнал, что на реке Хади Чочо Бизанка собирает всех людей, но опоздал. Теперь он шел обратно на Копи и предложил свои услуги в качестве проводника. Дело в том, что я имел только одну лодку и вторую должен был найти где-нибудь по пути. Мой собеседник посоветовал мне лодку с грузами послать морем, а самим идти на реку Копи пешком через

горы. Он сказал, что дома у него есть одна лишняя лодка, которую он может уступить.

— Как тебя зовут? — спросил я его.

— Карпушка, — отвечал он, еще более прищуривая глаз.

Так вот это кто! Это тот самый Карпушка, который слывет лучшим мореходом, лучшим ходоком на лыжах. Никто лучше его не знает побережья моря до самой реки Самарги, никто лучше его не умеет ходить под парусами на утлых «тамтыга». Он знает, где можно приставать лодкам, где есть опасные камни, где есть бухты, удобные для ночевки, и где можно наколоть острогой рыбу. У Карпушки своя метеорология — свои приметы. Он знает, какая завтра будет погода, какое будет волнение, какой подует ветер и можно ли выходить в море. Среди орочей Карпушка слыл и самым искусным каюром. У другого собаки бегут сперва хорошо, а во второй половине пути еле волочат ноги, у него же они всю дорогу бегут ровно. Он как-то умеет влиять на собак, и они сразу привыкают к нему и не грызутся между собою, точно понимают, что ими правит каюр Карпушка.

Двадцать седьмого сентября мы оставили Императорскую гавань. День был серый, пасмурный, собирался дождь. Еще с вечера туман, лежавший доселе неподвижно над мысами, вдруг стал подыматься кверху и собираться в тучи. Они шли низко над землей, скрывая сопки более, чем наполовину; барометр падал.

— Однако, худо будет, — говорил Карпушка.

— Может быть остаться и переждать ненастье? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он. — Лодку надо послать в бухту Мафаца. Пусть там нас дожидает.

Я понял его: он хотел воспользоваться затишьем и сколько можно продвинуться с грузами на юг по воде.

Надо сказать, что в прибрежном районе к востоку от Сихотэ-Алиня осень всегда длинная. В то время, как в бассейне правых притоков Уссури выпадают снега и начинаются морозы, в прибрежном районе вода еще не замерзает. Днем бывает настолько тепло, что можно идти в одной рубашке, но как только солнце скроется за горизонтом, роса превращается в иней и лужи покрываются тонким слоем льда. Вскоре после равноденствия летний муссон начинает сменяться северо-западным ветром. Так как он

дует с материка, то под защитой береговых обрывов море сравнительно спокойно, но зато около устьев рек, там, где долины совпадают с направлением ветра, порывы его бывают так сильны, что приходится выжидать затишья, иногда двое и трое суток подряд. В таких случаях плыть на лодке очень опасно.

Советы Карпушки я принял к сведению и решил итти, соблюдая все меры предосторожности.

Путевой нитью нам служила тропа. Итти по ней тяжело: угловатые камни, грязь и ямы с водою делают дорогу эту тернистым путем. Навстречу нам попались двое полесовщиков с тремя худотелыми конями. Их лошади то и дело оступались, падали на передние колени, тяжело вздыхали, с трудом вытаскивали ноги из решетин между корнями и спотыкаясь шли дальше.

Если подняться на мыс Николая и посмотреть по направлению к реке Тумнину и затем перенести свой взор на юг, то наблюдателю бросится в глаза разница в строении берега. К северу от гавани он слагается из базальтов. Один за другим мысы наподобие длинных языков вытягиваются в море. Отсюда они кажутся низкими и столовообразными. Там береговая линия развита хорошо, между мысами образовались весьма удобные бухточки и заливы. К югу рисуется другая картина. Большой гранитный хребет Доко тянется параллельно берегу и местами омыт вдоль оси своего простирания. Границей, где базальтовый покров соприкасается с гранитным хребтом, является бухта Труженик. Сверху, насколько позволяет прозрачность воды, видно, что широкая подводная терраса тоже состоит из гранита.

Белесоватый цвет массивно-кристаллической породы и на поверхности суши и в воде настолько характерен, что ошибиться нельзя.

Растительный слой земли по склонам хребта Доко незначителен. Тощая, чахлая растительность едва находит в земле себе пищу. Корни деревьев стелются поверху, оголяются и подсыхают. Ветры раскачивают деревья, отчего они рано гибнут и в таком виде остаются стоять, венчая прибрежную опушку широкой полосой сухостоя. Тотчас за Маячным мысом имеется небольшой изгиб береговой линии, образующий нечто вроде бухты, названной Базарной. Здесь в обрывах над гранитами залегает большой пласт

конгломератов, а над ним тонкий, но плотный слой базальтовой лавы, не насыщенной газами.

Тропа шла среди хвойного леса. Я обратил внимание, что ветви елей росли не горизонтально, а под острым углом по отношению к стволу, и спросил Карпушу, отчего они так свесились.

— Когда дует суала (северо-восточный ветер), падает много мокрого снега, потом он замерзает и давит ветку вниз, так постоянно, каждый год, — отвечал ороч.

Объяснение было верное и простое.

Часам к пяти пополудни мы дошли до зимовья. Оно было старое, полуразрушенное, грязное и сырое. Отсюда тропа поворачивала на запад, а нам следовало держаться морского берега и идти к югу. С наступлением сумерек пошел дождь. Плохо сколоченная из накатника крыша зимовья протекала всюду. Мы не спали всю ночь, переходили с одного места на другое и искали, где посуше, но всюду было одинаково сыро. Так мы промаялись до утра и рады были, когда явилась возможность снова тронуться в путь. Погода была ненастная и туманная. Карпушка шел впереди и с легкостью лесного человека прыгал с одной валежины на другую. Вода по его черным волосам сбегала на спину и плечи, но он мало обращал на это внимания.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее дул ветер. За перевалом начался спуск по крутому косовету. С левой стороны сквозь туман стал доноситься шум морского прибоя. С каждым шагом он становился явственнее и громче. Хватаясь руками за кусты и стволы деревьев, мы с трудом спустились в какой-то ключик и по нем вышли к устью речки Мафаца, что значит «Почтенный старичок». Грозный вид имел взбудораженный океан. Огромные волны с ревом бросались на берег, усеянный створками раковин и обрывками ламинарий. Вода захлестывала до самого верхнего края намывной полосы прибоя. Следующая волна, встреченная отливным течением первой, вспенивалась, как кипяток, и с еще большим озлоблением бросалась на берег. На мгновение наступала тишина, но когда морская вода начала скатываться вниз, камни громким ропотом снова выражали свой протест. И так из года в год, из века в век...

Орочи вытащили лодку подальше на берег; из весел и жердей они сделали остов двускатной палатки и покрыли его парусами. Мокрый плавник горел плохо и сильно

дымил. Собаки забились под лодку и, свернувшись, старались согреть себя дыханием. В такую погоду ночь кажется темнее, дождь сильнее и шум прибоя еще более грозным.

Во вторую половину ночи ветер стал немного стихать, но дождь пошел с удвоенной силой. Сквозь сон я слышал, как он барабанил в туго натянутые полотнища палаток. Орочи не спали и все время по очереди подкладывали дрова в костер. На другой день дождь перестал, но опять задул свежий ветер. По морю снова заходили беляки.

На грех мы забыли в концессии походную аптеку и весь формалин, столь необходимый для зоологических сборов. Что делать? Выручить нас взялся Карпушка. Невзирая на непогоду, он решил отправиться в гавань морем на лодке. Два ороча, которых он пригласил с собою, тотчас стали собираться. Вместе с ними поехал и Вихров.

Меня беспокоил вопрос, как они отойдут от берега во время столь сильного прибоя. Прежде всего Карпушка велел орочам принести с десятков крупных камней, но не окатанных, а угловатых, а сам принялся собирать плавник и очищать его топором от сучков. Когда все было готово, он стал укладывать камни на дно лодки, возможно плотнее. Потом он разложил на берегу плавник, посадил гребцов на свои места, а сам остался на берегу. Выждав момент, когда самый большой вал с грохотом обрушился на намывную полосу прибоя и вслед за тем наступило короткое затишье, он сразу ослабил канат. Вследствие своей тяжести лодка быстро покатила по валькам к воде. В тот момент, когда она готова была совсем отделиться от берега, он уперся веслом в песок и прыгнул на ее корму. Но в это время нашла вторая большая волна. Лодка взметнулась носом кверху и приняла положение более чем на 45° . Ничего! Руль был в опытных руках! Несмотря на сильный толчок, Карпушка удержался на ногах. Ветер трепал его длинные волосы, брызги и пена слепили ему глаза, а он как будто не замечал их. Опять нос лодки поднялся кверху, потом поднялась корма. Фигура Карпушки то появлялась на гребнях волн, то совсем скрывалась в воде. Он махнул нам рукой и что-то стал говорить гребцам. Один из орочей начал выбрасывать из лодки камни, а другой налаживать парус. Лодка стала быстро удаляться. Мы долго следили за ней глазами. Минут через пять она сделалась едва заметной точкой и затем совсем пропала в волнах.

Накрапывающий дождь заставил меня вернуться в палатку. К вечеру опять разыгралась буря. Опять пошел сильный дождь. Успел ли Карпушка обогнуть Маячный мыс? Море бушевало всю ночь...

Дня через два орачи вернулись благополучно и привезли аптеку, свежего хлеба и целый ящик с овощами. 20 сентября мы распрощались с речкой Мафаца и, пользуясь легким попутным ветром, направились к бухте Андрея, в которую впадает река Копи.

От устья реки Мафаца берег делает поворот к юго-востоку и тянется в этом направлении до мыса Песчаного. На этом протяжении массивно-кристаллические породы уступают туфам. Слон их большею частью лежат горизонтально и только местами делают небольшие уклоны в ту и другую сторону. Они резко окрашены и хорошо видны, в особенности если немного отойти от берега.

На половине пути между Императорской гаванью и озером Гыджу выделяется гора Охровая, также состоящая из гранита.

Несмотря на прочность пород, составляющих этот берег, он все-таки разрушается, о чем свидетельствуют береговые ворота недавнего образования. Их трое: двое — близ реки Мафаца и третьи — недалеко от горы Охровой.

Около реки Гынджу было много птиц. Шла рыба. Большие морские чайки и тихоокеанские клуши стаями сопровождали ее. Они поднимались все разом с криками, кружились некоторое время в воздухе, потом опять опускались на воду и то и дело перелетали друг через друга. Их было так много, что поверхность моря казалась запорошенной снегом. Чайки — удивительно стройные птицы. С изумительной легкостью они садятся на воду и также легко поднимаются на воздух. Они превосходно летают и, подобно хищникам, могут парить, не производя движений крыльями. Они плавают кокетливо и мелко сидят на воде, чуть только брюшком касаясь поверхности моря, и не менее они изящны, когда на своих стройных ножках стоят на камнях и равнодушно поглядывают на проходящие мимо лодки.

Какой-то большой ястреб гонялся за одной из чаек. Как только она садилась на воду, он не трогал ее и начал парить, но лишь только чайка поднималась на воздух, он опять бросался вслед за нею. Тогда чайка опять опу-

скалась на воду, и ястреб снова принимался описывать круги. Почему он не трогал ее, когда она сидела на воде, и наконец почему все прочие чайки не выражали испуга? Очевидно пернатый хищник боялся воды, но тогда почему он преследовал только одну чайку, тогда как другие свободно перелетали по воздуху, не обращая на него никакого внимания?

Мартыны-рыболовы держались несколько поодаль. Они сидели спокойно и, повидимому, мало интересовались рыбой. Мартын кажется птицей средней величины, и только когда убьешь его и возьмешь в руки, то поражаешься его размерами.

Среди чаек я заметил и буревестников. С удивительной легкостью они держались в воздухе и при полетах постоянно поворачивали свои красивые головы то в одну, то в другую сторону. Для этих длинокрылых, казалось, и встречный ветер не мог явиться помехой. Буревестников что-то влекло к югу. В течение целого дня они летели только в одном этом направлении, и не было ни одного, который шел бы им навстречу.

После полудня ветер переменился и задул нам навстречу. Он стал крепчать и развил большую волну. Тогда мы подошли к берегу и высадились около речки Гыджу.

Непогода вынудила нас продневать еще один день. Во время солнечного заката Карпушка взобрался на прибрежные утесы и долго смотрел на горизонт и небо. Когда совсем стемнело, он вернулся назад и сказал, что завтра с рассветом можно будет ехать дальше, а поэтому надо раньше ложиться спать. После ужина я лег на козью шкурку, заменяющую мне постель, и прикрылся одеялом. Снаружи доносился неумолчно ритмический шум прибоя; слышно было, как горели дрова в костре. Карпушка рассказывал о землетрясении, которое произошло три года тому назад. Оно ощущалось и на реке Тумнине, и в Императорской гавани, и на реке Коли. Сначала послышался подземный гул, потом закачалась земля так, что вода расплескалась из котлов. Во многих местах на берегу моря произошли обвалы. Потом он еще рассказывал что-то интересное, но я не мог преодолеть свой сон. Глаза закрывались сами собой. Храп моего соседа заразительно повлиял и на других людей. Через несколько минут на биваке водворилась тишина, собаки тоже уснули, костры угасли совсем...

На другой день Карпушка, действительно, разбудил нас очень рано. Еще не рассветало, но уже по звездам было видно, что солнце приближается к горизонту. За ночь море заметно успокоилось. Волны ласково всплескивались на камни и почти бесшумно скатывались назад.

После чая мои спутники проворно стали укладывать лодки и охотно взялись за весла, а я плотнее завернулся в одеяло и стал наблюдать, как просыпается жизнь на море.

Справа от лодок был высокий скалистый берег, состоящий все из тех же цветных туфов и лав, а слева — сонный океан. Он дышал могучей грудью и на мертвой зыби легонько подымал и опускал наши лодки.

Около реки Гыджу пласты туфов приняли наклонное положение. С некоторого отдаления можно проследить синклинали и ясно представить себе воздушные седла антиклиналей. Огибая мыс Чумаки, наша лодка подошла ближе к берегу. Теперь можно было рассмотреть и детали. Под влиянием атмосферных явлений в песчанике образовалось множество глубоких каверн, разделенных тонкими перегородками. В них ютились морские птицы, преимущественно чистики и топорики. Ниже произошли разрушения другого порядка. Волны выбили в горной породе нечто вроде пещеры и исполиновых котлов. Вода сгладила острые грани камней и придала им разные причудливые очертания, давшие столь богатый материал фантазии туземцев.

После мыса Чумаки прибрежные сопки принимают характер широких и пологих увалов, состоящих из кварцевого порфира.

Я хотел сфотографировать берег и велел вынуть весла из воды. Минут десять я провозился, пока наладил аппарат. Несмотря на то, что мы не гребли, лодки наши продолжали двигаться вдоль берега. Нас несло течением. Было ли оно ветвью общего кругового течения в Японском море или следствием муссона, нагонявшего морскую воду в бухты, откуда она направлялась на юг вдоль берега моря, я так и не понял.

После полудня мы достигли бухты Иннокентия и сделали в ней большой привал. При высадке на берег Вихров нашел протомоллюска. Он имел вид как бы половинки удлиненно-овального плода величиной в детскую руку. Карпушка назвал его «Помо» и сказал, что его можно есть

сырым. Вслед за тем он вырезал ножом брюшко-ногу хитона, имеющую вид розовато-белого длинного тельца, и с аппетитом стал ее жевать. Спинка животного состоит из нескольких плоских косточек, надвигающихся одна на другую и сверху прикрытых шершавой кожей. По словам нашего проводника, эти косточки очень острые и ими очень легко порезать руку, в чем я имел случай тут же, лично на себе, убедиться.

Орочи с реки Копи

Отдыхать нам пришлось недолго. Северо-восточная часть моря начала темнеть, шел ветер «Пунэла», который в это время года всегда бывает очень резким.

По совету Карпушки мы не стали дожидаться, когда закипит вода в чайнике, вылили ее на землю и направились к лодкам.

От бухты Иннокентия до Копи — не более 7 километров. Это расстояние мы прошли под парусами очень скоро.

Издали устья реки Копи не видно — оно хорошо ма-

скирывается лесом, только прибой на бере указывает место, где пресная вода вливается в море.

Копи со стороны бухты Андреева (если можно назвать бухтой небольшое углубление береговой линии) кажется пустынной.

Около моря орочи живут только летом во время хода рыбы, а осенью с наступлением холодов они уходят вверх по реке¹. Там у них есть зимние жилища, там они занимаются охотой и соболеванием.

К сумеркам ветром нагнало туман, опять стал моросить дождь. Непогода заставила нас простоять двое суток. За это время я совершил две небольшие экскурсии. Время года было переменное, уходить от моря далеко не рекомендовалось: надо было караулить погоду, и для продвижения вперед на лодках надо было пользоваться всяким затишьем. В первый день я пошел по берегу моря вместе с Карпушкой и Чжан-Бао. Около устья реки Копи береговые валы состоят из мелкого и сыпучего песка, приходящего в движение даже при небольшом ветре. Там, куда всплески волн не достигают, выросли грубая осока и кусты шиповника, а выше — низкорослые лиственницы. Под сенью их стоят два столба с иероглифическими письменами. Это могилы японских рыбаков, умерших на чужбине. Уроливо выродившиеся деревья, листопад, засыхающая трава и пасмурное небо, грозившее дождем, навевали грустные мысли.

Мы не стали здесь задерживаться и вышли прямо на намывную полосу прибоя.

Первое, что мне бросилось в глаза, — многочисленные створки ракушника. Мелкие ракообразные очистили их от моллюсков, а ветер, солнце и дождь постарались выбелить. Внутренний, перламутровый слой сохранился хорошо, но внешний, роговой начал шелушиться. Вперемежку с этими раковинами встречались створки большого гребешка величиной с малую тарелку. Между ними попадались крышечки другого гребешка, более мелкие, но с нежной розовой окраской. В одном месте Чжан-Бао нашел две раковины, в просторечии известные под названием морских кубышек, они имели бело-серо-зеленоватый цвет и снаружи поросли мелкими водорослями. Тут же на отмели валялся плавник,

¹ Теперь на реке Копи большое русское селение.

вынесенный рекою в море и выброшенный обратно волнением на берег. Некоторые древесные обломки лежали на поверхности, другие были занесены песком вперемежку с морской травой.

Один из обломков привлек наше общее внимание. В нем было больше отверстий, чем древесины. Я узнал ажурную работу древоточца. Это была красивая и оригинальная вещь, достойная быть помещенной в музей.

Среди плавника попадались и кости кита: огромные челюсти, ребра и массивные позвонки весом по 15—16 килограммов каждый. Чжан-Бао взял один из обломков в руку. К нему поспешно подошел Карпушка и стал просить не трогать костей на песке. Не понимая, в чем дело, китаец бросил ребро в сторону. Ороч поспешно поднял его и бережно положил на прежнее место, старательно придав ему то положение, в котором оно находилось ранее.

— Почему не следует трогать костей кита? — спросил я ороча.

— Ими нельзя играть, — отвечал Карпушка, — нельзя даже трогать, потому что рассердится море. Оно будет бушевать долго и если не теперь, то потом непременно накажет виновного.

Чжан-Бао отошел в сторону и сел на камень. По выражению лица его я понял, что он недоволен, и мне немало труда стоило уговорить его не сердиться на Карпушку.

На обратном пути мы разговорились о страшных бурях на море, которые северные китайцы называют «Да-фын», а южные — «Тайфун». Обыкновенно они зарождаются в Южнокитайском море, идут по кривой через южные Японские острова, иногда захватывают Корею и Владивосток и редко заходят к острову Сахалину и в Охотское море. Ураганы эти ужасны: они разрушают города, топят суда и всегда сопровождаются человеческими жертвами.

Причиной этих бурь, по мнению китайца, являются вовсе не киты, а черепахи. Черепахи есть маленькие и большие. Первые живут двести-триста лет и вызывают только ненастье, вторые живут тысячелетиями и являются причинами бурь. Где-то на юге обитает громадная черепаха, возраст которой определяется более, чем в сто тысяч лет. Она-то и вызывает тайфуны. Вот почему черепахой нельзя играть, нельзя ее перевертывать на спину. Люди примечали, что каждый раз, как только кто-нибудь позволял

фамильярное отношение к черепахам, непременно налетала буря, и виновный так или иначе был наказан.

К вечеру ветер усилился до шторма. Небо опять покрылось тучами, и пошел дождь. Юрта Карпушки была построена довольно прочно и нигде не протекала.

Снаружи завывала буря, дождь, повидимому, шел полосами и хлестал по стенам примитивного туземного жилища. Я хотел было еще расспросить Карпушку о дороге вдоль берега моря, но он рано завалился спать, его примеру последовали и мои спутники.

Рассвет застал меня в состоянии бодрствования. Месяц был на исходе. Все мелкие звезды, точно опасаясь, что солнечные лучи могут их застать на небе, торопливо гасли. На землю пала холодная роса, смочив, как дождем, пожелтевшую траву, опавшую листву, камни и плавник на берегу моря.

Мои спутники еще спали тем сладким утренним сном, который всегда особенно крепок и с которым так не хочется расставаться. Огонь давно уже погас. Спящие жались друг к другу и плотнее завертывались в одеяла. На крайнем восточном горизонте появилась багрово-красная полоска зари. Она все увеличивалась в размерах, словно зарево отдаленного пожара отражалось в облаках.

Первые живые существа, которые я увидел, были каменушки. Они копошились в воде около берега, постоянно ныряли и доставали что-то со дна реки. На стрежне плескалась рыба. С дальней сухой лиственницы снялся белохвостый орлан. Широко распластав свои могучие крылья, он медленно полетел над рекой в поисках за добычей. Откуда-то взялась черная трясогузка. Она прыгала с камня на камень и все время покачивала своим длинным хвостиком.

В юрте первым проснулся Карпушка. Стряхнув со своего халата налетевший от костра пепел, он наскоро обулся и, ежась от холода, стал усиленно раздувать уголья и подкладывать дрова в костер. Тотчас появился дымок, а вслед за ним и огонь. Ороц повесил над костром чайник и стал будить моих спутников. Услышав шум и заметив людей, уточки перестали нырять. Оглядываясь назад, они торопливо переплыли на другую сторону реки, где опять занялись купаньем, но уже не так беззаботно, как раньше. Вынырнув из воды, они каждый раз встряхивались и с беспокойством озирались по сторонам.

В других юртах тоже проснулись. Из дымовых отверстий в крышах появились дымки. Около соседнего балагана ороченская женщина, сидя на корточках, чистила на весле рыбу. Две молодые собаки сидели против нее и, наклонив на бок свои остроухие головы, внимательно следили за движением ее рук и ловко подхватывали налету брошенные им подачки.

После чая мы принялись укладывать лодки.

Дальше Карпушка с нами не поехал, а послал вместо себя ороча Савушку — человека лет тридцати пяти, молчаливого и тихого.

Когда солнце взошло, мы были уже далеко от реки Копи. Не подходя к берегу, Савушка дал людям короткий отдых. Широкая мертвая зыбь чуть заметно колебала спокойную поверхность океана и так же тихо подымала и опускала лодки на одном месте.

Стрелки и казаки стали закуривать, передвигать сиденья, перекаладывать поудобнее грузы и меняться веслами.

Побережье, освещенное лучами только-что взошедшего солнца, было очень красиво. Между устьем реки Копи и мысом Сандома тянется высокий скалистый берег, слагающийся из глинистых сланцев. За ним километра на полтора выступает в море другой тип берега — плоский с двумя пресными озерами, из которых северное более южного. Он оканчивается мысом Песчаным и затем делает поворот к юго-западу. Еще одна маленькая географическая подробность: сейчас же за мысом с левой стороны устья реки Чалгиенса на дневную поверхность выступают прослойки горючей серы.

Около берега кое-где еще держался туман, — он таял и прятался в распадках между гор.

Савушка мало обращал внимания на красоты природы. Он давно уже привык к ним. Его занимало другое явление — темная полоска на горизонте, — это ветер и волнение.

Около полудня мы прошли мыс Аку. До следующего мыса Успения — конечного пункта сегодняшнего нашего плавания — недалеко, но надо было торопиться. Темная полоска захватывала все большее и большее пространство.

Гребцы налегли на весла, и лодки пошли быстрее. Через полчаса ветер слегка пахнул в лицо, нос лодки начал

хлюпать по воде, и тотчас по сторонам стали подниматься волны. Встречный ветер начал крепчать, и грести становилось труднее. Вскоре волны украсились белыми гребнями и начали захлестывать лодку. Вот и мыс Успения. Еще двести шагов — и мы в безопасности. Люди употребляли все усилия, чтобы скорее пройти это небольшое расстояние. Отбойные волны от берега и волны, идущие с моря, сталкивались и образовывали толчею.

Я взглянул на Савушку, но на лице его не прочесть ни беспокойства, ни тревоги. Наконец мы поровнялись с мысом, и вдруг глазам нашим представилось удивительное зрелище. Большой разбитый пароход был около самого берега. Еще несколько минут, еще несколько ударов веслами, и лодки подошли к погибшему судну «Хедвинг» и встали под его прикрытием с подветренной стороны.

Пароход стоял носом к северо-востоку, несколько под углом к берегу. Под защитой его мы спокойно высадились на берег.

«Хедвинг» разбился лет пятнадцать тому назад. Это был норвежский пароход, совершавший свой первый рейс и только-что прибывший в дальневосточные воды. Зафрахтованный торговой фирмой Чуриной и компания, он с разными грузами шел из Владивостока в город Николаевск. Во время густого тумана с ветром он сбился с пути и врезался в берег около мыса Успения. Попытки снять судно с камней не привели ни к чему. С той поры оно и осталось на том месте, где потерпело аварию.

Пока мы осматривали «Хедвинг», кто-то из стрелков успел сварить обед. Это было очень кстати, так как мы проголодались и с аппетитом поели каши, а затем стали греть чай. День выпал на редкость теплый. Нагретая солнцем земля излучала теплоту настолько сильно, что даже в непосредственной близости можно было видеть, как реял горячий воздух над камнями. Мои спутники старались укрыться куда-нибудь в тень: кто залез в кусты шиповника, кто спрятался за камни, а Вихров пристроился за паровой трубой. Один Марунин долго не мог найти себе места. Он слонялся по берегу, садился то здесь, то там и наконец решил залезть в самую трубу. Там он лег на бок и, держа в руке кружку, приготовился пить чай. Но в это время случилось событие, которое развеселило стрелков на весь день. От того ли, что Вихров толкнул трубу,

или сам Марунич неосторожным движением качнул ее, но только труба вдруг повернулась вдоль своей продольной оси и затем покатила по намывной полосе прибоя, сначала тихо, а потом все скорее и скорее. С грохотом она запрыгала по камням; с того и другого конца ее появились клубы ржавой пыли. Когда труба достигла моря, ее встретила прибойная волна и обдала брызгами и пеной.

В это мгновение из нее вылез Марунич. Взрыв оглушительного хохота встретил его появление. Надо было видеть его мокрую одежду и испуганную физиономию, вымазанную ржавчиной. По его растерянному взгляду видно было, что он сам не мог отдать себе отчета в том, что случилось и как он очутился в воде. Марунич сердито посмотрел на пароходную трубу и толкнул ее ногой, но в это время другая, более сильная волна швырнула трубу обратно на намывную полосу прибоя. Марунич испугался и отбежал в сторону. Он не знал, что физиономия его выпачкана ржавчиной, и сердито молчал. Затем он разделся, выполоскал свою одежду в пресной воде и разложил ее на гальке, чтобы она просохла. Вечером мы вспоминали подробности этого приключения и подтрунивали над Маруничем.

Около мыса Успения есть небольшое озерко с топкими и болотистыми берегами. Орочи называют его Аку. Оно, отдаленное от моря узкою косою, имеет не более одного километра в окружности. Две маленькие речки впадают в дальнем его углу.

В озере держится кета и кунжа; обилие морской птицы, убой морского зверя, соболевание и охота на лосей издавна привлекают сюда туземцев с реки Хади.

На Аку мы застали одну семью орочей. Они тоже недавно прибыли с Копи и жили в палатке. Когда выяснилось, что дальше нам плыть не удастся, я позвал Савушку и вместе с ним отправился к ороченскому жилищу. Привязанные на цепь собаки встретили нас злобным лаем. Из палатки поспешно выбежал человек. Это был пожилой мужчина с окладистой бородой. Узнав Савушку, он прикрикнул на собак и, приподняв полу палатки, предложил нам войти в нее. Я нагнулся и прошел вперед.

Посредине палатки горел огонь. Дым не успевал выйти через отверстие в крыше, ел глаза и принудил меня лечь на землю. В котле, подвешенном на сучковатой палке, ва-

рилась рыба. Вся семья ороча Игнатия (так звали нашего нового знакомого) состояла из него самого, его сына и двух женщин, из которых одна приходилась ему женою, а другая невесткой. У последней на руках была маленькая собачонка японской породы с уродливой головой. Она выходила из себя, лаяла, хрипела и старалась схватить зубами край моей одежды. От Савушки я узнал, что мыс Успения является южной границей распространения орочей на берегу моря и что дальше на юг живут Кыка, которые сами себя называют «удэхе».

В это время пришли стрелки и стали проситься на охоту. Ороч Игнатий не советовал им итти на речку, потому что там у него поставлены самострелы на медведей, которые каждую ночь выходят к озеру лакомиться «сненной» (мертвой рыбой). Тогда стрелки решили заняться охотой на птицу. На озере держалось два табунка уток. Они все время перелетали с одного места на другое. То они уносились так далеко, что, казалось, не возвратятся вовсе, то вдруг снова неожиданно появлялись откуда-нибудь сбоку и с шумом все разом опускались на воду. Это подзадоривало стрелков. Они взяли у орочей лодку и поехали на охоту, но утки не подпускали близко. Едва лодка подходила к ним на расстояние ружейного выстрела, как они снимались все разом и, отлетев в сторону, садились на воду у противоположного берега. Охотники выпускали заряды в воздух, и чем больше они горячились, тем меньше шансов имели на успех.

Все же одна из уток была ранена. Она поднялась было и хотела лететь к морю, но тотчас должна была опуститься вновь на воду. Бросив остальную стаю, стрелки поплыли за ней; тогда утка стала нырять. Неизвестно, долго ли продолжалась бы эта погоня за подранком, если бы на выручку не пришел Игнатий. Заметив, куда плывет утка, он схватил острогу и через кусты побежал к протоке. Как только утка ныряла, он подвигался вперед, как только она всплывала на поверхность воды, он припадал на одно колено, ждал и не шевелился. Раненая птица направлялась в протоку, намереваясь войти в море. Тут-то ее и ждал Игнатий. Заметив врага, утка нырнула в последний раз и быстро пошла по течению. Сверху с крутого берега сквозь чистую, прозрачную воду хорошо было видно, как она, вытянув шею и сложив крылья вдоль тела, торопилась про-

скакнуть опасное место. Она думала, что под водой ей удастся скрыться от человека. В это мгновение ороч поднял острогу и с силой бросил ее в воду. Мелкие пузырь вспенились на поверхности протоки. Через несколько минут острога всплыла, и на острие ее боспомощно билась птица. Моим спутникам пришлось довольствоваться рыбой, благо в ней не было недостатка.

Я думал, что на другой день мы рано поедем дальше. Однако Игнатий советовал обождать восхода солнца. Приметы были какие-то неопределенные: одни облака шли на восток, другие — им навстречу, иные казались неподвижными; по морю кое-где кружились вихри.

Ничего нет хуже, когда приготовишься к отъезду, снимешь палатки, уложишь вещи и вдруг надо чего-то ждать. Время тянется удивительно долго. Мои спутники высказывали разные догадки и в десятый раз спрашивали орочей о причинах задержки. Поэтому можно себе представить, с какой радостью они приняли заявление, что к вечеру море будет тихое, но придется плыть ночью, потому что неизвестно, какая завтра будет погода.

Около пяти часов пополудни мы оставили Аку. Море было сравнительно спокойно, только короткие порывы ветра неожиданно набегали то спереди, то сзади и мешали грести. Здесь мы впервые встретили нерп. Выставив на поверхность воды свои мокрые блестящие головы, они с любопытством разглядывали лодки, плыли сзади, ныряли и вновь появлялись иногда очень близко.

Одна из нерп вынырнула так близко от лодки, что гребцы едва не задели ее веслом по голове. Она сильно испугалась и поспешно погрузилась в воду. Глегола схватил ружье и выстрелил в то место, где только что была голова животного. Пуля булькнула и вспенила воду. Через минуты две-три нерпа снова появилась, но уже дальше от лодки. Она с недоумением глядела в нашу сторону и, казалось, не понимала, в чем дело. Снова выстрел и снова промах. На этот раз нерпа исчезла совсем. Она поняла об угрожающей ей опасности.

Кстати, два слова об этом животном. Встречающаяся у берегов нерпуха (по-орочски «хоота», причем первая буква «о» произносится с явственным оттенком буквы «ы») относится к семейству так называемых ушастых тюленей.

Пусть читатель не подумает, что нерпа имеет боль-

шие уши: наоборот, они маленькие и едва выдаются в виде двух кожных придатков. Взрослое животное весит от 50 до 80 килограммов и имеет длину 1,5—2 метра.

Тело молодых нерп покрыто густой мягкой шерстью серебристо-белого цвета. Через полгода после появления на свет детеныша под кожей его появляется жир, предохраняющий тело от холода. Тогда белая шерсть выпадает, и на месте ее вырастают грубые, жесткие и редкие волосы.

Обычно нерпы держатся около устьев рек. В погоне за рыбой они входят в большие реки и поднимаются по ним очень высоко.

Тело животного приспособлено к жизни в морской воде. Вес его немногим больше вытесняемой жидкости, вследствие чего оно находится в родной ему стихии как бы во взвешенном состоянии. Когда нерпа убита в морской воде, если в легких ее находится некоторое количество воздуха, она плавает на поверхности. В пресной воде нерпа тяжелее такого же объема воды и потому в реке она должна все время употреблять некоторое усилие, чтобы не опуститься на дно. Вот почему нерпа, убитая в пресной воде, всегда тонет. Орочи знают это и потому, если им случается охотиться за нерпой около устья реки, они стараются загнать ее на мелкое место. Убитое животное поднимается со дна острогою.

Жир нерпы идет в пищу. Мясо орочи едят только в том случае, если нет другого. Орочи употребляют кожи на торбаза, шаманские юбки, чехлы для ружей и пр.

К закату солнца мы успели уйти далеко от мыса Успения. Приближались сумерки. В атмосфере установилось равновесие. Море дремало. Дальние мысы, подернутые синеватою мглою, как будто повисли в воздухе. Казалось, будто небо узкою полосой вклинилось между ними и поверхностью воды. Это явление рефракции весьма обычно здесь в сухое время года.

Пологий берег к юго-западу от мыса Аку слагается из невысоких холмов, спускающихся широкими и пологими скатами к морю и местами переходящих даже в равнины. На этом протяжении в море впадают небольшие речки Нагача, Ичача, Ича, Уо и река Спасения. К югу от Ича в море выдвигается небольшой мыс из авгитового андезита с тем же названием, а между реками Уо и Спасения — мыс Пещерный, получивший свое название по

обилию пещер и исполиновых котлов, выбитых в нем морским волнением.

Стало вечереть. От прибрежных утесов потянулись по воде длинные тени. Температура воздуха начала быстро снижаться.

Морские птицы так же рано засыпают, как и лесные пернатые. Первыми успокоились чистики и каменушки. Как-то вдруг их не стало видно. Они залезли в трещины скал и завтра на заре проснутся первыми. Затем перестали летать бакланы. Местами отдохновения и сна они избрали камни, одиноко торчащие из воды, и такие карнизы, куда не могут забраться хорьки. Эти птицы имеют издали вид узкогорлых кувшинов. Их так много, что кажется, будто кто-то нарочно увенчал ими прибрежные камни. Тут же, среди бакланов, можно было заметить и чаек. Своей белизной они резко выделялись среди черных карморанов. Бакланы их не трогали и как будто совсем не замечали присутствия посторонних птиц. Одни только стрижи с криками носились около берега, и чем ниже спускалось солнце, тем выше они поднимались на воздух.

Был один из тех чудных осенних вечеров, которые в прибрежном районе обычно следуют друг за другом подряд несколько суток.

Часов в восемь вечера мы сделали второй привал. Через минуту вспыхнуло веселое пламя и разом осветило лица людей, собак и нос лодки, вытащенной на берег.

Едва чаепитие было окончено, как приказано было снова укладываться. Люди, ослепленные резким переходом от света к темноте, идут, вытянув вперед руки и ощупывая ногами землю, чтобы не наткнуться на камень или не оступиться в воду.

Через несколько минут лодки стали отходить от берега. Некоторое время слышны были разговоры, шум разбираемых весел, и затем все стихло. На месте костра остались только красные уголья. Легкий ветерок на мгновение раздул было пламя и понес искры к морю. Лодки зашли за мысок, и огня не стало видно.

Савушка не хотел приближаться к берегу, чтобы не наткнуться на камни, но в то же время не решался и уходить далеко в море, чтобы не заблудиться.

Морской берег ночью! Темные силуэты скал слабо проектируются на фоне звездного неба. Прибрежные утесы,

деревья на них, большие камни около самой воды — все приняло одну неопределенно темную окраску. Вода, черная, как смоль, кажется глубокой бездной. Горизонт исчез — в нескольких шагах от лодки море сливается с небом. Звезды разом отражаются в воде, колеблются, уходят вглубь и как будто снова всплывают на поверхность. В воздухе вспыхивали едва уловимые зарницы. При такой обстановке все кажется таинственным.

Лица Савушки не видно. Как мраморное изваяние, он стоял на корме лодки, «вперив глаза во тьму ночи», и, казалось, совсем не замечал того, что вокруг него происходило. Фигура ороча с веслом в руке, лодка с людьми среди мрака, напомнили мне картину Дорэ из мифологии греков, на которой был изображен Харон, перевозящий на лодке души умерших через подземную реку Стикс.

В такие тихие ночи можно наблюдать свечение моря. Как клубы пара, бежала вода от весел; позади лодки тоже тянулась длинная млечная полоса. В тех местах, где вода приходила во вращательное движение, фосфоресценция делалась интенсивнее. Точно светящиеся насекомые, яркие голубые искры кружились с непонятной быстротой, замирали и вдруг снова появлялись где-нибудь в стороне и разгорались с еще большей силой.

Все очарованы этой картиной, у каждого свои мысли.

К югу от реки Спасения на протяжении 12 километров берег опять становится возвышенным и состоит главным образом из роговообманкового андезита и мелкозернистой базальтовой лавы.

По распадкам между отрогами сбегает к морю несколько горных ручьев; наибольший из них называется Тахала.

Река Ботчи была недалеко. Там, где она впадает в море, береговая линия немного вдается в сушу, и если бы не мыс Крестовоздвиженский, то никакой здесь бухты не было бы совсем. Это небольшое углубление берега носит название бухты Гроссевича.

Так вот это то самое место, с которым связана трагическая судьба молодого топографа Гроссевича!

История этого дела такова¹.

В 1870 году в город Иркутск, где было сосредоточено

¹ Записано в 1917 году со слов самого Гроссевича за несколько дней до его смерти.

все управление Восточной Сибирью, прибыли из Петербурга два топографа, только что выпущенные со школьной скамьи. Один из них был Гроссевич. Надо представить себе юношу девятнадцати лет, который первый раз в жизни уехал так далеко от родительского дома. По прибытии в Иркутск Гроссевич узнал, что весной он должен отправиться на Амур, затем подняться вверх по Уссури до озера Ханка, а оттуда в пост Владивосток и явиться на шхуну «Восток», которой тогда командовал штурман Бабкин. Он узнал также, что на него возлагается производство съемки по берегу Японского моря между мысами Туманным и Успения. Этот берег впервые наносился на карту.

Как только солнце пригрело землю и деревья стали одеваться листвою, молодой Гроссевич, запасшись всем необходимым, отбыл в командировку. Путешествие до поста Владивостока он совершил благополучно. Во Владивостоке местное начальство назначило в его распоряжение двух солдат от местной команды. Тут Гроссевич узнал, что вдоль берега ему придется идти пешком, а все имущество его и продовольствие будут перевозить на лодке, которую он должен был раздобыть сам.

Ему повезло, и он, действительно, нашел у кого-то из жителей старую килевую лодку, которую и купил за довольно большие деньги. Лицо, продавшее лодку, обязалось до отплытия шхуны привести ее в исправный вид и приготовить весла и все необходимое для путешествия. В начале июня шхуна «Восток» снялась с якоря и направилась вдоль берега моря. Одного топографа, тоже с двумя солдатами, Бабкин высадил в заливе Рында, а другого, Гроссевича, — севернее реки Самарги, у мыса Туманного. Матросы спустили лодку в воду. Гроссевич погрузил в нее все свои вещи и сел сам. В октябре Бабкин должен был опять притти на побережье, взять обоих топографов и доставить их обратно во Владивосток.

Первые дни работ для Гроссевича были благоприятные. Он довольно быстро подвигался вперед. Местами съемка его выражалась только одной линией — там, где был обрывистый и скалистый берег, но там, где открывалась долина, он углублялся в нее на несколько километров и вновь возвращался к морю.

Но вот однажды случилась буря. Море разбушевалось, Непогода застала его на лодке. Долго пришлось

искать какого-нибудь укрытия в виде бухточки или речки, но ни того, ни другого не было. Высокий скалистый берег тянулся на много километров вперед. Тогда Гроссевич решил пристать к намывной полосе прибоя, потому что дальше в море держаться было невозможно. Вот тут-то и сказалась неудачная конструкция его лодки с килем. Лишь только они дошли до полосы мелководья и лодка цаарапнула килем по придонным камням, как нашедшая волна в мгновение ока перевернула их и выбросила на берег. К счастью, все кончилось благополучно, путешественники ничего не потеряли, но все решительно, в том числе и спички, промокли насквозь. Как ни старались они разжечь огонь, им это не удавалось. Всю ночь они просидели на берегу и очень страдали от холода.

К утру туман рассеялся, небо очистилось. Они приветствовали рассвет с такой же радостью, как это делали первобытные люди, потерявшие огонь. Когда взошедшее солнце пригрело землю, Гроссевич снял с себя верхнюю одежду и разложил ее на камнях для просушки, а сам остался в одних кальсонах и рубашке. У него было около трехсот рублей денег ассигнациями. Он тоже разложил их на гальке и сверху каждую бумажку придавил еще камешком, чтобы деньги не унесло ветром в море. Затем он сам прилег на камни и как-то сразу уснул. Повидимому, Гроссевич спал долго. Он проснулся оттого, что в лицо моросил дождь. Он поднялся и окликнул своих солдат, но на его зов никто не отозвался. В то же мгновение он заметил, что исчезли лодка, палатка и продовольствие. Кругом было пусто. Деньги исчезли тоже. Гроссевич бросился к берегу и стал кричать, но на его зов отвечали только эхо в прибрежных утесах и волны, с шумом набегавшие на намывную полосу прибоя. Гроссевич вернулся назад, чтобы одеться, и к ужасу своему увидел, что солдаты увезли с собой всю его одежду и даже обувь. Он понял, что погиб, и почти без сознания повалился на берег. Между тем надвигались сумерки, и ночь обещала быть ненастной. Несчастный решил спрятаться в камнях, но скоро он здесь так прозяб, что решил залезть в густую траву. Ужасную ночь провел он под дждем и до самого рассвета не смыкал глаз. Когда стало совсем светло, он решил идти вдоль берега. Но куда? Вперед или назад? Безотчетно, сам не зная почему, он пошел дальше к северо-востоку в том

направлении, в каком вел работы. Итти по намывной по-
лосе прибоя и хорошо одетому человеку трудно. У под-
ножья обрывов берег завален глыбами камней с острыми
краями: всюду валяется бурелом, заросший осокой и ко-
лючими кустами шиповника; между камнями во множестве
валяются обломки раковин, которыми легко поранить ноги.
Можно себе представить, в каком состоянии был Гроссе-
вич после одного только перехода. В первый же день ру-
башка и кальсоны разорвались. Он набрал много заноз и
сильно изранил ступни ног. К утру у него опухли руки. Пе-
ремогая себя, он потащился дальше вдоль берега и ел,
что попало: слоевища морской капусты, мелких крабов,
мелких моллюсков-береговичков. На третий день он, почти
голый, еле-еле передвигал ноги, падал в бессилии, поды-
мался, шел несколько шагов, опять падал и подолгу лежал
без движения. Наконец он дошел до того, что стал терять
сознание. Он не знает, был ли то сон или состояние бодр-
ствования, он потерял способность мыслить и потерял
всякое представление о времени и месте. Иногда на него
вдруг находил ужас. Он вскакивал и с криком бросался
вперед и бежал до тех пор, пока обессиленный опять не
падал на камни. Гроссевич полагает, что он был болен,
потому что его мучили кошмары днем и ночью. Мысль, что
этот берег будет его могилой, мало его беспокоила. Лишь
бы скорее пришло «это» и прекратило его душевные и фи-
зические страдания. Он вспомнил свою мать, близких дру-
зей, слезы застилали глаза. Он лег на землю и долго-дол-
го плакал, пока не впал в забытье.

Очнулся он от того, что кто-то приподнимал его голо-
ву и вливал в рот воду. Когда Гроссевич открыл глаза,
то увидел около себя каких-то сильно загорелых и стран-
но одетых людей. «Дикари», мелькнуло в его мозгу, и он
испугался. Это были удэхейцы. Они проезжали мимо на
лодке и вдруг увидели человека, лежащего на камнях. Сна-
чала они полагали, что это труп, выброшенный волнением
на берег, и хотели проехать мимо, но в это время Гроссе-
вич шевельнул рукой и простонал. Туземцы тотчас прича-
лили к берегу и стали приводить его в чувство. Затем они
дали ему кое-что из одежды и помогли добраться до лод-
ки. Незадолго до сумерек они прибыли к устью какой-то
реки и под руки дотащили его до своих балаганов.

Гроссевич полагал, что он в плену, и не знал, ухудшает

или улучшает это его положение. На другой день он был крайне удивлен, что две женщины занялись извлечением заноз из его ног, потом они перевязали ему раны, положив на них мелкие стружки шиповника. Он увидел, что с ним обращаются ласково, дают есть то, что едят сами. Наконец он решил сделать опыт и без ведома своих спасителей поплыл к берегу. Его никто не задерживал, он вернулся назад в юрту и встретил тот же прием. Убедившись, что он не находится в положении пленника, Гроссевич воспрянул духом и повеселел. Мало-помалу ноги его стали заживать. Пришла пора рыболовства. Удэгейцы отправились на реку, и Гроссевич пошел с ними. Он помогал им ловить кету, вытаскивал из лодки рыбу, помогал ее чистить и вешать на жерди. Женщины добродушно смеялись над его неумением и в свою очередь помогали ему в том случае, когда он попадал впросак. Гроссевич рубил дрова, собирал ягоды и старался всячески помочь своим спасителям. Наконец пришла осень и выпал первый снег. Туземцы пошли на соболевание, и он отправился вместе с ними.

Между тем два солдата, оставив Гроссевича на произвол судьбы, поплыли назад вдоль берега моря. Они были уверены, что он непременно погибнет и кости его растащут дикие звери. Дня через четыре они наткнулись на отряд другого топографа. На вопрос последнего, где их начальник, они ответили, что он утонул, и в доказательство представили его одежду, документы и даже небольшую часть денег. Топограф прикомандировал их к своему отряду и по окончании работ на шхуне отбыл в пост Владивосток, а оттуда в Иркутск, где и подал рапорт обо всем случившемся.

В конце года незадолго до увольнения в запас армии, оба солдата поссорились из-за денег и один на другого донес. Началось следствие. Солдаты сознались в том, что они бросили Гроссевича, но не могли сказать, где именно. К счастью, сохранилась съемка береговой линии и видно было, где она оборвалась. На следующую весну оба преступника под конвоем были доставлены в город Владивосток. На той же шхуне их повезли вдоль берега с приказанием указать место, где они оставили своего начальника. Может быть, солдаты показывали и правильно, но ни севернее, ни южнее никаких следов Гроссевича найдено не было, и экспедиция ни с чем возвратилась в город Владивосток. Солдаты были осуждены на каторжные работы, а Гроссевич

был вычеркнут из списков топографов как пропавший без вести. Ни у начальствующих лиц, ни у родных и знакомых, ни у кого не было сомнения в том, что он погиб.

Прошел год. Гроссевич совсем сжился с удэхейцами, стал понимать чужой язык, помогал им в работах и не чувствовал себя тунейдцем. Он увидел, что люди эти живут мирно, тихо и не ссорятся между собой. Его поразило тот патриархально-родовой строй, при котором все заботились о вдове и ее детях, как о своих родных. Он неоднократно видел собрания стариков, на которых они спокойно и терпеливо выслушивали реплики подростков. Он видел, что молодежь в то же время слушалась советов стариков. Его одноплеменники искали его смерти, бросили его на произвол судьбы, а эти туземцы спасли его, вылечили и одели. Он решил никогда не возвращаться к своим и навсегда остаться с удэхейцами.

Между тем через китайцев, скупщиков мехов, стали распространяться слухи о том, что на реке Ботчи у удэхейцев живет один русский. Слухи эти дошли до Владивостока, потом пробрались и в Иркутск, а там решили, что это никто иной, как Гроссевич, и что он находится в плену у туземцев.

Весной, когда растаяли снега и реки вскрылись ото льда, была снаряжена вторая экспедиция на той же шхуне «Восток». Но когда она подходила к мысу Крестовоздвиженскому, ее заметил один удэхеец. Он прибежал на Ботчи и сообщил сородичам: «Лоца гуны» (т. е. «русские идут»). Туземцы побросали свои юрты и убежали в горы. Вместе с ними убежал и Гроссевич. Начальник десанта нашел балаганы пустыми. Он решил, что удэхейцы увели с собою и Гроссевича. Тогда шхуна произвела демонстрацию. Она сделала вид, что уходит совсем, а на самом деле спряталась за одним из мысов, а когда совсем стемнело, высадила на берег вооруженную команду. Матросы прошли несколько километров и перед рассветом напали на стойбище удэхейцев. Когда Гроссевич увидел, что матросы арестовывают туземцев, он вступился за них и пробовал оказать сопротивление. Тогда арестовали и его.

Экспедиция с Гроссевичем и двумя пленниками вернулась на судно. Их доставили во Владивосток, где туземцев держали под стражей до производства следствия. Вскоре один из них получил скоротечную чахотку и умер в тюрьме,

а другой был отпущен на свободу, но долго не мог выехать из Владивостока. Он тоже заболел и на реку Ботчи попал незадолго до своей смерти. Гроссевич был предан суду и отправлен в Иркутск, а оттуда после следствия препровожден в Николаевский военный госпиталь для испытания его умственных способностей. Там его держали около года и признали душевнобольным, что избавило его от суда. Затем он выздоровел и снова стал проситься на службу в Восточную Сибирь. Назначение состоялось. Когда он приехал во Владивосток, он тотчас стал искать случая съездить на реку Ботчи, чтобы навестить своих друзей туземцев. По службе попасть туда он не мог, тогда он взял отпуск и отправился на шхуне «Сторож», которой командовал капитан Гек. Прибыв на место, он поспешил на берег. Вот и тропинка, вот и речка, где они ловили рыбу. Он побежал по дорожке через кусты. Печальное зрелище представилось его глазам. От стойбища остались только развалины. Все люди, взрослые и малые дети, погибли от какой-то эпидемии, занесенной из города. Никто не спасся. Там и сям валялись человеческие кости и предметы домашнего обихода, успевшие уже зарости травой. Убитый горем он вернулся в город Владивосток, где снова попал в больницу.

Туземцы на реке Ботчи вымерли, но среди соседей их на Копи и Самарги долго еще ходили рассказы о том, как «омо лоца» (один русский) попал к удэхейцам и как от него погибло все стойбище.

Прошло более пятидесяти лет, Гроссевич умер в городе Хабаровске в 1917 году, а бухточка, в которую впадает река Ботчи, сохранила его имя и по сие время.

Я погрузился в воспоминания, и передо мною встала согбенная фигура старика Гроссевича, без усов, без бороды, с короткими седыми волосами на голове.

Я пришел к нему расспросить о побережье моря, которое намеревался посетить во время своего путешествия.

Он достал карту и по ней стал делать описания каждого мыса и каждой бухты в отдельности. Когда Гроссевич дошел до реки Ботчи, он вдруг поднял руки кверху, затем закрыл глаза и опустил голову на стол.

Я услышал судорожные всхлипывания, стал его успокаивать и постарался перевести разговор на другую тему.

Я так ушел в эти воспоминания, что не заметил даже, как прошло время.

Лодка наша стояла неподвижно. Гребцы, вынув весла из воды, отдыхали. Через минуту к нам подошла вторая лодка. Стрелки стали закуривать и посматривать по сторонам.

— Что это там?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какой-то черный предмет на воде. Он передвигался немного, делал спиральные круги и вновь возвращался на прежнее место.

— Что бы это могло быть? — спросил я Савушку.

— Нисаа угда (маленькая лодка), — отвечал он равнодушно.

Действительно, минут через двадцать ясно можно было рассмотреть оморочку и в ней человека. Вскоре мы поровнялись с ним. Это был ороц с черною бороδοю. Он сидел в лодке, поджав под себя ноги, и длинною острогой ощупывал дно моря. Савушка окликнул его, он отвечал короткой фразой, которую я не понял.

— Что он делает? — спросил я Савушку.

— Нерпу ищет, — ответил последний, указывая на большое кровавое пятно на поверхности воды.

— Би! би! би! би! — закричал наш новый знакомый, стараясь удержать лодку около остроги, которой он нащупал мертвое животное.

Савушка отправился к нему на помощь. Через несколько минут нерпа была поднята из воды. Голова ее оказалась пробитой пулей насквозь.

Я предложил охотнику ехать вместе с нами. Он тотчас согласился. У него было одно весло с двумя лопастями. Ороц умело управлял оморочкой. Он переговаривался с нами, но сам зорко следил за волнами, чтобы они не накрыли его с наветренной стороны. Звали его Вандага.

Наконец мы подошли к реке. Белая пена отмечала бар, то место, где пресная вода смешивалась с морскою. Ороц на оморочке, немного не доходя устья реки, свернул к берегу. Улучив момент затишья, он быстро поплыл вперед и в мгновение ока вместе с пеной выбросился на прибрежный песок. В тот момент, когда отливное течение хотело утащить его лодку назад, он выскочил из нее и, схватив свое легкое суденышко за носовую часть, оттащил его подальше от воды. Все это было сделано удивительно быстро. Неопытный человек сломал бы оморочку, утопил бы ружье и непременно выкупался бы как следует.

Теперь настала наша очередь. Не без труда мы преодо-

лели буруны, правда, черпнули воды одним бортом, но все же вошли в реку.

Ботчи была первой нашей питательной базой, где были сложены запасы продовольствия, привезенные на пароходе Т. А. Николаевым. Согласно уговору, здесь я обещал отпустить Савушку и взять другого проводника. Поэтому была назначена дневка.

Я пошел на ближайшую сопку, чтобы сверху взглянуть на окрестности.

Река Ботчи (по-орочски «Икки») длиной около 70 километров и впадает в море на $47^{\circ} 58'$ северной широты и $139^{\circ} 32'$ восточной долготы от Гринвича. Северо-западный край бухты Гроссевича образует небольшая сопка Чжаари, с которой я и производил свои наблюдения, а юго-восточный ограничен мысом Крестовоздвиженским.

Ботчи в низовьях с правой стороны принимает в себя два притока — реку Масаеву и реку Ихе. Здесь она разбивается на два рукава, образующие узкий остров в 4 километра длиной.

По воде на туземной лодке можно подниматься шесть суток, дальше до водораздела надо идти пешком еще один день. В средней части ее течения, в трех днях пути от устья, есть теплый минеральный источник с температурой в 28°C .

Зимних путей с реки Ботчи есть два: на реку Копи и на реку Самарги. Первый идет по речке Мукпа через перевал на реку Тепты (приток Копи). Берегом моря никто не ходит, потому что местность здесь пустынная и очень пересеченная. То надо подниматься несколько раз в гору, то спускаться вниз, что очень утомляет. Второй путь с реки Ботчи идет по правому верхнему притоку ее Дулингья на Исими (верхний левый приток Самарги). На тот и другой путь времени потребуется 3—4 дня, в зависимости от количества собак и состояния дороги.

В 1908 году на Ботчи было 6 юрт с населением в 46 человек (15 мужчин, 11 женщин, 12 девочек и 8 мальчиков). Через два года туда переселился старовер Долганов; его примеру последовали и другие старообрядцы. Так образовалась деревня, сохранившая название Гроссевичи. В 1927 году в ней было до 150 человек обоего пола. Остальное население пришлое и состоит из китайцев и корейцев.

Горы, окаймляющие нижнюю часть долины реки Ботчи, покрыты густым хвойным лесом. Места эти являются, по-видимому, северной границей распространения монгольского дуба, который, как и кедр, встречается здесь весьма редко.

Недалеко от устья реки Ботчи за первой протокой жил наш новый знакомый ороц Вандага, у него-то и хранились ящики с экспедиционным имуществом. Все туземцы ушли на соболевание. Один Вандага задержался. Он знал, что мы приедем осенью, и решил дожидаться нас. Это был мужчина среднего роста лет сорока с густой черной бородой, что указывало на родство его с сахалинскими туземцами. Одет он был, как и все ороци, но прическу носил удэгейскую.

В палатке Вандага были кое-какие японские вещи. Из расспросов выяснилось, что дед его, действительно, родился на Сахалине. Отец жил одно время в заливе де Кастри, потом в бухте Чжуанка, а сам он перекочевал на реку Ботчи еще в молодые годы.

Утром следующего дня туземцы мне сказали, что у одной из наших лодок треснуло дно. Надо было хорошенько ее починить и проконопатить. Часам к двум дня все было в порядке. Дальше вместо Савушки поехали с нами Вандага со своим братом.

На вопросы, не пора ли в путь, они отрицательно качали головами. Я уже хотел было готовиться ко второй ночевке, как вдруг оба туземца сорвались с места и побежали к лодкам. Они велели стрелкам спускать их на воду и торопили скорее садиться. Такой переход от мысли к делу весьма обычен у орочей: то они откладывают работу на неопределенный срок, то начинают беспричинно торопиться.

С Вандага никто не стал спорить. Через четверть часа мы уже плыли к морю. Обогнув мыс Крестовоздвиженский, лодки опять взяли курс на юго-юго-запад. Здесь береговая линия развита слабо. Мысов много, но они мало выдаются в море. Намывная полоса прибоя завалена глыбами, свалившимися сверху. Они так велики, что в щелях между ними свободно может укрыться крупное животное. Такое разрушение берегов происходит от действия пресной воды. Ручьи, стекающие сверху в виде маленьких каскадов с высоты в 60 и 80 метров, не достигая подошвы обрывов, превращаются в дождь, развеваемый ветром. Первый мыс — Бохамуони — слагается из базальтов с харак-

терным для них столбчатым распадением. Некоторые столбы стоят прямо, другие изогнуты, третьи приняли совсем наклонное положение. Через полчаса мы достигли горного ручья Афа и мыса Бакланьего (по-орочски Хои, что значит «морской таймень»).

Бакланий мыс вполне оправдывает свое название. Этих птиц здесь было очень много. От их помета белела вся скала, точно ее вымазали известью. Грузные черно-серые гагары и длинношеие с синеватым металлическим отливом морские бакланы сидели по карнизам всюду, где можно было поставить ноги. Они были настороже и, подавшись вперед, готовы были слететь при первом намеке на опасность. Когда мы поровнялись со скалой, бакланы сидели, но когда лодка прошла мимо, они вдруг все разом ринулись вниз и полетели в море.

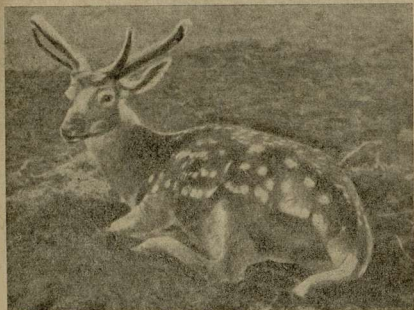
Первого октября мы дошли до небольшой горной речки Кольма, берущей начало с возвышенностей, слагающихся из известкового песчаника и из каких-то древних, сильно метаморфизованных осадочных пород. Южнее Бакланского утеса выступает острый мыс Сядуони, а за ним в одну линию тянутся четыре конических сопки, покрытых осыпями. Между речками Яшу и Кольма берег рисуется в виде невысокого горного кряжа, омытого вдоль оси простирания.

Река Кольма тоже невелика, большая часть ее воды просачивается под прибрежной галькой.

Когда лодки подходили к берегу, на гребне одной из сопки появилось большое животное. Я думал, что это лось, но Вандага отрицательно покачал головой и назвал его «богиду» (северный олень). Повидимому, животное заметило нас, потому что бросилось бежать и быстро скрылось за гребнем.

По словам орочей, в Уссурийском крае обитают два вида северных оленей. Один — маленький с большими рогами, темной спиной, белым брюхом и темными ногами. Другой вид более крупный, буро-серой окраски, с белесоватыми боками и небольшими, маловетвистыми рогами. Это и есть богиду; удэхейцы называют его «игдака». Первый обитает к северу от Императорской гавани, второй — южнее и спускается до реки Ботчи. Этот олень не боится снежных сугробов. Он протаптывает хорошие дороги, которыми пользуются и другие животные. На Ботчи северный олень заходит только поздней осенью и зимой, а весной, как только

начинают таять снега, он отодвигается к северу. Здешний олень — животное альпийское. В поисках за кормом он взбирается на высокие горы. В жаркие дни он держится в самых истоках рек, где всегда сыро и прохладно. Питается он не только ягелем, но и листьями брусники. Северный олень в большинстве случаев ходит в одиночку и никогда не собирается в табуны. Удаheyцы не охотятся за

Пятнистый сибирский олень.

ним, но стреляют, если зверь случайно попадет под ружье. Бьют они его для получения кожи, мясо обычно бросают, потому что оно чем-то пахнет. Надо сказать, что в пище туземцы очень разборчивы. Многие из них брезгуют мясом скота, зато с наслаждением едят мясо барсука, филина и выдры.

На этот раз бивак был устроен неудачно. Резкий, холодный ветер дул с материка и забивал дым в палатку. Я всю ночь не спал и с нетерпением ждал рассвета. Наконец ночная тьма стала редеть. Я поспешно оделся и вышел из палатки. От воды в море поднимался пар, словно его по-

догревали снизу. Кругом было тихо. Занималась кроваво-красная заря.

Сегодня мы имели случай наблюдать деформированное солнце. Сначала показался из воды только краешек его, багрово-красный и сильно растянутый. Поднявшись над горизонтом, оно приняло четырехугольную форму с закругленными углами. Потом нижняя часть его стала суживаться, а само оно приняло эллипсоидальную форму, отчего стало похоже на гриб. Ножка этого гриба, сначала короткая и толстая, начала утоньшаться, одновременно с тем у основания ее появилась короткая светло-золотистая полоса. Теперь солнце стало походить на печать. Еще мгновение, и рукоять печати оторвалась и стала подниматься вверх. Ножка тоже стала сокращаться и вся ушла в светлую полоску на горизонте и затем вместе с нею яркой полосой, все разрастаясь вширь, побежала по воде к нам навстречу. Вслед затем эллипсоидальная форма солнца начала выправляться в круглый диск. Вместе с тем стало теплее.

Около берега еще кое-где держались обрывки тумана; они прятались в тeneватых распадках между гор, но солнечные лучи находили их всюду и уничтожали без остатка.

Вдали виднелся высокий мыс Туманный. Казалось, он отделился от воды и повис над морем. Этот мыс был конечным пунктом нашего путешествия.

Вернувшись в палатку, я стал поднимать моих спутников, что было нетрудно, потому что они зябли и, завернувшись в одеяла, ждали только сигнала.

После чая туземцы проворно уложили лодки. Холод подбадривал людей и заставлял их энергичнее работать веслами. С восходом солнца воздух немного согрелся.

От реки Кольма берег меняет юго-западное направление на южное. От прибрежного хребта отходит к морю множество отрогов. Распадки между ними послужили путями для стока воды. Так образовались мелкие речки: Кольги, Бигиси и Гинугу.

Кольма длиной около 10 километров. По ней идет в большом количестве горбуша. Вот почему места эти охотно навещаются туземцами с реки Ботчи. Заготовив здесь запасы юколы на год, они складывают ее в амбары и оставляют в тайге до соболевания. От Ботчи к югу горные породы, собранные мною в последовательном порядке, распределяются так: сперва идет андезитовая лава с кальцитом, затем

диабазовый туф и туф кварцевого порфира, за ним опять туф дацитовый и выветренная пузыристая лава и наконец базальт.

Во время привала я поднимался на одну из сопок, покрытых растительностью, состоящей главным образом из ели и пихты. Здесь на солнцепеках произрастают дуб, даурская (черная) береза и изредка кедр. Долинные места были заняты лиственницей и белой березой, а на каменистых местах, около моря, в массе разросся шиповник и низкорослая рябина с безвкусными водянистыми ягодами.

Километрах в семи от реки Гинугу на самом берегу моря стоит коническая сопка, своим внешним видом напоминающая сахарную голову. С правой стороны ее есть небольшой красивый водопад, а слева — широкая полоса прибоя, заваленная каменными глыбами. Некоторые из них скатились в море, образовав нечто вроде маленькой бухточки, защищенной от волнения. Мы воспользовались ею и высадились на берег. Вандага велел вытащить лодки подальше от воды на гальку. Здесь мы стали устраивать бивак.

Устанавливая походную метеорологическую станцию, я обратил внимание на быстрое падение барометра. Надо было ожидать сильного шквала, признаки которого были уже налицо. Тучи спустились совсем низко и, казалось, бежали над самой водой. Горизонт исчез, море приняло грязножелтую окраску, волны пенились и неистово бились о берег, вздымая водяную пыль. Вдруг завеса туч разом разорвалась. На короткое время показался неясный диск солнца.

Через минуту-две налетел сильный ветер. В одно мгновение он сорвал нашу палатку. За ней бросились вдогонку. В это время меня так больно стегнуло песком по лицу, что я закрыл глаза рукою и повернулся спиной к ветру. Подхваченные с камней слоевища морской капусты, мелкие ветки и сухая листва — все это несло куда-то с сумасшедшей быстротой. Какая-то чайка тщетно пыталась лететь к югу. Ее сначала подняло кверху, потом кинуло в сторону. Она хотела было лететь назад, но не смогла сохранить равновесия и упала в кусты.

В это время раздались крики:

— Лодки! Лодки! Держите лодки!!

Я открыл глаза и увидел, что ветер опрокинул одну из лодок и грозил сбросить ее в море. За борт ее держались Вандага и Чжан-Бао.

— Веревки! Давайте веревки поскорей! Кладите камни!

Люди бегут, падают, опять бегут и стараются собрать веревки. Наконец лодки привязаны, палатка поймана. В это время с моря нашла только одна большая волна. С ревом она рванулась на берег, загроможденный камнями. Вода прорвалась сквозь щели и большими фонтанами взвилась кверху. Одновременно сверху посыпались камни. Они прыгали, словно живые, перегоняли друг друга и, ударившись о гальку, рассыпались в прах. На местах падения их, как от взрывов, образовывались облачка пыли, относимые ветром в сторону.

К сумеркам буря стихла совсем. Равновесие воздушной стихии восстановилось. Я вспомнил деформированное солнце утром.

Около Сахарной головы надо было произвести астрономические наблюдения и вычислить ход хронометра. Чтобы не задерживать лодку, я отправил ее вперед, а сам с несколькими спутниками остался для работ. Мы условились, что все сойдемся на реке Нельме.

Для поправок хронометра я взял абсолютные высоты солнца над горизонтом и в час дня вычислил широту места.

Затем мы собрали свои котомки и пошли по намывной полосе прибоя.

Тропа, до сих пор придерживавшаяся берега, вдруг круто повернула в сторону и по одному из распадков стала взбираться в горы.

Мы остановились в недоумении. Куда идти? Держаться ли намывной полосы прибоя или следовать за тропой? В это время подошел Вандага и сказал, что надо идти по тропе, потому что здесь ходят люди. Мы послушались его совета и, ни мало не смутясь, стали карабкаться на кручу. Тропа шла зигзагами, но, несмотря на то, что проложена она была весьма искусно, все же подъем на гору был длинный и утомительный. Мы с удэхейцем взобрались на вершину прибрежного хребта, а шедшие со мной стрелки немного отстали.

Удэхеец присел на землю, чтобы поправить обувь, а я стал осматриваться. Мы находились в хвойном лесу, состоящем из ели и пихты с примесью лиственницы и каменной березы. Лес был старый, деревья тонкоствольные, со множеством сухих веток, густо украшенные седыми прядями бородатого лишайника.

Был прохладный осенний день. Вверху между остроко-
нечными хвойными вершинами виделось безоблачное го-
лубое небо. Солнце посылало ослепительные лучи свои и
как-будто хотело воскресить растительность на земле. В
лесу стояла такая глубокая тишина, что всякий шум, про-
изводимый человеком, казался святотатством. Я окликнул
стрелков, но эхо тотчас вернуло мой возглас обратно.

Случайно я перевел глаза на моего спутника и увидел,
что он замер в неподвижной позе. Вандага имел вид чело-
века, который заметил что-то важное и тревожное.

— Что случилось? — спросил я его и оглянулся, но в
лесу было попрежнему спокойно. Тогда я повторил свой
вопрос.

Удэхеец сделал мне знак, чтобы я молчал, потом ти-
хонько поднял руку и указал на соседнюю пихту. А так
как я все-таки ничего не видел на ней, то он осторожно
придвинулся ко мне и, указав прутиком на лишайник, шо-
потом сказал:

— Его живой!

Я удвоил внимание и тогда заметил, что некоторые из
лишайников, вследствие своей необычной легкости и чув-
ствительности ко всякому ничтожному движению воздуха,
то поднимались, то снова медленно опускались книзу.

— Слушай! — сказал мне туземец шопотом.

Я напряг слух и, как мне показалось, действительно
услышал тихие, едва уловимые ухом звуки, похожие на
заглушенные крики зайца, только тоном выше и много
слабее. Откуда исходили они? Сверху, с деревьев, или
снизу, с земли. В лесу всегда можно слышать их в самых
разнообразных сочетаниях: шопота, подавленного сто-
на, глубокого затаенного вздоха и т. д.

— Его говори, — сказал удэхеец, указывая снова на
лишайник, — только люди понимай нету. Не знаю, хорошо
это или худо.

Я понял, что от моего ответа зависит успех нашего пред-
приятия, и потому сказал, что погода нам благоприят-
ствует, что наиболее трудную часть пути мы уже прошли и
теперь остается только начать спуск в долину.

Слова мои как бы убедили его. Как раз в это время
подошли стрелки. Удэхеец поднялся с земли и нехотя по-
шел вперед.

Наша тропа шла некоторое время по хребту. Она все

время кружила, обходя колодник то с одной, то с другой стороны. Мы иногда теряли ее, но потом снова находили там, где меньше было травы.

Мы шли молча, Вандага впереди, за ним я, а за мною стрелки Ноздрин и Глегола. Вдруг одна из старых елей, стоящих впереди, покачнулась, стала клониться к земле, сначала медленно, а потом быстрее, и с сильным шумом упала поперек тропы.

Наш провожатый остановился, как вкопанный, затем медленно повернулся ко мне и тоном, не допускающим возражения, сказал:

— Дальше ходи не могу. Дорогу закрывай!

Напрасно мы уговаривали его сообщая. Он стоял на своем и приводил следующие доводы: первое предостережение было от лишайников, которое никто из нас не понял. Теперь упала ель, которую в таких случаях нельзя ни перерубить, ни обходить. Итти дальше, значит подвергнуться явной опасности. Ноздрин стал над ним подтрунивать. Тогда Вандага рассердился и сказал:

— Ваша сам дорогу смотри, моя надо назад ходи!

Вслед затем он повернулся и быстро пошел по тропе обратно. Задерживать его было бесполезно. Некоторое время между деревьями мелькала его фигура, дальше тропа снижалась за гребень. Через минуту он скрылся в чаще леса.

Обсудив положение, мы решили продолжать наш путь без проводника, но к великой нашей досаде мы совсем потеряли тропу и не могли ее найти вторично. Тогда, чтобы не заблудиться, мы направились к морю, но тут попали в глубокие овраги с очень крутыми склонами. Один раз Глегола чуть было не сорвался. К счастью, он во-время ухватился за корни старой ели. Значит, надо было держаться от берега в таком расстоянии, чтобы резать овраги в самых их верховьях, но так как они были разной величины, то на обход их тратилось много времени. В довершение несчастья мы попали в такой бурелом, из которого еле-еле выбрались, сделав значительный крюк назад. Взвесив все за и против, мы решили тогда итти прямо к морю и продолжать путь по намывной полосе прибоа.

Когда мы вышли на берег, солнце было совсем уже низко над горизонтом. Температура воздуха быстро понижалась. Почему-то нам казалось, что река Нельма нахо-

дится за мысом, который имел вид человеческой головы в профиль, погрузившейся в воду до самого рта.

Мы передохнули немного, затем надели свои котомки и пошли по самому берегу, имея с правой стороны скалистые обрывы высотой до 300 и 400 метров и слева море.

Намывная полоса прибоя была завалена каменными глыбами величиной с человеческий рост. Я полагал, что эти груды камней занимают небольшое пространство и за следующей кулисой мы вновь выйдем на морскую гальку.

Через час мы дошли до мыса Омодуони. Надежда, что за ним мы увидим наш бивак, придавала энергию. Еще сотни две шагов, и мы взобрались на скалу. Впереди был все тот же пустынный берег, те же камни, а дальше — еще какой-то высокий мыс.

Между тем стало смеркаться. Пора было остановиться на ночлег. Но где? Для бивака нужны дрова и пресная вода, но здесь, среди камней, ни того ни другого не было. Летом, в теплую погоду, можно как-нибудь скоротать ночь и без огня, но теперь, поздней осенью, когда к утру вода покрывается льдом, без теплой одежды и с мокрыми ногами это было опасно. Обыкновенно на берегу моря вблизи рек всегда можно найти сухой плавник, но здесь, как на грех, не было дров вовсе, одни только голые камни.

Мои спутники стали уставать, и я сам чувствовал себя очень утомленным. Мы пробовали садиться, но холод и сырость вынуждали нас итти дальше.

Через час мы добрались до второй кулисы. За ней были опять скалы, все тот же едва заметный изгиб берега и все та же пустынная полоса прибоя, заваленная камнями.

Недалеко от берега на большом плоском камне сидело несколько гагар. Птицы собрались на ночлег, но, услышав людские голоса, повернули головы в нашу сторону. Теперь они плохо видели и потому еще более насторожились. Наконец одна гагара не выдержала. Тяжело взмахнув крыльями, она поднялась в воздух. Тотчас вслед за нею снялись все остальные птицы и низко над водой полетели к тому мысу, который остался у нас позади.

Чем больше сгущались сумерки, тем труднее становилось итти. В темноте невозможно было отличить ребро камня от щели. Мы все чаще оступались и падали.

Береговые обрывы, лишённые растительности, быстро

излучали теплоту. Стоячая вода в лужах покрылась тонким слоем льда, мокрые водоросли замерзли и начали хрустеть под ногами. К ночи море совершенно успокоилось. Ни малейшего волнения, ни малейшего всплеска у берега. Мертвящая тишина вместе с мраком неслышными волнами обволакивала землю. Незаметно ночь вступила в свои права. Земля и море погрузились в глубокий мрак, так что в нескольких шагах нельзя было увидеть рядом идущего человека. Яркие звезды мерцали на небе всеми цветами радуги, а мы все еще карабкались через камни, ощупывали их руками, куда-то лезли, падали, теряли друг друга и после невероятных усилий взобрались наконец на высокий мыс.

Но здесь непропуск совершенно преградил нам дорогу. Пусть читатель представит себе теснину, ограниченную с одной стороны морем, а спереди и с другой стороны — высокими отвесными скалами.

Что делать? Я собрал маленький совет. Нам предстояло решить вопрос: возвращаться ли назад к Сахарной голове или попытаться обойти непропуск вброд по воде и потом продолжать свой маршрут дальше.

У всех нас болели ноги, руки были покрыты ссадинами, колени побиты. А что, если по ту сторону мыса мы опять не найдем дров, если до бивака еще далеко, если нам всю ночь придется карабкаться через камни? Да мы не выдержим! Усталость возьмет свое, тогда можно жестоко прозябнуть и опасно заболеть. Незвестность того, что находится по ту сторону непропуска, и надежда на счастье решили в пользу последнего предположения. Мы решили идти на риск и стали раздеваться. Чтобы сохранить одежду сухою, мы привязали ее на плечи позади головы.

Прибрежные камни слегка обледенели. В темноте не видно, насколько было глубоко. С опаской я вошел в воду по колено. Кости заныли от холода и боли. Придерживаясь за выступы скал, медленно и осторожно я подвигался вперед, за мною шел Ноздрин, а за ним Глегола.

У подножья непропуска на дне были такие же большие камни и с такими же острыми ребрами, такие же щели и провалы, как и на берегу. Темная, как чернила, вода казалась страшною. В одном месте была глубокая выбоина. Нам удалось обойти ее после долгого ощупывания дна ногами. По мере того, как мы подвигались вперед, стано-

вилось глубже. Вот вода уже поднялась выше пояса. Еще шагов десять, и непропуск обойден. Впереди в темноте виднелись два больших камня, как бы положенных один на другой, дальше — острый кекур, а за ним — плоский берег.

Вдруг один из камней, верхний, шевельнулся и с сильным шумом рухнул в воду.

От него пошла большая волна, которая окатила меня с головой и промочила одежду. Это оказался огромный сивуч (морской лев). Он спал на камне, но, разбуженный приближением людей, бросился в воду. В это время я почувствовал под ногами ровное дно и быстро пошел к берегу. Тело горело, но мокрая одежда смерзлась в комок и не расправлялась. Я дрожал, как в лихорадке, и слышал в темноте, как стрелки шелкали зубами. В это время Ноздрин оступись и упал. Руками он нащупал на земле сухой мелкий плавник.

— Дрова есть, — закричал он радостным голосом, — давайте скорее спички!

Читатель помнит, что я имел при себе спички в засмоленной баночке.

Через несколько минут мы стояли около большого костра и сушили одежды.

В это время Глегола зачем-то отошел в сторону.

— Огонь! — крикнул он из темноты. — Вон наш бивак. Действительно, на юге, недалеко, как маленькая звездочка, мелькал огонек. Судя по расстоянию, на котором мы увидели огонь, до реки Нимми было еще около 5 километров. Поэтому я решил остаться на том месте, где нашли дрова. Здесь море наметало так много плавникового леса, что мы могли его жечь до утра сколько угодно.

Стрелки из одного костра разложили три, а сами поместились посредине между ними. Они то и дело подбрасывали в костры охапки хвороста. Пламя весело прыгало по сухому валежнику и освещало усталые лица людей, одежду, развешанную для просушки, завалы морской травы и в беспорядке нагроможденные камни.

Мои спутники стояли у костров и, отвернувши в сторону свои лица, сушили белье на руках и делились впечатлениями пройденного пути.

Вспомнили мы и выругали Вандагу, покинувшего нас в трудную минуту, досталось и сивучу, вымочившему наши

одежды. Спать было негде. Всю ночь мы просидели у камней и клевали носами до самого рассвета.

Не дожидаясь восхода солнца, мы обулись как следует и пошли дальше.

Заря занималась во мгле. Ночью был крепкий мороз. На поверхности земли все заиндевело. Вода, скопившаяся в трещинах между камней, промерзла насквозь. Берег моря, заваленный камнями, показался еще более пустынным.

Я чувствовал себя еще более разбитым и усталым, чем вчера: кружилась голова, болели ноги, ломило спину. Однако утренний мороз подбадривал нас и заставлял двигаться скорее.

Недалеко от Нимми мы видели одну кабаргу. По чрезвычайно крутому оврагу она спускалась на берег моря. Земля ехала у нее под ногами и дождем сыпалась вниз. Глядя на нее, я невольно подумал, до какой степени животные эти приспособились и не теряют равновесия. И делается это легко, непринужденно, без всякого страха, как будто обрывы и осыпи в горах являются ее родной стихией. Услышав посторонний шум, кабарга остановилась в ожидательной позе, но затем вдруг повернула назад и сильными прыжками стала подниматься назад в гору. Достигнув вершины, она опять остановилась, еще раз посмотрела вниз, два раза крикнула пронзительно и скрылась в лесу. Ноздрин хотел было стрелять, но я остановил его. Правда, у нас не было мяса, но убитую кабаргу пришлось бы нести на себе, а мы сами еле тащили ноги.

К восьми часам утра мы перебрались через последний мыс и подошли к реке Нельме. На другой ее стороне стояла юрта. Из отверстия ее в крыше выходил дым; рядом с юртой на песке лежали опрокинутые вверх дном лодки, а на самом берегу моря догорал костер, очевидно он был разложен специально для нас. Его-то мы и видели ночью. Из юрты вышел человек и направился к реке. В левой руке он держал за жабры большую рыбину, а правой — нож.

Я окликнул его. Человек остановился, посмотрел в нашу сторону, затем бросил рыбу и побежал в юрту. Через минуту из нее вышли два туземца и подали нам лодку.

В юрте было тепло.

Я с наслаждением переоделся, умылся, напился чаю и лег спать. Все невзгоды ночного маршрута, холод, купанье

в морской воде, испугавший нас сивуч — все это осталось теперь только в воспоминаниях.

Ночью небо заволочло тучами и пошел сильный дождь, а к утру ударил мороз. Вода, выпавшая на землю, тотчас замерзла. Плавник и камни на берегу моря, трава на лугах и сухая листва в лесу — все покрылось ледяною корою. Люди сбились в юрту и грелись у огня. Ветер был неровный, порывистый. Он срывал корье с крыши и завевал дым обратно в помещение. У меня и моих спутников разболелись глаза.

К утру дождь перестал. Тяжелая завеса туч разорвалась. Живительные солнечные лучи осветили обледенелую землю. Людям надоело сидеть в дымной юрте, все вышли наружу и стали шумно выражать свою радость.

— А та тэ! — закричал один из туземцев, указывая на запад. — Ни бязи доони согды уо имана агдэ би (т. е. в вершинах этой реки в больших горах выпало много снега).

Интересное явление: в то время как кругом небо имело густую синюю окраску, на западе оно было бледнозеленым и точно светилось. Я понял. Там в горах выпал снег. Отраженные от него солнечные лучи освещали небо.

Этот снег на Сихотэ-Алине уже не растает до весны, он будет снижать температуру и захватывать все большее и большее пространство.

На реке Нельме у нас опять вышла дневка. На этот раз виною были лодки. Старенькие и слабые от частого вытаскивания их на камни они разошлись по швам и дали во многих местах течь. С утра туземцы занялись их починкой, а я вместе с Чжан-Бао пошел в экскурсию вверх по реке.

Нельма длиною около 4 километров и принимает в себя три притока с правой стороны и один с левой; ближайшим к морю будет река Ульгодоони. Истоки Нельмы охватываются с одной стороны притоками Самарги, с другой — Ботчи. По правым ее притокам в один день можно дойти до перевалов на реках Чафи, Чжалу и Агза, впадающих в Самарги в 10—25 километрах от моря. Левый приток реки Меу приведет на Ботчи в 30 километрах от моря. На туземных лодках по Нельме можно подниматься на 8 километров. Около устья река разбивается на несколько мелких протоков и образует много заводей и слепых рукавов. Бара нет, и вход в реку вполне доступен: течение тихое и спокойное. Острова между протоками поросли бере-

зой, ольхою и лиственницей. На одном из них каким-то шаманом поставлено фигурное дерево (Тун). И ствол и сучья его были украшены резьбою. Туземцы ни за что не хотели туда идти. После длительных уговоров они высадили на остров нас обоих, а сами отошли к противоположному берегу, заявив, что подадут лодки снова, когда будет нужно.

Пробираясь через заросли, Чжан-Бао спугнул сову; она вылетела из-под самых его ног, села на фигурное дерево и издала резкий крик. Чжан-Бао остановился и посмотрел на меня с таким видом, как-будто говорил: вот так неприятный сюрприз!

— В чем дело? — спросил я его.

— Е-мао-цза (т. е. ночная кошка), — ответил он с досадой.

В это время сова, услышав наши голоса, испуганно снялась.

— Пу-хоу, пу-хоу (худо, худо), — говорил Чжан-Бао, делая нетерпеливые жесты рукой.

Вслед за тем он повернул назад к реке, сказав, что удачи нам сегодня не будет и поэтому не стоит напрасно тратить время. Я уступил.

На обратном пути я спросил его, почему он так странно назвал сову. На это Чжан-Бао ответил, что птицы делятся так же, как и четвероногие животные, на диких и домашних, наземных и водяных, дневных и ночных, хищных и некроважных, причем каждому четвероногому соответствует птица. Например, собаке — ворона, кошке — сова. Сова имеет такую же голову, как кошка, так же хорошо видит ночью, летает бесшумно, как бесшумно ходит кошка, ловит мышей и крик ее похож на кошачье мяуканье. Сова — плохая птица: встреча с ней всегда предвещает ссору, вражду.

Так, рассуждая, мы незаметно подошли к реке. У другого ее берега в лодке сидели удэхейцы. Чжан-Бао окликнул их. Они тотчас подали улимагду. Через десять минут мы были на биваке.

На следующий день мы расстались с рекой Нельмой. Холодный западный ветер, дувший всю ночь с материка в море, не прекратился. Он налетал порывами, срывая с гребней волн воду, и сеял ею, как дождем. Из опасения, что ветром может унести наши лодки в открытое море,

удэхейцы старались держаться под защитой береговых обрывов. Около устьев горных речек, там, где скалистый берег прерывался, ветер дул с еще большею силой, и нам стоило многих трудов пройти от одного края долины до другого.

Пока речки были маленькие, мы плыли довольно благополучно, но когда достигли реки Сонье, это стало небезопасно. Два раза мы пытались пройти мимо ее устья и дважды вынуждены были возвращаться назад под прикрытие скалистого берега, состоящего из андезита.

Левый край реки Сонье крутой, правый — пологий. Однообразно желтый ковер кислых трав и тощие одинокие лиственницы свидетельствуют о заболоченности почвы.

Здесь, около устья реки, мы просидели до полудня. Наконец нам показалось, что ветер немного стих. Последнее время мы тащились крайне медленно, перспектива дневать на реке Сонье не улыбалась никому, и мы решили в третий раз попытать счастья.

Едва наши лодки вышли из-за своего укрытия, как сильным порывом ветра их накренило на один бок. Вода, вздымаемая при гребле веслами, как душем обдавала людей с ног до головы. Скоро я заметил, что мы не столько плывем вдоль берега, сколько удаляемся от него. Мои спутники поняли, что если нам не удастся пересилить ветер, то мы погибли. Никто не сидел сложа руки, все гребли: кто лопатой, кто доской, кто сломанным веслом и всем, что попало в руки. Так продержались мы два часа. Наконец люди стали уставать. Меньше всех растерялся наш удэхеец-проводник.

— Оды би, наму то ая! (т. е. ветер есть, но море тихое), — сказал он.

Его спокойствие передалось нам. Туземец указал рукой сначала на восток, а потом на мыс Туманный. Действительно, лодка перестала удаляться в море и двигалась теперь вдоль берега, хотя и в значительном от него расстоянии.

Причина этого явления скоро разъяснилась. Ветер, пробегающий по долине реки Сонье, сжатый с боков горами, дул с большой силой. В эту струю и попали наши лодки. Но как только мы отошли от берега в море, где больше было простора, ветер подул спокойнее и ровнее. Это заметили удэхейцы, но умышленно ничего не сказали

стрелкам и казакам, чтобы они гребли энергичнее и чтобы нас не снесло далеко в море.

Мало-по-малу лодки начали приближаться к берегу и через полчаса подошли к мысу, представляющему собой прекрасные образцы столбчатого распада базальтов.

В Уссурийском крае самые большие обнажения можно наблюдать на берегу моря. Здесь прибрежные горные хребты часто отмыты вдоль оси, а отроги поперек их простирающий и раскрывают перед наблюдателем тайны своего строения. У Безымянного базальтового мыса трое береговых ворот. Самые большие из них южные. Они стоят не в воде, а на намывной полосе прибоя. Раньше это был мыс, прорезанный вдоль жилы из весьма плотной изверженной породы. Со временем туфы с обеих сторон жилы обрушились, а сама она осталась. Потом в наиболее слабом ее месте волнением пробил брешь, произошел внутренний обвал, и образовались ворота. Впоследствии море к подножью их наметало песок и гальку, и ворота очутились в стороне от воды.

Дальше опять тянутся базальты. Около реки Ниме они видны в двух ярусах. Их столбчатая отдельность распространяется и на средний пласт, состоящий из песчаника.

Я хотел было итти до самого вечера, но наши проводники сказали, что здесь надо ночевать непременно, потому что дальше два больших мыса далеко выдвигаются в море и на протяжении 30 километров приставать негде, и ночь застанет нас раньше, чем мы успеем дойти до реки Адими.

Доводы их были убедительны, я не стал противоречить и велел направить лодки к устью реки Ниме.

Войдя в реку, мы пристали к правому ее берегу и тотчас принялись устраивать бивак в лесу, состоящем из ели, пихты, березы и лиственницы. Время года было позднее. Вода в лужах покрылась льдом, трава и опавшая с деревьев листва, смоченные дождем, замерзли, и мох хрустел под ногами. Натаскали много дров и развели большой костер.

Наши туземцы долго ходили по берегу реки и часто нагибались к земле. Спустя некоторое время они пришли на бивак и сообщили, что на Ниме есть удэхейцы и среди них одна женщина. Несмотря на позднее время, они решили итти на розыски своих земляков. Я не стал их задерживать и просил только завтра притти пораньше.

Туземцы ушли, а мы принялись устраиваться на ночь. Односкатная палатка была хорошо поставлена, дым от костров ветер относил в сторону, мягкое ложе из сухой травы, кусок холодного мяса, черные сухари и кружка горячего чая заменили нам самую комфортабельную гостиницу и самый изысканный ужин в лучшем городском ресторане.

После чая я оделся потеплее и вышел на берег моря.

Приближались сумерки, на западе пылала вечерняя заря. К югу от реки Ниме огромною массою поднимался из воды высокий мыс Туманный. Вся природа безмолствовала. Муаровая поверхность моря, испещренная матовыми и гладкими полосами, казалась совершенно спокойной, и только слабые всплески у берега говорили о том, что оно дышит.

В это время я заметил Чжан-Бао. Он шел по окраине леса и, видимо, направлялся на бивак. Я окликнул его и предложил ему подняться со мной на одну из возвышенностей, образующих непропуск на берегу моря. Через несколько минут мы взобрались с ним на вершину ближайшей сопки. По одну сторону ее была река Ниме: там виднелась палатка, двигались люди, горел огонь; по другую — небольшая сухая бухточка. В ней намывная полоса прибоя шла прямо, а береговые обрывы описывали полукруг. У самой воды я заметил какой-то темный предмет, который принял сперва за обгорелый пенек.

Черный предмет шевельнулся, и я тотчас узнал в нем медведя. Он стоял на задних лапах, а передними делал какие-то странные движения и качал головой. Потом он сел на камень и стал смотреть в море. В движениях зверя было так много человеческого, что я невольно попросил Чжан-Бао не стрелять в него. Медведь, повидимому, услышал мой голос и стремглав бросился наутек. Раза два он останавливался, оглядывался и бежал дальше. Вскоре он скрылся в расщелине между скал. Глядя на медведя, я понял, почему многие туземные народности Сибири очеловечивают его и почему он фигурирует у них в сказках. Эти мысли я высказал своему спутнику. На это Чжан-Бао ответил мне, что не один медведь, а всякое животное хочет сделаться человеком. Некоторым это удастся: так, есть люди, в которых можно узнать обезьяну, в других лису, черепаху, какую-нибудь птицу или паука. Такие люди при

желании могут принимать свой первоначальный вид и затем опять делаться человеком. Чаще всего они видят себя во сне в зверином образе. Подражание людям у некоторых животных столь велико, что они устраивают себе жилища, мягкие ложа для спанья и делают запасы продовольствия на зиму.

Когда мы пришли на бивак, уже смеркалось совсем. Наши орочи еще не возвращались: повидимому, они нашли своих земляков и остались у них ночевать. После ужина, когда стали укладываться на ночь, вдруг из соседних кустов неожиданно вынырнула человеческая фигура, за ней другая, третья и четвертая... Это были туземцы, совершенно нам не знакомые.

Пришедшие молча подошли к огню и сели на корточки, потом достали свои трубки и стали курить.

Я предложил вновь пришедшим чаю и сухарей. Минут через десять вернулись наши проводники и с ними женщина.

— Сородэ! Сородэ! — стали они приветствовать друг друга.

Оказалось, что удэхейцы разошлись. Услышав звуки топоров и увидев зарево огня на берегу моря, местные туземцы пошли на разведку. Подойдя почти вплотную к нам, они стали наблюдать. Убедившись, что они имеют дело с людьми, которые их не обидят, удэхейцы вышли из засады. Вскоре явились и наши провожатые. Они нашли юрту и в ней одну женщину. Узнав, что мужчины отправились на разведку, они позвали ее с собой и пошли прямо на бивак.

Крылов встал и подбросил дров в огонь. Теперь я мог хорошо рассмотреть наших новых знакомых.

Все четверо были братья одной и той же семьи из рода каза: Ландыка, Янгуй, Венза и Неодыга, женщину звали Кимони. Она была женой старшего из них — Ландыка.

Удэхейцы сказали мне, что они живут по другую сторону Туманного мыса, на реке Самарги, и сюда пришли только на охоту. Пока варился чай для гостей, наши проводники успели объяснить туземцам, кто мы, куда едем и какая от туземцев требуется помощь.

Решено было, что дальше с нами пойдет один только Янгуй, а остальные три брата останутся на реке Ниме, чтобы готовиться к соболеванию.

На ночь разложили большой костер. Нагретый воздух быстро поднимался кверху и опаливал сухую листву на деревьях. Она вспыхивала и падала на землю в той стороне, куда относил ее легкий ветерок.

— Наша так нету, — говорили удэхейцы. — Наша маленький огонь клади. Ночью спи — огонь не надо.

Действительно, туземцы никогда больших костров не раскладывают и, как бы ни зябли, никогда ночью не встают, не поправляют огня и не подбрасывают дров. Так многие спят и зимою.

На ночь удэхейцы устроились в стороне от нас. Они утоптали мох ногами и легли без подстилки, где кому казалось удобнее, прикрывшись только своими халатами.

Было еще темно, когда туземцы начали будить моих разоспавшихся спутников.

Густой туман неподвижно лежал на земле. Ни малейшего движения в воздухе. Дым от костра поднимался спокойно кверху. Море было тихое, как пруд.

Пока разбирали вещи на биваке, Чжан-Бао успел согреть воду в чайнике и захватил ее с собою в лодку.

После реки Ниме берег тремя высокими мысами — Туманным, Суфрен и Золотни — значительно выдвигается вперед. Вся эта часть побережья оголена от леса пожарами. Серые стволы деревьев, лишенные ветвей, поваленный ветром сухостой и обгорелые пни придают местности чрезвычайно унылый вид.

Мы плыли вдоль берега и иногда, опустив весла в воду, отдыхали, любуясь чудной горной панорамой. Вот скалистая сопка, похожая на голову великана, украшенную мохнатой шапкой, дальше каменная баба, как бы оглядывающаяся назад, а за ней из воды торчала верхняя часть головы какого-то животного с большими ушами. Когда мы подъезжали к ним вплотную, иллюзия пропадала: великан, зверь и каменная баба превращались в обыкновенные кукуры и совершенно не были похожи на то, чем казались издали.

Во многих местах береговые обрывы были разрушены деятельностью пресной воды, стекающей сверху. Другие факторы, как-то: ветры, разность температур днем и ночью, летом и зимою, морские брызги и пр., играют второстепенную роль. В дождливое время года здесь происходят большие обвалы, изменяющие физиономию берега до неузна-

ваемости. Сопровождавшие нас туземцы не узнавали многих мест. Там, где раньше была одинокая скала, лежала груда обломков, где был высокий отвесный берег, образовалась расщелина. Вода промыла в ней глубокое ложе и вынесла на намывную полосу прибоя груды щебня. И все это произошло в какие-нибудь десять-двенадцать лет.

Удэхейцы объяснили это по-своему. Здесь был Какзаму. Он разбил каменного человека (Куда-ни) и разрушил берег.

Весь день погода была пасмурная. Густой туман наподобие тяжелой скатерти повис над морем и закрывал вершины гор. Наиболее сильная конденсация пара происходит около мыса Туманного, отчего он и получил свое название. Мыс Золотой гораздо ниже его и состоит из эпидотизированного порфирита, который под влиянием атмосферных явлений принимает желтую окраску. Осенью вершина мыса покрывается блестящей золотисто-желтой травой. Вероятно, оба эти обстоятельства и дали повод окрестить его таким поэтическим названием.

Мыс Суфрен со стороны моря имеет вид конусообразной башни, прорезанной наискось какой-то цветистой жилой. Море пробило в ней береговые ворота, к которым на лодке из-за множества подводных камней подойти трудно.

За этим мысом берег делает крутой изгиб на запад. Отсюда открывается вид на низменный продольный берег, идущий на протяжении 30 километров к юго-юго-западу и вдали оканчивающийся мысом Гиляк.

В углу, где скалистые обрывы мыса Суфрен соприкасаются с низменным берегом, впадает небольшая речка Адими. Пройдя от реки Адими еще 2 километра, встали биваком на широкой косе, отделяющей длинную Самаргинскую заводь от моря.

До сумерек было еще часа два. Я воспользовался этим временем и, пока мои спутники устраивались на бивак, поднялся на ближайшую возвышенность. Сверху мне хорошо был виден весь берег на значительное протяжение. Между морем и горным хребтом Саркатуем располагается широкая и низменная полоса земли. Здесь суша сделала захват у моря. Продукты разрушения гор, выносимых реками Самарги и Единой, а также и другими мелкими речками, отлагались между мысами Суфрен и Гиляк, составляющими оконечность хребта Камуран. Море тоже принимало уча-

стие в образовании этой полосы земли. В течение многих веков оно наметывало вал за валом и выравнивало берег. Первые валы давно уже заросли лесом, но чем ближе к морю, тем растительность была моложе. Последний вал еще не успел зарости травой. По одну сторону его было море, по другую — заводь в виде длинных озерков, слепых рукавов с пресной водой.

На прибрежной растительности сказалось губительное влияние моря. Деформированные и обезображенные деревья, преимущественно лиственницы, имели ветви загнутыми в одну сторону. Это были своего рода флюгеры, указывающие преобладающее направление ветра. Некоторые из них производили впечатление однобокой метелки с мелкими ветками, растущими густыми пучками, образующими по опушкам непроницаемую чашу. На склонах, обращенных к солнцу, произрастал дуб — нечто среднее между кустом и деревом. Одевание его, пораженное листоверкой, пожелтело, засохло, но еще плотно держалось на ветвях. Когда-то дуб был вечно зеленым деревом, и потому листва его опадает не от холодов, а весной, когда надо уступить место новому наряду.

Среди полесья я заметил багульник. Он рос здесь слабо, листья его были мелкие и запах так силен, как в других местах, вдали от моря. По берегу виднелись кусты шиповника, но уже лишенные листвы. Не менее интересной является рябина: это даже не куст, а просто прутик, вышиною не более метра с двумя-тремя веточками и безвкусными, водянистыми, хотя и крупными плодами.

Днем мне удалось подстрелить трех птиц: китайскую малую крачку в осеннем наряде с желтым клювом и светлосерыми ногами, потом сибирскую темноголовую чайку белого цвета с сизой мантией на спине (у нее были оранжевые ноги, красный клюв и темносиние глаза) и наконец савку-морянку. Она уже оделась по-зимнему в пепельносерые тона, за исключением головы и шеи, украшенных снежнобелыми перьями. Перелетных птиц было мало. Главная масса их направляется по долине реки Уссури. Здесь же, вдоль берега моря, изредка пролетают только казарки и небольшими стайками чирки. Последние держатся по речкам до поздних заморозков.

Возвращаясь на бивак по намывной полосе прибоя, я обратил внимание на органические остатки, валявшиеся

среди песка и гальки. Это были морские звезды, ракообразные створки съедобного ракушника и кости панцирных рыб.

На следующий день, 28 октября, мы достигли устья реки Самарги. Погода попрежнему была пасмурная. Дважды принимался идти дождь редкими крупными каплями. До сих пор спокойное море начало волноваться. Опасаясь, что прибой при устье Самарги не позволит нам войти в реку, мы перетащили лодки через косу и продолжали наш путь по заводям реки Самарги. Последние дни плавание вдоль берега моря всех очень утомило, и потому, когда мы увидели туземную юрту на берегу одной из самаргинских проток, все единодушно решили в ней заночевать. Здесь я узнал, что вверх по реке в 5 километрах от моря есть деревянный домик, который называется фанзой Кивета. Выстроил его удэхеец Дондibu, но почему-то не хочет жить в нем и даже в ненастные дни проходит мимо. Я тотчас решил сделать его своей штаб-квартирой.

Вечером с юга надвинулся шторм и море разбушевалось. Я думал о грузе экспедиции. Пароход, на котором Т. А. Николаев вез грузы экспедиции, вследствие непогоды не мог выгрузить их на Самарги и оставил где-то около реки Кузнецовой. Там были: наша зимняя палатка, теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. Доставить их сюда вызвались Янгуи и Тимофей Косяков. Они решили не откладывать это дело в долгий ящик и ехать на другой же день, если позволят погода и волнение в море, а я со своими спутниками должен был пешком отправиться к фанзе Кивета.

На другой день утро было ясное, морозное. Все заиндевело, вода в лужах покрылась льдом, по синему небу бежали обрывки туч. Западный ветер принес стужу. Проводить нас до фанзы Кивета вызвался удэхеец Венди.

Самаргинская коса представляет собой два, а местами три береговых вала из окатанной гальки и песку, наметанных морским прибоем. Сверху она заросла грубой осокой с некоторой примесью тростника и морского горошка. Вдоль по косе была протоптана еле заметная тропинка, которой мы и не замедлили воспользоваться.

Был один из тех приятно прохладных дней, которыми отличается осень в Зауссурийском крае. Светлое, но не жаркое солнце, ясное голубое небо, полупрозрачная сине-

ватая мгла в горах, запах моря и паутины, затканной по буро-желтой траве,— все говорило за то, что уже кончилось лето и приближаются холода, от которых должна будет замерзнуть вода в реках и заоченеть деревья.

После вчерашней бури море еще не успокоилось. Большие волны с неумолимой настойчивостью одна за другой двигались к берегу, стройно, бесшумно, словно на приступ, но, достигнув мелководья, вдруг приходили в ярость, вздымались на дыбы и с ревом обрушивались на намывную полосу прибоя, заливая ее белой пеной. Вода тотчас отбегала назад; но новые волны встречали ее и увлекали обратно на берег. С шипением она взбегала еще дальше, чем в первый раз, и, достигнув каймы из буро-зеленых водорослей и мелких древесных обломков, свежесброшенных прибоем раковин, просачивалась сквозь песок, словно впергонки, а на ее место набегали новые пенные языки.

В воздухе пахло гарью. Вегетационный период кончился, и чем больше расцвечивались лиственные деревья в яркие осенние тона, тем резче на фоне их выступали ель и пихта своей темнозеленой хвоей. Лес начинал сквозить и все больше и больше осыпал листву на землю.

Мы шли гуськом друг за другом.

Справа и слева была вода, а посредине, где мы шли, узкая коса в 30—40 метров шириною, заросшая грубой и жесткой осокой.

Когда мы дошли до того места, где заводь дважды прерывается узкими перешейками, Чжан-Бао с собакой отделился от нас и переправился на другую сторону протоки. Он хотел поохотиться на уток, которые держались ближе к лесу. Около последнего озера, немного не доходя до реки Адими, кончалась коса и местность становилась возвышенной, густо поросшей различными кустарниками и польнью. Как раз здесь шел пал. Огнем охватило широкую полосу сухой растительности. Желтовато-белый дым клубами поднимался вверх и относился ветром в море на юго-восток. Пал шел нам навстречу и быстро приближался к косе. Нас это мало беспокоило; справа была намывная полоса прибоя, лишенная растительности, которая, правда, дальше суживалась до 3—4 метров и потому покрывалась водой каждый раз, когда волна набегала на берег, но все же здесь можно было обойти огонь стороною. Скоро стало ясно, что пал выйдет на косу раньше, чем мы пройдем ее.

Уже видно было, как огни перебегали с одного места на другое и как по воздуху в клубах дыма летела горящая сухая трава. Вероятно, можно было слышать и треск горящих сучьев, в особенности в тех случаях, когда пал добирался до сухого куста, опутанного ползучими растениями, но шум морского прибоя заглушал все другие звуки.

В это время Снамука заметил впереди лису. Она уходила от нас по тропе и, видимо, торопилась добраться до материка, пока еще огонь не вышел из косы. Однако расчет ее не оправдался. Тут были особенно густые травянистые заросли. Как только дал достиг их, сразу взвилось длинное пламя. Вместе с жаром кверху взлетела горящая ветошь, которую забросило в нашу сторону, и тотчас зажгло траву на косе сразу в нескольких местах. Путь лисе был отрезан. Тогда она бросилась к морю в надежде обойти пал по намывной полосе прибоя, но здесь уже стоял удехец Дюлльюнга. Словно сговорившись, мы втроем рассыпались в цепь по всей ширине косы. Заметив наш маневр, лисица побежала влево к озерку с намерением переплыть на другую его сторону, но в это время к берегу подошел Чжан-Бао с собакой. Последняя, увидев лису, бросилась в воду и поплыла к ней навстречу. Таким образом лисица оказалась окруженной со всех четырех сторон. Тогда она вновь вышла на косу. Теперь перед ней была дилемма: или она должна была бежать через огонь и опалить свой пушистый мех или броситься навстречу охотникам с малым числом шансов уцелеть под обстрелом из трех ружей. Лиса стала метаться, потом вдруг решила: она быстро погрузилась в воду так, что оставила на поверхности ее только нос, глаза и уши. Собака была от нее уже в нескольких шагах. Тогда, нимало не медля, лиса вылезла вновь на косу и, не отряхиваясь, бросилась к палу, где огонь был слабее. Выбрав момент, она прыгнула через пламя. Я хорошо видел ее, потому что по ту сторону начинался подъем, лишенный растительности. Отбежав от пала шагов двадцать, лиса встряхнулась, оглянулась в нашу сторону и, увидев, что собака выходит из воды на берег, пустилась наутек. Еще мгновение, и она скрылась в чаще леса.

Глава VII

ПО РЕКЕ САМАРГИ

Река Самарги около устья разбивается на несколько проток. Острова между ними заросли ольхой и тальником. С правой стороны ее расстилается обширное пространство с хорошей плодородной землей, весьма удобной для земледелия. Сначала идут великолепные луга, ближе к горам видны рощи из вяза, клена, липы, березы и тополя. Река придерживается левой стороны долины. Там, где она подходит к правому ее краю, около устья горного ручья Кынгато, на возвышенном месте стояла фанза Кивета. Это было деревянное здание с полом и потолком, с одними дверями, открывающимися на улицу, с двумя окнами, из которых одно смотрело на реку, а другое — в лес. Против дверей была глухая стена с широкими нарами. Здание отапливалось железной печкой, поставленной в левом углу около дверей. Я нарочно так подробно описал фанзу Кивета потому, что здесь нам пришлось прожить довольно долго в ожидании грузов, без которых мы не могли двинуться в путь.

Первые дни я посвятил ознакомлению с ближайшими окрестностями. Прежде всего меня заинтересовал вопрос, откуда получилось такое странное название «Самарги». Китайцы называют реку «Уми-да-гоу» (т. е. Большая долина Уми), удэхейцы — «Дата», что в переводе на русский язык значит «устье» и потому должно быть относимо только к низовьям реки. По Емельянову А. А.¹ река называется Нюнгуй. К сожалению, он не дает толкования этому слову. Оно весьма похоже на Ненгуй («нг» произносится вместе с носовым звуком), что значит «красный волк», которых во-

¹ А. А. Емельянов, Северное побережье Японского моря.

все не водится в этих местах. В русской литературе об этой реке впервые упоминает Бошняк¹, а затем Максимов². Первый называет ее «Самальги», второй «Самальга».

На реке Чоло (около Большого Хингана в Манчжурии) есть ороченский род «Моргын». Название «Са» — собственное родовое имя. Орочи с реки Чоло называют себя «Са-Моргын». Мы знаем случай, когда семья солонов пришла через Сихотэ-Алинь на реку Тахобе, где я и застал их в 1907 году. Могли также и орочи перекочевать сюда из Манчжурии и принести с собой свое родовое название. Но это только предположение. Во всяком случае, происхождение названия Самарги остается загадочным.

На Самарги я застал двух стариков, которые еще помнили о том, как появились русские. Первые сведения о «лоца» пришли от гольдов с Амура. Спустя некоторое время они видели в море корабли, которые без дыма под парусами медленно ходили вдали от берега. Туземцы тихонько наблюдали за ними и не зажигали огней. Потом трое лоца пришли к ним с юга. Двое ехали на лодке, а третий шел пешком, что-то смотрел и рисовал на бумаге. Не был ли это топограф Гроссевиц?

Из среды самаргинских удэгейцев выдвинулся Ингину из рода Камедига. Он был пожизненным «Чжанге», т. е. судьей и старшиною, по всему побережью от Ботчи до реки Амагу. Повидимому, это был умный и авторитетный человек, о котором у туземцев сохранилось много рассказов. Он умер лет сорок тому назад и был похоронен на возвышенном левом берегу реки, немного ниже фанзы Кивета³.

Первые русские скупщики пушнины появились на реке Самарги в 1900 году. Их было три человека. Они прибыли из Хабаровска через Сихотэ-Алинь. Один из них в пути отморозил себе ноги. Двое вернулись назад, а больного оставили в юрте удэгейца Бага. Этот русский болел около двух месяцев и умер. Туземцы были в большом за-

¹ Н. Бошняк, стр. 209.

² С. В. Максимов, На Востоке, 1909 г., том XII, часть 2, стр. 32.

³ В 1912 году вся гробница Ингину с гробом и хорошо сохранившимся трупом (естественная мумификация) со всеми погребальными аксессуарами была мною отправлена в Музей антропологии и этнографии Академии наук.

труднении, как его хоронить и в какой загробный мир отвести его душу, чтобы она не мешала людям. Повидимому, это им удалось, потому что дух погибшего люда не проявил себя ничем.

Мне нужно было привязаться к какому-нибудь астрономическому пункту. Ближайшим к реке Самарги был пункт на мысе Суфрен. Я решил воспользоваться хорошей погодой и в тот же день после обеда отправился туда, чтобы переночевать на месте работ и на другое утро при восходе солнца произвести поправки хронометра. В помощь себе я взял китайца Чжан-Бао и двух туземцев: Вензи и Янгуя из рода Каза. Я плохо рассчитал время и к устью реки Самарги прибыл поздно.

Как-то незаметно прошло лето, и осень властно вступила в свои права. Вся растительность поблекла, и земля покрылась опавшей с деревьев листвой. Осень, победившая лето, теперь сама неохотно уступала место зиме.

Когда мы подходили к реке Адими, солнце только что скрылось за горизонтом. Лесистые горы, мысы, расположенные один за другим, словно кулисы в театре, и величаво спокойный океан озарились розовым сиянием, отраженным от неба. Все как-то изменилось. Точно это был другой мир — угасающий, мир безмолвия и тишины.

Тропа, по которой мы шли, немного не доходя до мыса Суфрен, повернула влево к лесу. Мы оставили ее и направились было прямо к речке Адими.

В это время удэхейцы Вензи и Янгуй вдруг заволновались. Они стали замедлять шаг, жаться друг к другу.

— Что случилось? — обратился я к Янгую.

— Тун, — сказал он и указал рукою на отдельно стоящее сухое дерево.

— Его, все равно чорт! — добавил Вензи испуганным шопотом.

Я хотел было подойти поближе к страшному дереву, но они стали говорить, что место это худое и ходить туда не следует.

Я взглянул на Чжан-Бао. Презрительная улыбка играла на его губах. Он смотрел на туземцев, как на людей, зараженных глупым суеверием.

Я пробовал было настаивать. Тогда Вензи и Янгуй положили на землю свои котомки и заявили, что уйдут назад. Пришлось уступить. Мы вернулись опять на тропу и

пошли к лесу. Здесь через речку было переброшено большое дерево. Порубленные сучья и другие признаки указывали, что и до нас кто-то уже пользовался им как мостом. Вышло не худо. Сначала тропа немного углубилась в чащу, но затем начала забираться вправо и подыматься на мыс Суфрен. Мы воспользовались ею, пока она шла в желательном для нас направлении, а затем оставили тропу и прямо целиной подошли к береговым обрывам, где было небольшое место, свободное от древесной и кустарниковой растительности.

Приближались сумерки. Огненной рекой разливалась заря по горизонту. Точно там, на западе, произошло страшное вулканическое извержение и горела земля. Горы в отдалении стали окрашиваться в фиолетовые тона. Океан погружался в дремотное состояние.

Как только мы устроились на биваке, я пошел побродить по окрестностям. Провожать меня вызвался Чжан-Бао. Мы пошли сначала старой дорогой, а затем, перейдя речку Адими, направились к дереву, которое так напугало удэхейцев. Толстый коренастый ствол его на грудной высоте разделялся на четыре части. Словно ветви гигантского кактуса, они прямо подымались кверху. Мелких сучков не было вовсе. На вершине одной ветви было прикреплено деревянное изображение птицы, на другой—грубое подобие человека, на третьем—какой-то зверь, вроде толстого крокодила, и на четвертом что-то вроде жабы. Все дерево было оголено от коры, и кроме того по стволу, на равном расстоянии друг от друга, до самой вершины правильными кольцевыми вырезами в два сантиметра глубиной была снята древесина, а на комле, как раз там, где главный ствол разделялся на четыре ветви, были еще вырезаны четыре человеческих лица. Немного в стороне валялись чьи-то кости, судя по размерам,—лося, а может быть и медведя.

В это время по воздуху промелькнула какая-то большая тень. Я поднял голову и увидел крупную ночную птицу. Она бесшумно сделала крутой поворот, снизилась к земле и сразу пропала из глаз.

Чжан-бао поспешил к тому месту, где он только что видел эту птицу.

— Ю! (есть) — сказал он.

Я побежал к нему. Чжан-Бао стоял около другого су-

хого дерева, имеющего вид толстого пня с двумя наростами. Верхняя часть ствола его лежала на земле. Я тотчас узнал березу Эрмана.

— Где? — спросил я, думая, что Чжан-Бао поймал птицу.

— Здесь! — отвечал он, положив руку на пень.

Я думал, что коренатый ствол был дуплистым и птица сидела внутри него, но так как я никакого отверстия в нем не обнаружил, то снова спросил:

— Где?

— Здесь! — опять ответил китаец и указал на болезненный нарост сбоку пня.

— Ничего не понимаю, — сказал я своему приятелю.

Он сделал нетерпеливый жест и объяснил мне, что птицу поглотило дерево. Он сам видел, как она мгновенно пропала, едва подлетела к нему вплотную.

После этого я окончательно перестал понимать его и засмеялся. Однако Чжан-Бао настаивал на своем. Он говорил, что некоторые деревья с наплывами обладают способностью поглощать зверей и птиц, если только они сядут на них или просто как-нибудь случайно коснутся боком, лапой или крылом. Пропавших птиц и зверей всегда можно найти внутри в древесине. Мне показалось это тем более забавным, что он, только что относившийся с таким недоверием к предрассудкам удэхейцев, теперь вдруг сам на том же самом месте верил в возможность поглощения ночной птицы сухой старой березой. В ответ на мой смех Чжан-Бао сказал многозначительно:

— Цзунья, мин тэ ни канка (хорошо, завтра сам увидишь).

Минут через двадцать мы снова взбирались на мыс Сюркум. По пути я стал расспрашивать Чжан-Бао о чудесном дереве. Он шел некоторое время молча, но затем стал говорить о том, что китайцы много знают таких вещей, которые неизвестны русским. В тоне его речи слышалась убежденность в своем превосходстве над спутником, которому волею судеб не дано этих знаний.

Я старался дать понять ему, что прислушиваюсь к его поучениям. Игра на психологии удалась.

Чжан-Бао сообщил мне, что такие деревья на земле встречаются крайне редко. Это может быть и живое и сухое дерево, безразлично. Есть опасные деревья, которые

поглощают в себя всех животных и птиц. Иногда они вновь отпускают пернатых на волю, а чаще всего задерживают на всю жизнь. Есть и такие деревья, которые, как фотографический аппарат, отпечатывают под корой всех, кто к ним приближается. Человек никогда не подвергается опасности быть поглощенным, но образ его может быть запечатлен в древесине. По мнению китайца, то дерево, которое мы видели сегодня, принадлежало к категории опасных и называется «Сю-чо-ля».

Тогда я спросил, что он думает относительно шаманского дерева. Чжан-Бао как-то особенно пронзительно плюнул.

— Таза совсем дурак, — сказал он, и в голосе его послышалась презрительная ирония.

Было поздно. Ночной сумрак уже овладел землей. Мы прибавили шаг. Лес начал редеть, тропа сделалась лучше. Наконец впереди показался свет. Это был наш бивак.

После ужина мы опять заговорили о дереве, поглотившем ночную птицу. Вензи и Янгуи еще более укрепились в своем мнении, что всему причиной шаманское дерево и что все это не более, как проделки «злого духа». Я указал им, что с нами ничего худого не случилось. На это у Янгуя опять было по-своему веское возражение. Русские живут в городах и селениях и не бывают в тайге, а поэтому им и не приходится иметь дело с злыми духами, которые сторожат удэхейцев на каждом шагу. Опять ироническая улыбка мелькнула на губах Чжан-Бао.

После ужина все стали устраиваться на ночь, а я взял дневник и сел записывать свои дневные впечатления. Закончив с работой, я встал и по тропе взошел на самый мыс. Величественная картина представилась моим глазам. Поверхность океана была абсолютно спокойной. В зеркальной поверхности воды отражалось небо, усеянное миллионами звезд. Было такое впечатление, будто я нахожусь в центре мироздания, будто солнце удалилось на бесконечно далекое расстояние и затерялось среди бесчисленного множества звезд. Все земные радости и горе показались мне такими мизерными и ничтожными, как предрассудки моих спутников о чудесных деревьях тун около реки Адими. Когда я очнулся от своих грез, было уже поздно, потому что звезды значительно переместились на небе.

В той стороне, где стояло сухое дерево, ухал филин-пугач.

Возвратившись на бивак, я еще раз подбросил дров в огонь и, завернувшись в одеяло, лег около костра и тотчас все покончил глубоким сном.

День чуть только начинал брезжить, когда я разбудил своих разоспавшихся спутников. Пока туземцы грели чай, я с Чжан-Бао приготовили все для наблюдений.

Скопившиеся на востоке туманы как-будто хотели заслонить собою солнце, но, убедившись в бесполезности неравной борьбы, стали быстро таять. Я выждал, когда лучезарное светило немного поднялось по небосклону, и начал инструментом брать абсолютные высоты его над горизонтом.

Эта работа отняла времени не более часа, затем мы собрали свои вещи и пошли по старой дороге. Когда мы поравнялись с шаманским деревом, Чжан-Бао снял котомку и достал из нее топор. Он попросил меня подождать немного и направился туда, где вчера мы видели ночную птицу. При дневном свете оба удэхейца не так боялись «чорта», но все же не подходили к дереву вплотную и держались в стороне. Они сели на землю и принялись курить трубки, а я пошел посмотреть, что будет делать китаец. Чжан-Бао разыскал березовый пень и принялся рубить один из его наростов. Работал он хорошо, как столяр: топор в руках его мог заменить наструг. Когда он срубил выпуклую часть нароста, он стал его стесывать начисто. Время от времени, нагибаясь к пню, внимательно рассматривал место порубки, часто повторяя одно и то же восклицание: «Ай-яха...»

Затем он обратился ко мне со словами: «Ни канка гэ иоу-цзы» (т. е. посмотри, вот ночная птица). Я наклонился к пню и в разрезе древесины увидел такое расположение слоев ее, что при некоторой фантазии, действительно, можно было усмотреть рисунок, напоминающий филина или сову. Рядом с ним был другой, тоже изображавший птицу поменьше, потом похожий на жука и даже на лягушку. По словам китайца, все это были живые существа, поглощенные деревом для того, чтобы больше в живом виде никогда не появляться на земле. Я пожалел, что со мной не было фотографического аппарата, и хотел было зарисовать странные фигуры древесины, но у меня ничего не вышло.

Чжан-Бао полагая, что убедил меня, отошел от дерева с выражением удовлетворения на лице.

Всю остальную дорогу мы шли молча и вскоре после полудня прибыли в фанзу Кивета.

Ожидание грузов с реки Кузнецовой отняло много времени. Чтобы сократить его, я предпринимал экскурсии в окрестностях нашей штабквартиры.

Во время этих прогулок я имел возможность наблюдать, как замерзает река. 20 октября появилась первая шуга. Сибиряки называют ее «салом». Это маленькие, тонкие, плывущие по воде кусочки льда. Они увеличивались в количестве и в размерах. 28-го числа шуга пошла особенно густо. С 4 до 10 ноября стояла холодная и ветренная погода. В это время на перекатах стал образовываться донный лед. Как объяснить его появление? Вероятно, в образовании его принимает участие холодный воздух, захватываемый пенящейся водою. Может быть, это была также шуга, застрявшая между камнями. Первоначально смерзшиеся ледяные кристаллики были рыхлые и без труда отделялись от дна палкой, но потом они сделались тверже. В течение недели на перекатах они так возросли, что образовались настоящие ледяные пороги с водопадами. Мало-помалу донный лед стал распространяться от порогов вниз по течению на более глубокие места. Когда его накопилось много, он начал всплывать и поднимать со дна камни разной величины.

Около половины ноября на Самарги начался ледостав. Пловучий лед в массе стал собираться на поворотах реки и образовал торосовые пробки. Лед ломало и грудями нагромождало на берег. Тогда вода пошла по сухим протокам и затопила все низменные острова. Такие протоки в зимнее время значительно облегчают путешествие, позволяя сокращать путь. К 20 ноября Самарги встала на протяжении 25 километров от устья, но выше она была еще свободна ото льда, если не считать заберегов, которые то узкими, то широкими карнизами окаймляли ее с обеих сторон.

При ледоставе вода долго стояла высоко и затем покрылась ледяною корою. Потом уровень ее стал понижаться; тогда лед осел посредине реки, а у берегов выгнулся и местами обломился, образовав значительные пустоты.

Мы как-то шли вдвоем с Чжан-Бао по берегу реки и о чем-то разговаривали. Вдруг он остановился и сказал:

— Яза! (т. е. утки).

— Где? — спросил я его удивленно.

— погоди, слушай, — сказал он.

Через минуту-две я, действительно, услышал такие звуки, какие производят утки, когда ищут в воде добычу.

— Вот диво! — сказал я вслух. — Утки в декабре месяце, когда все лужи промерзли насквозь. Да где же они?

— Здесь! — отвечал Чжан-Бао, указывая на лед.

Мы принялись искать птиц. Чжан-Бао ложился на лед и по звукам старался определить их местонахождение.

В одном месте была большая дыра во льду. Между нижней ее кромкой и уровнем воды в реке оказалось расстояние около метра. Я подошел к отверстию и увидел двух чирков, мирно проплывших мимо меня. Один из них все что-то искал в воде, а другой задержался рядом, встряхивал хвостиком и издавал звуки, похожие не то на писк, не то на крик.

Это было любопытное явление. Значит, не все утки улетают осенью, значит часть их остается зимовать. В пустотах подо льдом они защищены от холодов и, повидимому, находят себе достаточно пищи.

Около фанзы Кивета была установлена наша походная метеорологическая будка с инструментами и довольно высокая мачта с длинным вымпелом, который позволял судить о направлении ветра, силе его и направлении движения облаков. Наблюдателем был Вихров. 4 декабря рано утром он вышел из фанзы с записной книжкой в руках, но тотчас вернулся и сообщил, что на небе появились какие-то яркие цвета. Я оделся тоже и поспешил на улицу. Был полный штиль. Термометр показывал 26°С при барометрическом давлении 750 миллиметров. На небе было два слоя облаков. Нижние лежали большими редкими массами, верхние — тонкие перистые. Когда солнце поднялось над горизонтом градусов на десять, верхние облака приняли чрезвычайно красивую окраску. Края их, обращенные к солнцу, были точно вылиты из расплавленного металла. За ними располагались цвета: бирюзовый, золотисто-желтый, пурпуровый и фиолетовый. Одновременно нижние облака окрасились в оранжевый цвет и стали похожими на дым, освещенный заревом пожара. Явление было не дли-

тельным. Оно быстро исчезло, вслед затем началось падение барометра. На небе появились тучи, и к вечеру пошел снег.

Два дня я просидел за приведением в порядок своих записей. На третий день я окончил свою работу, закрыл тетрадь и вышел из дому, чтобы немного пройтись по реке до переката.

Около метеорологической будки я увидел стрелка Глеголу. Он стоял нагнувшись и надевал ошейник на Хычу, самую крупную из наших собак; за спиной у него была заброшена винтовка.

— Ты куда? — спросил я его.

— Хочу на охоту сходить, — ответил он, стягивая ремень потуже.

— Пойдем вместе, — сказал я ему и стал спускаться к реке.

Глегола был один из тех людей, которым, как говорят, не везет на охоте. Целыми днями он бродил по лесу и всегда возвращался назад с пустыми руками. Товарищи подсмеивались над ним и в шутку называли «горе-охотником».

— Ну, что, видел зверя? — обыкновенно спрашивали они его, когда он голодный и усталый возвращался ни с чем домой.

— Плохо! — говорил Глегола. — Ничего не видел.

— Уж где тебе добыть зайца, ты хоть тигра убей, и то ладно будет, — иронизировали стрелки.

Но Глегола был человек тихий, терпеливый и не обижался на шутки своих товарищей.

— Завтра опять пойду, — говорил он им в ответ, смазывая свою винтовку, на которую возлагал большие надежды.

Итак, я пошел вперед, а через минуту догнал меня и Глегола. Собака у него была на поводке.

Река быстро замерзала. За ночь местами забереги соединились и образовали естественные мосты. Чтобы не проваливаться, мы взяли в руки тяжелые дубины и, щупая ими лед впереди себя, благополучно и без труда перебрались на другую сторону Самарги.

Стояла холодная погода: земля основательно промерзла, а снегу еще не было. Пасмурное небо, хмурые посиневшие горы вдали, деревья, лишенные листьев, и буро-

желтая засохшая трава — все вместе имело унылый вид и нагоняло тоску.

Против фанзы Кивета левый берег реки равнинный. Горы здесь уходят далеко в сторону, по крайней мере километров на двадцать. За ними, по словам удэхейцев, будет бассейн небольшой речки Адими.

Обширное низменное пространство, о котором здесь идет речь, покрыто редким смешанным лесом плохого качества. Перелески, если смотреть на них с высоты птичьего полета, наподобие ажурных кружев окружали заболоченные низины. Изредка кое-где попадались большие старые деревья: тополь, липа, осокорь и др. в возрасте от полутора до двухсот лет.

Как только мы отошли от берега, мы сразу попали в непролазную чащу: неровная почва, сухие протоки, полосы гальки, рытвины и ямы, заваленные колодником и заросшие буйными, теперь уже засохшими травами, кустарниковая ольха, перепутавшаяся с пригнутыми к земле ветвями черемушника, деревья с отмершими вершинами и мусор, нанесенный водой, — таков поемный лес в долине реки Самарги, куда мы направились с Глеголой на охоту.

Дальше бурелома было как-будто меньше, но кустарники и молодые деревья, искривленные, тощие и жалкие, как рахитики, росли в удивительном беспорядке и мешали друг другу.

Мы шли с Глеголой и разговаривали. Собаку он держал на поводке. Она тащила сзади и мешала итти: ремень то и дело задевал за сучки. Иногда Хыча обходила дерево справа, в то время как Глегола обходил его слева. Это принуждало его часто останавливаться и перетаскивать собаку на свою сторону или, наоборот, самому итти к собаке.

— Пусти ты ее, — сказал я своему спутнику. — В таком лесу едва ли зверь будет.

— В самом деле, — ответил Глегола и стал снимать поводок с Хычи. Затем он заткнул его за пояс и пошел со мной рядом. Собака, почувствовала свободу, весело встряхнулась и, перепрыгнув через колодину, скрылась в чаще.

Пробравшись через заросли, мы подошли к краю большого оврага, заросшего внизу кустарниками, а по склонам — редким молодняком, состоящим из дуба и белой березы.

Тут мы остановились и стали совещаться. Решено было пройти немного по краю оврага, а затем итти к дому, держа

направление на приметную сопку, у подножья которой находилась фанза Кивета.

Не успели мы пройти и сотни шагов, как вдруг из оврага выскочила дикая козуля. Она хотела было бежать вверх по оврагу, но в это время навстречу ей бросилась собака. Испуганная коза быстро повернула назад и при этом сделала громадный прыжок кверху. Перемахнув кусты, она в мгновение ока очутилась на другом краю оврага и здесь замерла в неподвижной позе.

Глегола быстро прицелился и спустил курок, но выстрела не последовало. Поспешно он снова взвел курок и, приладившись, нажал на спуск, но опять у него ничего не вышло.

Увидев приближающуюся собаку, козуля побежала в чащу леса, сильно вскидывая задом.

— Осечка, — сказал Глегола и открыл затвор, чтобы вынуть испорченный патрон, но оказалось, что ружье его вовсе не было заряжено.

Надо было видеть его досаду. Единственный раз иметь возможность стрелять в стоячего зверя и лишиться такого ценного трофея. И ради чего? Вследствие простой забывчивости. Никогда он не забывал заряжать свое ружье перед выходом на охоту, а тут как на грех такая оплошность. Глегола был готов расплакаться.

— Ничего, — сказал я ему. — Имей терпение, брат! И на твоей улице будет праздник. Ничего не дается сразу, ко всему надо приспособиться и присмотреться.

Мои слова, видимо, успокоили его. Он зарядил ружье, и мы пошли дальше.

За оврагом среди высокой травы довольно часто попадались лежки козуль.

— Вот ты теперь знаешь, где надо искать зверя, — обратился я к Глеголе. — Когдаходишь к ним, всегда иди против ветра.

При этом я объяснил ему, что всякий зверь не столько боится вида человека, сколько запаха, исходящего от него.

Так мы шли и разговаривали. Наконец я устал и сел отдохнуть на краю оврага.

Вдруг в кустах недалеко от нас послышался визг собаки. Мы бросились туда и там у подножья старой липы увидели следующую картину.

Хыча лежала на спине, а над нею стояла большая рысь.

Правая лапа ее была приподнята как, бы для нанесения удара, а левой она придавила голову собаки к земле. Пригнутые назад уши, свирепые зеленовато-желтые глаза, крупные оскаленные зубы и яростное хрипение делали ее очень страшной. Глегола быстро прицелился и выстрелил. Рысь издала какой-то странный звук, похожий на фыркание, подпрыгнула кверху и свалилась на бок. Некоторое время она, зевая, судорожно вытягивала ноги и наконец замерла.

Как только собака освободилась, она, поджав хвост, бросилась было бежать, но вскоре одумалась и начала лапами тереть свою морду и встряхивать головою. В это время я услышал шорох у себя над головой. Взглянув на дерево, я увидел там другую рысь, по размерам вдвое меньше первой. Это оказался молодой рысенок. Испуганный собакой, он взобрался на дерево, а мать, защищая его, отважно бросилась на Хычу.

Мы оба растерялись от неожиданности. Тем временем рысенок быстро пробежал по ветке, спрыгнул на землю и исчез в кустах.

Собака же, испуганная появлением нового зверя, сорвалась с места и бросилась наутек. Глегола было побежал за рысенком, но ничего не нашел и скоро возвратился назад.

— Вот видишь, — сказал я ему. — Теперь ты вернешься в фанзу Кивета с ценным трофеем. Забирай рысь, и идем домой.

Глегола взвалил рысь себе на плечи, и мы вместе направились прямо к реке. Когда мы шли редкоемьем, мне раза два показалось, что кто-то рядом с нами быстро бежит по кустам.

Мертвое животное было довольно тяжелым, и поэтому Глегола часто останавливался и отдыхал. Я предлагал ему вдвоем нести рысь на палке, но он отказался и попросил меня взять только его ружье.

Пройдя таким образом еще километра два, мы сели отдохнуть. Глегола стал скручивать папиросу, а я принялся рассматривать убитого зверя и стал гладить рукой по его шерсти. В это мгновение в поле моего зрения попал какой-то посторонний предмет. Я повернул голову и увидел рысенка. Он вышел из травы, внимательно смотрел на меня и, вероятно, недоумевал, почему его мать не может двигаться и позволяет себя трогать.

Я не стрелял, но Глегола не мог утерпеть и потянулся за винтовкой. Резкие движения и шум испугали рысенка, и он снова исчез в кустах.

На следующем привале мы опять увидели его. Рысенок был на дереве и обнаружил себя только тогда, когда мы подошли к нему вплотную... Так провожал рысенок нас до самой реки, то забегая вперед, то следуя за нами по пятам. Я надеялся поймать и быть может даже приручить рысенка.

Наконец лес кончился. Мы вышли на галечниковую отмель реки. Рысенка не было видно, но слышно было, как он мяукал в соседней траве.

Вдруг из кустов выскочили сразу три собаки. Среди них была и Хыча, вероятно, в качестве проводника. По тому, как они бежали, по их настороженным ушам и разгоревшимся глазам было видно, что они уже учуяли зверя.

Я принялся кричать на собак, бросился за ними, но не мог их догнать, запутался в зарослях и упал. Когда я поднялся и добежал до места, где неистовствовали собаки, рысенок был уже мертв.

Мне стало жаль погибших животных. Мать защищала детеныша, а детеныш следовал за мертвой матерью.

Я хотел было поделиться своими мыслями с Глеголой, но он имел такой ликующий вид, что я воздержался.

— Поймали и эту! — воскликнул он весело. — Ну, слава богу. Вот фарт!¹ Завтра я опять пойду на охоту и возьму с собой всех трех собак.

Минут десять мы просидели на берегу. У каждого были свои думы.

— Пойдем, брат, — сказал я своему спутнику.

Мы поднялись с земли.

По небу ползли тяжелые черные тучи: в горах шел снег. От фанзы Кивета поднималась кверху беловатая струйка дыма. Там кто-то рубил дрова, и звук топора звонко доносился на эту сторону реки. Когда мы подошли к дому, стрелки обступили Глеголу. Он начал им рассказывать, как все случилось, а я пошел прямо к себе, разделся и сел за работу.

¹ Сибирское выражение, означающее удачу.

Глава VIII

ТРЕВОГА

На другой день стрелок Марунич объявил о своем намерении итти на охоту. Заявление это было встречено дружным смехом. Ему было поручено заведывание хозяйством, и эту должность он исполнял все время, пока мы плыли вдоль берега моря на лодках и пока стояли в фанзе Кивета на реке Самарги. Весь день он был занят хлопотами по хозяйству: утром он кашеварил, в полдень варил обед, вечером готовил ужин, потом опять варил чай. В то время как другие могли ходить на охоту, Марунич был привязан к кухне.

Но сегодня он объявил, что ему надоело сидеть без мяса и потому он забирает всех собак и идет на охоту. Мы сначала приняли это за шутку, но потом убедились, что он, действительно, решил уйти на целый день.

Марунич уговорил остаться за себя Глеголу, а сам начал собираться: надел полушубок, валенки, большую косматую папаху и рукавицы. Затем он собрал всех ездовых собак на один длинный ремень и с ружьем в руках отправился в лес. Собаки бежали вразброд, путаясь между деревьями, и мешали ему итти. Сопровождаемый остротами и ироническими советами он скоро скрылся в лесу.

Ночью выпал мелкий снежок и тонким слоем покрыл землю. К утру небо немного очистилось и кое-где образовались просветы. Солнечные лучи, прорвавшись сквозь облака, озарили мягкие очертания отдаленных гор, побелевших от снегов, и лес около фанзы Кивета.

Придя домой, я сел за работу: надо было записи путевого дневника сличить с вычерченным маршрутом и произвести барометрическую нивелировку; кое-кто из стрелков остался снаружи. Прошло с полчаса.

Вдруг в фанзу как сумасшедший вбежал Рожков. Схва-

тив винтовку, висевшую на стене, он стремглав выбежал из дома. Следом за ним вбежал другой стрелок, потом третий, потом все начали хватать ружья и бежали куда-то, сталкиваясь в дверях и мешая друг другу. На мои вопросы, что случилось, они не отвечали, но по лицам их я видел, что все были чем-то возбуждены и спешили, чтобы не упустить какой-то редкий случай.

Поспешно следом за стрелками вышел и я из фанзы и увидел интересное зрелище.

С той стороны, куда пошел на охоту Марунич, неслась испуганная козуля; ничего не видя перед собой, она вплотную набежала на стрелков около фанзы. Испугавшись еще более, козуля бросилась к реке с намерением перебраться на другую ее сторону, но на беду попала на гладкий лед, поскользнулась и упала. Она силилась встать, но копытца ее скользили, ноги разъезжались в разные стороны, и она падала то на один бок, то на другой.

Все стрелки, захватив ружья, бежали к козуле, растянувшись в одну линию шагов на двести. Первым прибежал Рожков. Он, не целясь, выстрелил в козулю чуть ли не в упор и, как всегда бывает в таких случаях, промахнулся. Затем стрелял следующий, потом третий, и так все по очереди. Наконец козуля поднялась и с большим трудом, скользя по зеркальной поверхности запорошенного снегом льда, направилась к другому берегу реки. Стрелки открыли по ней беглый огонь, но так как все торопились, то никто не попал. Козуля благополучно достигла противоположного берега, сделала прыжок и исчезла в кустах. Кто-то побежал следом за ней, а остальные пошли к фанзе. По жестам и интонациям голосов я понимал, что стрелки укоряли друг друга в промахах и больше всего ругали Рожкова, сделавшего первый выстрел.

В это время в лесу показались собаки. Они бежали вразброд, связанные по две, по три и в одиночку. Настороженные уши, горящие глаза и порывистое дыхание их указывали на то, что они гнались по следам козули. Собаки пронеслись мимо нас с такой быстротой, что задержать их нам не удалось.

Минут через десять прибежал и Марунич, держа в левой руке винтовку, а правой отчаянно жестикулируя. Вид у него был растерянный, папаха сдвинута на глаза, физиономия исцарапана, одежда изорвана.

— Где? Где? — кричал он.

— Кто? — спрашивали изумленные стрелки.

— Да коза?! — нетерпеливо отвечал он. — Она в вашу сторону побежала, — и увидев собак на реке, он бросился за ними.

— Постой, погоди, — кричал ему Рожков, — все уже кончено, коза давно ушла.

Марунич остановился, испытующе посмотрел на реку, потом махнул рукой и воротился назад.

Стрелки окружили его, начали осматривать со всех сторон и засыпать вопросами.

— Где ты был? В чем дело? — спрашивали они.

Марунич отдышался, поправил папаху и стал рассказывать, и чем больше он говорил, тем громче смеялись его товарищи.

А случилось с Маруничем вот что.

Собираясь на охоту, он не зарядил ружья, а обойму с патронами сунул за голенище валенка.

Двенадцать ездовых собак, которых он взял с собою, все время сильно тянули за поводки. Опасаясь, как бы они не вырвались и не убежали, он, уловив удобную минутку, задержался у какого-то дерева и привязал их к своему поясу.

Как на грех, в это время из соседнего распадка выскочила козуля. Вспомнив, что ружье его не заряжено, Марунич стал искать за голенищем патроны, но обойма спустилась так низко, что достать ее рукой он никак не мог.

Тогда он сел, снял валенок и вытряхнул обойму. В этот момент собаки, почуяв козулю, бросились под уклон с горы.

Марунич рассказывал, что собаки его тащили по земле, как чурбан на веревке. Он кричал, хватался за кусты, камни, за все, что попадалось под руку.

Но скоро ему удалось заклинить между двумя близко растущими деревьями, поводок наконец-то лопнул, и собаки уже одни погнались дальше за зверем.

Следы, оставленные Маруничем на земле, были еще свежи, и по ним он легко дошел до своего валенка. Тут же рядом лежала винтовка и обойма с патронами.

Зарядив ружье, он побежал за собаками в надежде, что они догонят козулю. Людские голоса, стрельба из ружей и собачий лай привели его к фанзе Кивета.

Когда Марунич узнал, что козуля ушла, он рассердился: — Сколько времени я с собаками гнал ее, а вы, столько народу, не могли в лежачую попасть, — недовольным тоном говорил он, — не стану я больше ходить для вас на охоту.

После этого он принялся вынимать из рук занозы и смазывать иодом ссадины и ушибы, а их было так много, что после этой «операции» кожа его сделалась пестрой, как шкура пантеры.

— Полно вам зубоскалить, — огрызался Марунич на стрелков, которые продолжали комментировать его приключение и покатывались со смеху, глядя на его разрисованную иодом физиономию.

Марунич отправился на кухню и занялся своим делом, а Вихров, собрав всех свободных людей, пошел искать собак.

Близился вечер. Усталое небо поблекло, посинел воздух; снег порозовел на вершинах гор, а на темных склонах принял нежнофиолетовые оттенки. Тишина и сумрак спустились на землю.

Совсем в сумерки возвратился Вихров с собаками. Одна из них подошла к Маруничу и начала лаять.

— И ты туда же. Уйди, окаянная! — крикнул он сердитым голосом и пустил в нее головешкой.

Глава IX

ФИЛИН-РЫБОЛОВ

Сидение в фанзе Кивета особенно было тягостно для стрелков и казаков. Они придумывали всякие способы, чтобы развлечься, и чаще всего ходили на охоту. Наиболее удачным был из них Ноздрин. Уходил он в одиночку на целый день и возвращался совсем в темноте.

Однажды он поднялся задолго до рассвета. Сквозь сон я слышал, как он собирался и заряжал ружье. Потом я снова заснул и проснулся тогда, когда уже было совсем светло. Открыв глаза, я увидел Ноздрина. Он был недоволен тем, что рано встал, ходил понапрасну, проголодался и разорвал обувь, которую теперь надо было починять. За утренним чаем он рассказал между прочим, что спугнул с протоки филина, который, по его словам, был в воде.

Этот день прошел как-то скучно: все записи в дневниках были сделаны, съемки вычерчены, птицы и мелкие животные препарированы. Словом, все было в порядке, и надо было заняться сбором новых материалов. Весь день мы провели в фанзе и рано вечером завалились спать. Как-то вышло так, что я проснулся ночью и больше уже не мог заснуть. Проворочавшись с боку на бок до самого рассвета, я решил одеться и пойти на рекогносцировку в надежде поохотиться за крохальями и кстати посмотреть, как замерзает река.

Когда я выходил из дому, чуть брезжилось. Неясный свет утра боролся с ночным сумраком, еще господствовавшим над землей.

От дома шло несколько троп. Я наугад пошел по одной из них. Она скоро разделилась на две, а потом на три отдельных следа. Я взял тот, который шел к реке, два другие уходили в горы. Протока, сначала широкая, стала

быстро суживаться. В одном месте две галечниковые отмели совсем близко подошли друг к другу: только узенькая полоска мелкой воды разделяла их между собой. На краю одной из них находился какой-то темный предмет. Мне показалось, что он шевельнулся. Я остановился, чтобы лучше его рассмотреть, но в это время темный предмет вдруг поднялся на воздух и полетел в лес. Я вспомнил, что вчера вечером Ноздрин говорил о том, что видел филина в воде. Что он мог тут делать? Я спустился вниз и прямо направился к гальке. Долголетние скитания по тайге и уроки туземцев приучили меня разбираться в следах. Вода в протоке была чистой, галька в нескольких местах запачкана экскрементами пернатого хищника, а на свежей пороше по льду — десятка два старых и новых следов больших птичьих лап. Значит филин прилетал сюда часто. А так как я и Ноздрин видели его на рассвете, то надо полагать, что и впредь его можно будет застать здесь в это же время. Я решил заняться наблюдением и еще раз притти сюда, но пораньше. Так я и сделал. На следующий день я поднялся, когда было еще совсем темно, оделся и, стараясь не шуметь, вышел из фанзы, тихонько прикрыв за собою дверь.

Еще и не начинало светать. Высоко на небе почти в самом зените стояла луна, обращенная последнею четвертью к востоку. Она была такая посеребренная и имела такой ликующий вид, словно улыбалась солнцу, которое ей было видно с небесной высоты и которое для обитателей земли еще скрывалось за горизонтом.

В стороне от месяца над сопкой, очертания которой в ночной тьме чуть были заметны, ярко блистал Юпитер. Со стороны северо-западной тянуло холодным, резким ветром. Он сначала резал мне лицо, но потом оно обветрилось: неприятное ощущение быстро исчезло, и на смену ему явилось бодрящее чувство.

Я пошел по старому следу сначала быстрым шагом, а потом все тише и тише. Мне не хотелось спугивать филина, но все мои предосторожности оказались излишними. На протоке никого не было. Тогда я спустился на гальку и спрятался за колодник, нанесенный сюда большой водой. Потому ли, что я осмотрелся и глаза мои приспособились к темноте, или потому, что, действительно, начинало светать, я мог разглядеть все, что делается около воды: я ясно

различал гальку, следы филина на снегу и даже прутик, вмерзший в лед, на другой стороне протоки.

Я уже подумал, что напрасно пришел сюда, но для очистки совести решил покараулить еще минут двадцать. И вдруг я увидел того, ради которого предпринял утреннюю экскурсию. Большой филин появился неожиданно и совсем не с той стороны, откуда я его ждал. Он спустился на край одной из отмелей и осмотрелся, затем нагнулся вперед и, расправив каждое крыло по очереди, сложил их по сторонам своего тела. Потом он подпрыгнул, вошел в протоку и встал против течения. Тогда он опустил оба крыла в воду и подогнул под себя хвост, образовав таким образом запруду во всю ширину проточки между двумя отмелями. В этой позе филин оставался некоторое время неподвижно и внимательно смотрел в воду. Вдруг он быстро клюнул и вытащил небольшую рыбку, которую и проглотил, потом клюнул второй раз, третий и так далее. Вероятно, он поймал около десятка мелкой рыбешки. Удовлетворившись добычей, филин вышел из воды и, сильно встряхнувшись, стал клювом перебирать перья в хвосте. Он не замечал меня и держал себя спокойно. Ночной пернатый хищник уже намеревался было снова залезть в воду, но в это время из лесу неожиданно выскочил хорек. Как сумасшедший, сломя голову, он бросился через галечниковую отмель и перепрыгнул через узкую полоску воды. Испуганный филин поднялся на воздух и полетел вдоль протоки. Я видел, как он налету встряхивался то одним, то другим крылом и вслед затем скрылся за поворотом.

Уже светало. На востоке горизонт окрасился в багрянец, от него кверху поднималось пурпурное сияние, от которого розовели снега на высоких горах, а в долинах дремучий лес еще грезил предрассветным сном. Месяц еще более побледнел, тьма быстро уходила на запад...

Теперь больше делать здесь было нечего, и я пошел домой. Когда я подходил к фанзе Кивета, из лесу вышли два удэгейца Вензи и Дилюнга, и мы вместе вошли в дом. Я стал рассказывать своим спутникам о том, что видел, и думал, что сообщаю им что-то новое, оригинальное, но туземцы сказали мне, что филин всегда таким образом ловит рыбу. Иногда он так долго сидит в воде, что его хвост и крылья плотно вмерзают в лед. Тогда филин погибает.

Туземцы, высмотрев место, куда он прилетает для

рыбной ловли, вмораживают в лед столбик с перекладиной, на которой укрепляется капкан или просто волосяная петля. Ничего не подозревающий филин, прилетев на место охоты, предпочитает сесть на перекладинку, чем на гладкий лед, и попадает в ловушку. Все амурские туземцы считают мясо филина очень вкусным и с увлечением за ним охотятся.

Последние дни мы как-то плохо питались. Утром пустая каша, в полдень чай с сухарем, вечером опять каша. Стрелки стосковались по мясу. Поэтому, заметив на снегу кое-какие следы, мы нарочно пораньше все встали, чтобы пойти на охоту.

Когда необходимые бивачные работы были закончены, пять человек пошли искать зверя.

Рожков и Глегола отправились на другой берег реки, Чжан-Бао и Ноздрин — вверх по Самарги, а я прямо с бивака стал подыматься на сопку по маленькому ключику, заваленному колодником.

Глава X

ОХОТА

Был один из тех хороших зимних дней, когда в атмосфере надолго устанавливается равновесие. Солнце светило ярко. Синее небо, чистый воздух и земля, покрытая белой пеленой, имели праздничный вид. Лес молчаливый, засыпанный снегом, словно замер в неподвижной позе и всматривался в даль, где виднелись мягкие очертания каких-то гор, а за ними — белые кучевые облака причудливой формы. Старые мохнатые ели, под тяжестью снега опустив книзу темнозеленые ветви свои, находились в том напряжении, когда бывает достаточно малейшего ветерка, чтобы вывести их из состояния покоя.

Иногда случалось, что с верхнего сучка срывался небольшой ком снега. При падении своем снег задевал за другие такие же сучки, и тогда все дерево вдруг оживало. Большие размашистые ветви, сбросив с себя белые капюшоны, сразу распрямлялись и начинали качаться, осыпая все дерево сверху до низу снежной пылью, играющей на солнце тысячами алмазных огней. В такие тихие дни воздух делается особенно звукопроницаемым. Тогда бывают слышны звонкие шелканья озябших деревьев, бег какого-то зверька по колоднику, тихий шум падающего на землю снега и шелест зябликов, лазающих по коре сухостоя.

Взобравшись на гребень большого отрога, идущего к реке от главного массива, я остановился передохнуть и в это время услышал внизу голоса. Подойдя к краю обрыва, я увидел Ноздрина и Чжан-Бао, шедших друг за другом по льду реки. Отрог, на котором я стоял, выходил на реку нависшей скалой, имевшей со стороны вид корабельного носа высотой более чем в 100 метров.

Взбираясь по отрогу, я дошел до небольшой седловины

и решил здесь же еще раз немного отдохнуть, а затем спуститься к реке по другому распадку. Вдруг из лесу выскочила кабарга. Увидев меня, она шарахнулась в сторону и тотчас скрылась в молодом ельнике. Я хотел было идти по ее следам, но в это время внимание мое было привлечено другим животным. По следам кабарги бежала крупная росомаха. Появление ее было так неожиданно, что я не успел даже снять ружье с плеча. Я знал, что кабарга сделает круг по снегу и вернется на свой след и что по этому же кругу за ней погонится и росомаха. Однако мои надежды не оправдались. Прождав напрасно минут двадцать, я решил пойти по их следам. По ним я увидел, что кабарга один раз как-будто споткнулась, а росомаха бежала, хотя и неуклюже, но ровными прыжками. Исход этого бегства и погони был очевиден. Скоро, очень скоро кабарга должна будет сдать.

Следы вывели меня опять на седловину, а затем направились по отрогу к реке. Тут я наткнулся на совершенно свежий след молодого лося. Тогда я предоставил кабаргу в распоряжение росомахи, а сам отправился за сохатым. Он, видимо, почуял меня и пошел рысью под гору. Скоро след привел меня к реке. Лось спустился на гальку, покрытую снегом, оттуда перешел на остров, а с острова — на другой берег.

Я был уже на середине реки, когда услышал окрики. Оглянувшись, я увидел Ноздрина и Чжан-Бао, стоявших у подножья нависшей над рекой скалы и делавших мне какие-то знаки. Я понял что они зовут меня к себе. Догнать испуганного лося нечего было и думать, и потому, забросив ружье на плечо, я скорым шагом пошел к своим товарищам.

Еще издали я заметил, что они ходили не даром. У Чжан-Бао и Ноздрина был веселый вид; у ног их лежали кабарга и росомаха. Станным показалось мне, что я не слышал их выстрелов, и я спросил об этом Ноздрина.

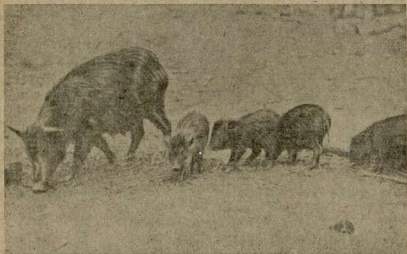
— Наша стрельяй нету,— отвечал за него Чжан-Бао, посмеиваясь в усы.

— Как так? — спросил я, ничего не понимая.

— Они сами сюда пришли,— сказал Ноздрин, закуривая папиросу. Наконец постепенно из ответов я понял, что случилось.

Оказалось, что кабарга, спасаясь от росомахи, случай-

но попала на утес, нависший над рекой. Чжан-Бао поспешно снял с плеча ружье, чтобы стрелять, но вдруг кабарга заметалась. Она поняла опасность, которой подвергалась, и хотела было бежать назад, но путь отступления ей был уже отрезан росомахой. Тогда она стала жаться к краю обрыва, высматривая, куда бы ей спрыгнуть. В это мгновение россомаха бросилась на нее. Кабарга рванулась вперед, и оба животных, потеряв равновесие, полетели в пропасть. Кабарга разбилась насмерть, а россомаха еще выказывала признаки жизни. Один раз она хотела было

Кабаны (самка с детенышами).

подняться на ноги, но тут же упала на лед. В это время к ней подбежал Ноздрин и ударом палки по голове добил ее окончательно.

Убившихся животных никак нельзя было назвать «трофеями». Оба они достались нам случайно. Все трое мы были свидетелями лесной драмы. Я в лесу видел, как она началась, а Ноздрин и Чжан-Бао, — как она кончилась. Забрав мертвых животных, мы пошли домой.

Западный край неба уже нежился в закатном сиянии, над снежными полями кое-где розовел туман, и теневые склоны гор покрылись мягкими фиолетовыми тонами.

Через полчаса мы были на биваке, куда уже собрались

все охотники. Рожков принес дикую козулю. Теперь мы были обеспечены мясом, по крайней мере, на трое или четверо суток. Кабарга в тот же день пошла на ужин, а с росوماхи сняли шкуру для чучела.

Дней через десять я решил предпринять еще одну экскурсию по речке Токто, впадающей в Самарги с левой стороны в 24 километрах от устья. Я намеревался выйти на реку Укумига и от нее через второй перевал выйти на реку Адими, впадающую в море около мыса Суфрен. На этот раз со мной пошли Ноздрин, удэхеец Дюлинга и Чжан-Бао. Наше походное и бивачное снаряжение состояло из ружей, топора, двух полотнищ палаток и продовольствия по расчету на пять суток.

Первую половину пути мы выполнили успешно и к концу второго дня достигли истоков реки Токто, где и решили заночевать в лесу на краю болота, покрытого большими кочками. Каждая из них была почти в метр величины и имела вид гриба, украшенного сверху длинной осокой.

Когда палатка была поставлена, Чжан-Бао и Ноздрин пошли за ельником, а я и Дюлинга — за травой. Подойдя к одной из кочек, я собрал в горсть всю растущую на ней траву, поднял кверху и сказал удэхецу:

— Посмотри, с одной кочки можно срезать травы на постель.

— Манга! Неу октонгай дэлини, — закричал Дюлинга (т. е. нельзя трогать болотную голову).

Он убеждал меня уйти на другое место, где нет кочек. Из слов Дюлинга я понял, что по обычаю удэхецев болотные кочки табуированы. Их нельзя дергать и в особенности нельзя растущую на них траву заплетать в косу. С человеком, позволившим себе такие шутки, непременно случится какая-нибудь беда.

Не желая нарушать покоя своего проводника, я направился к опушке леса, где среди тальников росло много вейников. Через четверть часа мы вернулись с ним на бивак с большими охапками сухой травы.

В это время пришел Ноздрин и сообщил, что он вместе с Чжан-Бао видел лису, которая перебежала им дорогу. Стрелок бросил в нее топором. Она остановилась на мгновение и оскалила зубы, а потом повернула назад и скрылась в траве.

Когда все бивачные работы были закончены, мы усе-

лись около огня и стали снимать обувь. Разговор опять коснулся лисы. Оказывается, что в китайских поверьях животному этому отводится большое место. Лисы, больше чем другие звери, стараются войти в общение с человеком и тем ослабить свое животное начало. Это им удается, и они часто появляются в виде оборотней. Лисы хитры и злопамятны. Человеку, обидевшему их, они стараются сделать какую-нибудь неприятность. Они делают так, что человек блуждает около жилища и никак не может попасть домой, во время ненастья залезет в какую-нибудь яму и вымажется нечистотами и т. п. По мнению Чжан-Бао, сегодняшняя встреча с лисой не предвещала ничего доброго.

Недолго длилась наша беседа. За день мы сильно устали и поэтому рано легли спать.

Глава XI

СНЕЖНАЯ БУРЯ

На другой день первое, что мне бросилось в глаза, это серое небо, покрытое слоистыми тучами. Отдаленные горы тонули в туманной мгле. Там шел снег.

Опасаясь пурги, мы решили итти домой. Наскоро напившись чаю с сухарями, мы сняли палатки и пошли в направлении на юго-восток. Сперва мы попали в осыпи, где я больно ушиб ногу, потом залезли в ветроломную гарь, причем Чжан-Бао разорвал свои штаны, затем мы вышли на зверовую тропу.

— Вот дорога, — сказал я своим спутникам. — Теперь мы пойдем хорошо.

— Маманды! Канка ба (т. е. погоди, еще увидим), — заметил китаец многозначительно.

Покурив немного, мои спутники пошли дальше в таком порядке: впереди шел Ноздрин, за ним Дилюнга, потом Чжан-Бао. Я замыкал шествие. Не успели мы сделать и полсотни шагов, как вдруг Дилюнга схватил стрелка за пояс и сам быстро вышел вперед, все время к чему-то настороженно присматриваясь.

— Что случилось? — спросил я его.

— Си исай (т. е. сам посмотри), — ответил он, указывая на стрелу, воткнутую в землю.

Это был какой-то знак, но что он означал, мне было неизвестно. Дилюнга обошел стрелу и осторожно двинулся вперед, глядя себе под ноги. Шагов через десять он опять остановился перед заструганной палочкой, лежащей поперек тропы. Это был знак, что отсюда совсем близко насторожен самострел. Действительно, в 3 метрах за палочкой виднелась тонкая нить, протянутая через зверовую тропу.

— Би (вот), — сказал удэхеец, указывая на лук толщи-

ною в человеческую руку с большой стрелой на крупного зверя.

Я понял, какой опасности подвергался Ноздрин. Не обратив внимания на условные знаки, он задел бы нить и был бы убит наповал.

От самострела дальше мы пошли целиною.

После полудня погода совсем испортилась. Сумрачное небо словно снизилось к земле. Белесоватая мгла надвинулась на нас, и пошел снег.

На вопрос, далеко ли до фанзы Кивета, наш проводник отвечал уклончиво и, повидимому, сам не знал, где мы теперь находимся, но все же по его соображению к сумеркам мы должны были выйти на реку Самарги. Так прошли мы по компасу еще два часа. Казалось, гари не будет конца. То встречались участки, совершенно оголенные от леса, то заросшие молодой березой. Местность была как-то странно пересеченная, мелкие распадки чередовались с подъемами на увалы с крутыми и пологими склонами.

Усилившийся ветер, шум в горах, снег и короткие вихри — все говорило за то, что собирается сильная пурга.

Мы прошли уже километров пятнадцать, по моим расчетам, и давно должны были бы выйти на реку Самарги. Возможно, что мы шли и параллельно ей, но теперь за снегом ничего не было видно.

Между тем ветер с юго-востока перешел на восток, а теперь дул с северо-востока. Я ориентировался по закону Бэйо Балло и понял, что центр циклона шел прямо на нас, а мы ему навстречу. Ветер, дующий теперь с острова Сахалина, то ослабевал на мгновение, то вдруг словно зверь, сорвавшийся с цепи, бросался на людей. Он поднимал тучи снега с земли, и тогда казалось, будто в лесу пожар. Мгновенно деревья пропадали из глаз. Порыв ветра уходил, дымовая завеса исчезала, и большие древесные стволы, запорошенные снегом, опять появились в непосредственной близости. Наконец стало смеркаться. Я заметил, что мои спутники начали уставать. В это время мы вступили в густой хвойный лес. Все словно по команде бросили котомки, Чжан-Бао достал смолье, Дилюнга принес бересту, я из сумочки вынул кусочек целлулоида, а Ноздрин собрал большую охапку хвороста. Через минуту вспыхнул огонек и завилась струйка дыма; ветер отнес ее в сторону. Через несколько минут костер разгорелся как следует. Потом мы

поставили две односкатных палатки лицом друг к другу и принялись таскать дрова.

Чем больше смеркалось, тем сильнее неистовствовала пурга. Ночь провели мы без сна, дремали, зябли и с нетерпением ждали утра.

Наконец появились первые признаки рассвета. Небо стало очищаться, но зато ветер еще более усилился. Он зашел с севера и, поднимая снег с земли, его заметал.

Собрав котомки, мы снова пошли вперед и не успели сделать и сотни шагов, как сразу вышли на реку Самарги против самой фанзы Кивета.

Это всех одновременно и обрадовало и рассердило. В такую погоду ночевать в лесу, рядом с домом! Неудачу свою я приписывал непогоде, Дюлинга — болотным кочкам, а Чжан-Бао — лисе. Китаец и удэхеец считали себя правыми, а мои доводы ошибочными.

Через полчаса мы сидели дома, пили чай и рассказывали давно ожидавшим товарищам свои приключения.

Около полудня с северной стороны надвинулась черная туча с разлохмаченными краями и ветер сделался чрезвычайно сильным. Он сломал мачту нашей метеорологической станции до самого основания. К сумеркам казаки стали опасаться за крышу дома и на всякий случай привязали ее к соседним деревьям.

Буря свирепствовала всю ночь. Дня через два после этой экскурсии прибыли наконец долгожданные грузы с реки Кузнецовой. К этому времени мой санный обоз был готов и собаки собраны.

Глава XII

ПО ГОРНЫМ РЕЧКАМ

В организации зимнего путешествия самый важный вопрос составляет собачий корм. Он зависит от количества юколы, заготовленной туземцами, что в свою очередь зависит от хода рыбы в этом году. Недолов рыбы заставляет удэхейцев убивать часть своих собак и отказываться от дальних выездов на соболевание. 1909 год был средний по ходу рыбы, и это дало мне возможность собрать достаточное количество кормовой юколы. Надо иметь в виду, что всякая собака съедает больше, чем человек, и потому самый громадный груз в наших нартах составлял собачий корм. Поэтому в далекое путешествие мы, к сожалению, не могли взять много собак. Каждую нарту тащит один человек, и в помощь ему впряглось три-четыре собаки. Обоз нашей экспедиции состоял из семи нарт и двадцати восьми собак, приобретенных у самаргинских удэхейцев. 29 декабря мы распрощались с фанзой Кивета и тронулись в далекий путь.

На старых картах сорокаверстного масштаба река Самарги названа Беглянкой и показана маленькой горной речкой. На самом деле она имеет около 200 километров в длину и охватывает бассейны рек Нельмы и Ботчи. Самарги течет в верховьях по продольной долине, в меридиональном направлении, в среднем течении она режет горные складки в крест их простирания и поворачивает сперва на юго-восток, а потом на восток, каковое направление и сохраняет до самого впадения своего в море.

Во время последней бури ветром намело большие сугробы, а в других местах, наоборот, совершенно очистило реку от снега. Чистый и прозрачный лед был от 40 до 60 сантиметров толщины. Во многих местах в нем находились

пустоты беловатого цвета, расположенные друг над другом. Это были пузырьки воздуха, поднимавшиеся со дна и примерзшие ко льду. Верхние пузырьки были маленькие, вторые побольше, средние самые большие, потом они опять уменьшались, и самыми маленькими были последние. Во многих местах лед был смешан с галькой и имел вид конгломерата, в котором роль цемента играла замерзшая вода. Размеры камней во льду были различны и в некоторых случаях (исключительно в чистом льду) величиной чуть ли не в конскую голову. Под ними еще $1\frac{1}{2}$ метра глубины, где спокойно текла вода. Очевидно, эти валуны были подняты всплывшим льдом с перекатов и плыли вместе с ними до тех пор, пока река совсем не стала.

В первый день мы дошли до местности Путугу, а в следующий — до устья реки Буй (что значит зверь).

Отсюда до знакомой нам сопки Дэлахчи Самарги течет в направлении с северо-запада на юго-восток. С правой стороны вплотную к реке подходят горы Чжангда Гуляни, состоящие из зеленокаменного порфирита с большими шлирами красно-бурого цвета, которые входят в толщу основной породы то горизонтальными клиньями, то вертикальными куполообразными массами. Как раз напротив с левой стороны реки располагается обширное низменное пространство, поросшее поемным, хвойным и смешанным лесом и известное под названием Чжангда Мукудуони. Оно прорезается притоком Уйга и является местом, весьма удобным для заселения.

На второй день нового года наш маленький отряд достиг первого большого притока Самарги — реки Кукчи. По этой реке через перевал Де лежит путь на реку Сурпак (Сукпай), приток Хора. Местность около Кукчи носит название Мукда. Там я сделал дневку и произвел астрономические наблюдения.

Река Самарги от устья реки Кукчи до реки Буй течет почти в меридиональном направлении. Если отсюда идти вниз по течению, то с левой стороны будут слагающиеся из метаморфизованных песчаников возвышенности Уаля Селини, протока Ундека и местности Улени и Си, затем две речки Окчжа и Чжадо. Самарги проходит в «щеках» между гор Кабахта, склоны которых состоят из высоких террас, покрытых осыпями. При более близком знакомстве это оказались большие обломки базальтовой лавы. Сна-

ружи метаморфизованная порода принимает буро-красный оттенок. Края обломков под влиянием тех же атмосферных явлений несколько округлены. Камни слабо держатся на своих местах и легко обваливаются в долину. Ниже горы Кабахта Самарги принимает в себя приток Чжору с перевалом на реку Нельму, ниже будет местность Сагемукудони и два ключика Яй и Омуге. Около устья последней есть выступающая в долину скала с тем же названием. Возле рек Кукчи и Самарги находится высокая кольцеобразной формы гора Кямо. Она очень похожа на древний разрушенный вулкан. Ниже сопки Кямо с правой стороны Самарги находится местность Лухуну, и после щек в горах Кабахта до речки Курими и ключика Бугу следует обратить внимание на скады, состоящие из кремнистого сланца. Здесь сохранилась надпись «1885 Д. И.», оставленная геологом Д. Л. Ивановым. Я счел своим долгом подновить ее насколько это было возможно. После реки Бугу в Самарги впадает еще два небольших ключика: Умугды и Ульга, затем следует местность Пукдотани около речки Чжаами, впадающей в реку Буй, о которой уже говорилось выше.

Географу следует посетить реку Самарги зимою и посмотреть, как она замерзает. Там он увидит весьма интересные явления. В местности Кабахтэана русло проходит у левого берега и так подмывает его, что образуется нечто вроде нависшего карниза. Здесь вода волнуется, всплескивается на лед и тотчас замерзает. Повидимому, русло реки сжимается с боков и повышается; повышаются и ледяные карнизы по сторонам его. В конце концов получается нечто вроде коридора, по которому с большой стремительностью идет вода. Уровень ее находится на высоте глаза человека. Причиной этому является, может быть, опять-таки донный лед. Мы полюбовались красивым зрелищем и пошли дальше.

Если мы проведем условную линию от устья реки Холонку (мыс Сосунова) через среднее течение Самарги, около Кукчи через верхнее течение Анюя и нижнее Хунгари, то получим идеальную границу двух флор: манчжурской и охотской. Одна из них входит в другую клиньями, причем проводниками охотской флоры будут горные хребты, а проводниками манчжурской — долины. Этим и объясняется наличие хвойных лесов (лиственница, ель, пихта) в нижней части Самарги и широколиственных манчжурских (проб-

ковое дерево, орех, виноград, даурская береза и актинидия) — около реки Кукчи.

В связи с таким распределением растительности находится и распределение животных. Когда стало известным, что около Кукчи встречаются все вышеперечисленные представители манчжурской флоры, можно было вперед сказать, что там должны обитать тигры, кабаны, изюбры, что и подтвердилось в действительности. Фауна нижнего течения Самарги характеризуется главным образом медведем, лосем, кабаргой, лисой, соболем и росомахой.

В день нашего прибытия на реку Кукчи туземцы-охотники поблизости от нашего бивака нашли свежие следы большого тигра. Опасаясь за своих собак, я велел их забрать в палатку и всю ночь поддерживать большой огонь. Несмотря на это, перед рассветом, когда костры потухли совсем, собаки всполошились. Они ворчали, скалили зубы и жались к людям. С восходом солнца выяснилось, что другой тигр поменьше, судя по оставленным следам, близко подходил к биваку, но, предупрежденный собачьим лаем и голосами людей, поспешил ретироваться.

Выше Кукчи километров на двенадцать Самарги принимает в себя второй большой приток Исими, по которому можно выйти на реку Ботчи. Между этой рекой и маленьким ключиком Джюкда находится сопка Сингачжалегени, а затем еще ключик Уаки. Правый край долины Исими при соединении ее с рекой Самарги оканчивается сопкой Кохтоа. В 3 километрах от нее мы нашли самое большое удэхейское стойбище Ягуятаули. Еще ниже, но немного выше реки Кукчи — другое туземное селение Пяфу. Обитатели того и другого жили в юртах из корья; эти туземцы сохранили в наибольшей чистоте свой физический тип и все обычаи и нравы лесных людей. С правой стороны Самарги между этими стойбищами мы видим две горы Юку и Чуганьга, состоящие из порфира, потом ключик Сеели и еще две горы Лендоо и Пяфу, в обнажениях которых виден песчаниковый сланец.

В этот день дальше мы не пошли. Вечером я записывал в свой дневник много интересного. От удэхейцев я узнал, что выше есть еще два стойбища Курнау и Элацзаво, а затем начинается пустынная область. Один из туземцев, Ваника Камедичи, ножом на куске бересты начертил мне реку Самарги со всеми притоками. Когда я впоследствии

сличил ее со своими съемками, то был поражен, до какой степени она была верно составлена и как правильно выдержан всюду один и тот же масштаб.

В здешних местах главным ориентировочным пунктом будет гора Миле, с которой видны реки Копи и Нахтоху. От Миле река Самарги течет в направлении от северо-северо-запада к юго-юго-востоку. Километрах в пятнадцати от нее находится другая высокая гора Пио. В обнажениях ее на реке выступает андезит. Между этими двумя сопками долина Самарги значительно расширяется и носит название Курнау. Правый край долины образует возвышенности Гула и Цзаа, слагающиеся из хроризованного порфирита и известкового песчаника. Ниже долина опять расширяется и образует обширное пространство, покрытое лесом, состоящим из широколиственных пород, и известное под названием Подоляго, Сантола и Актэвуани. Там, где Самарги разделяется на две речки, с запада впадает еще небольшая речка Цзовуани, вследствие чего и местность стала называться Элацзаво, что значит Трехречье. Около устья ее Самарги шириною 100 метров. От моря до Элацзаво туземцы поднимаются на лодках десять суток, а обратно по воде спускаются в два с половиной дня. Из этого читатель ясно может представить себе, какова быстрота течения реки Самарги.

В среднем течении ее встречаются открытые поляны, а в лесу, в местах, защищенных от ветра, — незамерзающие протоки. В морозные дни от них поднимаются испарения. Около таких проталин на чистом льду можно видеть изящные разетки инея, напоминающие узоры на заиндевелых окнах зимою. Если стереть иней рукой, то оказывается, что в этом месте изо льда торчит травинка или тоненький прутик. Служат ли они объектами, около которых конденсируется пар, или они сами служат проводниками его из воды на поверхность? Вопрос этот может быть выяснен только путем специальных исследований.

Чем ближе мы подходили к Сихотэ-Алиню, тем больше было снега. Собаки не видели перед собой дороги и отказывались идти. Они останавливались и оглядывались назад. Чжан-Бао и один из удэхейцев пошли вперед на лыжах протаптывать дорогу собакам, так как за ночь лыжница заносилась снегом.

Десятого января экспедиция наша достигла небольшой

речки. За последние дни стрелки и казаки очень утомились, и потому я решил сделать дневку.

По мере того как мы удалялись от моря, температура воздуха падала все ниже и ниже. Утром она снижалась до -35° , днем термометр показывал -26° , а к вечеру опять доходил до -32°C .

Воспользовавшись дневкой, я на другой день решил отправиться на экскурсию. Сопроводить меня вызвался Чжан-Бао. Мы хотели встать пораньше, но оба проспали. Часов в девять утра, после утреннего завтрака, мы взяли ружья и направились на соседнюю сопку. Подъем на нее не был затруднителен, и минут через сорок пять мы были на ее вершине.

Отсюда можно было хорошо проследить реку Самарги от места нашего бивака до горы Миле, о которой упоминалось выше. На этом участке она течет от западо-северо-запада к востоко-юго-востоку между базальтовыми возвышенностями, которые быть может находятся в связи с кольцеобразной сопкой Кямо. От безыменного ключа вниз по течению географические названия в долине Самарги идут в следующем порядке. По левому берегу от Дыровитого утеса (Када Сангани) ряд невысоких сопок, оканчивающихся утесом Хонтоаса, за которым расстилается обширное низменное пространство с речкой Пакту, потом горы опять подходят к речке и на протяжении 5 километров образуют отвесные обрывы. За ними до самой горы Миле — другая большая низина, покрытая горелым лесом. Правый берег более гористый. Сначала идет ряд сопок, разобщенных короткими развалистыми долинами, поросшими хвойно-смешанным лесом. Ниже реки Пакту начинается равнина, прорезанная лавовым потоком. Западная часть ее носит название Тияни, а восточная — Онго. Затем следует река Фухи, а ниже ее — ключик Тюхе и утес Дукдумогуени и наконец местность Ялахчи. Как раз против утеса Полялиги находятся обрывы горы Миле.

Полюбовавшись видом долины реки Самарги, мы спустились в долину реки Пакту и пошли вверх по ней. Я стал присматриваться к следам, которых здесь было довольно много. Вот характерный след зайца. Он двигался мелкими прыжками, глодал кору тальника, затем чего-то испугался и проворно убежал в кусты. Тут же неподалеку виднелись следы глухаря. Сначала он шел размеренным шагом,

потом остановился (оба следа стали рядом) и поднялся на воздух. При первых взмахах крыльев он испещрил снег веерообразными полосами. Немного дальше изюбр перешел через реку и направился к горам. По пути он тоже глодал кору деревьев и обкусывал кончики мелких веток. Потом попался след соболя, пробиравшегося с колодника на колодник. Так прошли мы километра четыре, но, несмотря на обилие следов, самих зверей мы не встретили. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг Чжан-Бао остановился и сказал:

— Хай-ся-цзы (т. е. медведь).

Я взглянул в указанном направлении и, действительно, увидел старый, уже занастившийся, след медведя средней величины. Очевидно, его кто-то побеспокоил в берлоге, в которую он залезает во второй половине октября. Такие медведи-шатуны всегда очень злы, и встреча с ними считается опасной.

— Его далеко ходи нету, — сказал Чжан-Бао. — Наша скоро его могу догоняй.

Он был прав: зимой медведь не будет долго ходить по снегу и постарается забиться под первый попавшийся колодник.

Мы пошли дальше. Следы шли вдоль сопки зигзагами. Медведь подходил к большим деревьям, заглядывал под опрокинутые корневища, копался в осыпях и разбрасывал мерзлый валежник на земле. В одном месте наводнением нанесло много мелких веток, сверху их занесло опавшей листвой и засыпало снегом, Медведь залез под этот мусор, но что-то ему не понравилось. Он пролежал, видимо, только несколько часов и пошел снова к реке.

— Пойдем дальше, — сказал я китайцу.

Чжан-Бао осмотрел свое ружье и стал продираться сквозь чащу, стараясь как можно меньше шуметь. Минут через десять он остановился и, не говоря ни слова, протянул вперед руку.

Интересное зрелище предстало перед нашими глазами.

Большой старый кедр лежал на земле. При падении он разломился на несколько частей. На том месте, где он рос, стоял большой пенёк, полый внутри и на одну треть открытый с нашей стороны. В середине его сидел медведь. Он разбросал вокруг весь снег и лапами сгреб целый ворох мерзлого мха, которым и обложил себя спереди и с боков

до пояса. Большие лепешки мха случайно или преднамеренно лежали у него на плечах и на голове. Сверху мох был украшен еще капюшоном из снега. Зверь сидел неподвижно и, повидимому, спал. Можно было подумать, что он мертв, если бы не пар, выходящий из ноздрей.

Нам предстояло или тихонько ретироваться или стрелять. Чжан-Бао первый поднял ружье. Два выстрела слились почти одновременно. Снежный капюшон свалился с головы медведя, он вздрогнул, рванулся было вперед и тут же ткнулся мордой в снег. Наши выстрелы оказались смертельными.

Чжан-Бао остался на месте охоты, чтобы снять с медведя шкуру, пока он еще не окоченел. На обратном пути я встретил удэхейца Ваника Камедичи и рассказал ему о случившемся.

— Гы байта (худо, грех), — отвечал он мне и при этом добавил, что они никогда такое сонное животное не бьют. Каждый охотник знает, что всякого зверя сперва надо разбудить криком или бросить в него камень и стрелять только тогда, когда он подыметя со своей лежки. Это закон, который нельзя нарушать. Человек, не соблюдающий его, рано или поздно поплатится жизнью.

В тот же день убитое животное было доставлено на бивак. Часть мяса мы взяли с собою, большую часть отдали туземцам, а шкуру отправили к устью реки Самарги для доставки ее весною на пароходе в город Владивосток.

Дня через два мы дошли до ключика Сололи, по которому нам надлежало подниматься на Сихотэ-Алинь. Тут был пустой балаган, выстроенный гольдами, которые ежегодно после нового года приходят сюда с Амура и собою на землях, принадлежащих самаргинским удэхейцам. Пользуясь своей численностью, они не обращают внимания на протесты последних.

Сопровождавшие нас удэхейцы расположились в балагане, а мы — в своем шатре. Мне хотелось определить географические координаты устья ключика Сололи, но так как небо было не совсем чистое, то я решил совершить еще одну экскурсию по реке Самарги. Истоки ее находятся в высоком горном узле, откуда берут начало реки Анюй, Копи, Хор и Самарги, текущие в разные стороны от Сихотэ-Алиня. Таким образом с Самарги можно выйти на Уссури, Амур и обратно к морю.

В верховьях Самарги течет вдоль Сихотэ-Алиня в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу. От ключика Сололи она начинает отклоняться к югу, потом к юго-востоку. Долина реки Самарги около моря неширокая, но выше Кукчи она значительно расширяется. Небольшие разбросанные сопки, сглаженные контуры, многочисленные мелкие ручьи и общая заболоченность их долин сви-

Удэхе с реки Самарги — проводники экспедиции Арсеньева.

детельствуют о постоянных эрозийных процессах и о древнем строении Сихотэ-Алиня, который по существу представляет собой остатки бывших когда-то величественных гор. Подтверждение этому мы находим и в плавниковом лесе, скопившемся большими завалами на поворотах реки и там, где она разбивается на протоки. В нижнем течении Самарги завалов нет вовсе.

Самым верхним притоком Самарги будет река Даагды. Туземцы говорят, что там часто встречаются кости соха-

тых, из чего они делают вывод, что лоси уходят туда умирать — это их место упокоения «Буниа».

Географический состав горных пород от ключика Соли до Дыровитого утеса характеризуется главным образом глинистыми сланцами с плитняковой и листовитой отдельностью. Кроме того здесь встречается еще какая-то темная порода, похожая на андезит.

В верхнем течении реки интересно отметить наледи. Под этим именем надо понимать воду, идущую поверх льда. Просачиваясь по трещинам в горных породах, она выходит в береговых обнажениях на дневную поверхность и тотчас покрывается тонким слоем льда, который не выдерживает давления ноги человека. Глубина наледей различна: от 1 до 10—15 сантиметров. Издали их можно узнать по заиндевелым деревьям и по клубам пара, который поднимается от воды утром при восходе солнца и вечером, когда температура воздуха понижается. Если воды из береговых обнажений выходит много, она бежит вниз по реке до тех пор, пока не найдет какое-нибудь отверстие во льду. Тогда здесь образуются красивые бирюзового цвета водопады с водоворотами. Если вода по трещинам горной породы выходит на дневную поверхность высоко над рекой, то, стекая вниз по береговым обрывам, она замерзает в виде очень красивых ледяных каскадов, которые все увеличиваются в размерах, и кажется, будто здесь, действительно, был водопад, но замерз. На самом деле воды выходит так мало, что летом можно пройти мимо и не заметить ее вовсе.

Мы сделали небольшой опыт над измерением температуры воздуха. Вечером после заката солнца, когда началось излучение тепла от земли, термометр в лесу показывал -24°C . Там же термометр на открытом месте, не защищенном древесной растительностью, показывал -28°R . Вот почему все животные на ночевку забираются в самую глушь тайги. Это делают и люди, находя в чаще леса защиту от холодного ветра.

Горы, окаймляющие верхнюю часть долины Самарги, покрыты хвойно-смешанным лесом. Берега реки еще некоторое время дают приют широколиственным древесным породам: ясеню, белой березе, клену, ольхе и тонкоствольным тальникам, но вскоре они начинают уступать свои места лиственнице, ели и пихте.

Среди пернатого населения верхнесамаргинских лесов характерны снегири.

Добродушные милovidные птички эти имеют очень красивую пурпуровую окраску. У самок преобладают желтые тона. Снегири подпускали нас к себе очень близко. Они пили воду, поднимая кверху свои головки, нимаго не смущаясь присутствием людей, и только неосторожное движение кого-нибудь из нас заставляло их с криком подниматься со льда и садиться на ветви ближайших деревьев. Недалеко от гольдского балагана удалось застрелить северного рябчика. Самец выдал себя тонким пронзительным криком и шумом полета, похожим на глухую дробь барабана. Среди тальников я заметил восточного воробьиного сыча с желтыми ногами и желтым клювом. Он подпустил меня к себе очень близко, но все же нахохлился, стал переступать с ноги на ногу и поворачивать голову чуть ли не на все 180°.

Глава XIII

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ СИХОТЭ-АЛИНЬ

Двадцатого января мы покинули Самарги и направились к Сихотэ-Алиню, на ключик Солоди, который имеет общее направление от северо-запада к юго-востоку и в нижней своей части протекает по местности совершенно равнинной, среди густого хвойного леса плохого качества. Многие деревья стояли в наклонном положении, имели отмершие вершины и были украшены бороатым лишайником. Километрах в четырех от Самарги начинается подъем, сначала медленный, а потом крутой. На самом перевале, высота которого оказалась равной 910 метрам над уровнем моря, стояла маленькая деревянная кумирня, поставленная китайскими скупщиками пушнины в честь «старого духа дорог» (Лао ба-тоу). Восточный склон Сихотэ-Алиня со всеми реками, текущими в море, удэхейцы называют Ада-Намузани, а западный склон в бассейне притоков Уссури — Ада-Цазани. Сообразно этой терминологии и туземное население прибрежного района называет себя Удэ с Намука, в отличие от людей, обитающих по рекам Иману, Бикину, Хору, Анию и Хунгари, носящих название Удэ с Дэзаха.

Западный склон Сихотэ-Алиня значительно положе восточного. Спустившись с перевала, мы вышли на какую-то маленькую речку, которая текла к северо-западу: по сторонам высились небольшие сопки, покрытые исключительно хвойным лесом. По мере удаления от водораздела горы становились выше. Километрах в восьми от перевала слева подошел еще такой же ручей. Тут мы и заночевали. На другой день километров через десять мы дошли до реки Чуина, которая течет здесь с юга на север. Теперь глинистые сланцы остались сзади и сначала появился мел-

козернистый песчаник, а затем какая-то кварцитовая метаморфизованная порода, относящаяся, повидимому, к эоцической сланцевой группе.

Еще на реке Самарги от удэхейцев я слышал, что на реке Чуине есть дерево, которое выросло не на земле, а на другом живом дереве, стоящем на корню. Теперь наш проводник опять повторил то же. Я просил его показать мне это чудо и сам стал внимательно смотреть по сторонам. Долина Чуина покрыта хвойным лесом, несравненно лучшим, чем на самом Сихотэ-Алине. Около реки в изобилии росли ольха довольно крупных размеров и тальники, имеющие вид строевых деревьев, но с мелкими ветвями почти от самого корня. Места повыше заняла лиственница, а ель и пихта отступили на самые вершины гор.

Наконец-то я увидел то замечательное дерево, о котором так много говорили удэхейцы. Это был осокорь с большим наплывом с северной стороны метрах в десяти над землей. Сверху в наплыве было естественное углубление, заполненное разным мусором и перегнившей листвою. Случайно в него попало семя, высыпавшееся из еловой шишки. В этом углублении и выросла стройная елочка в метр величиною.

Река Чуин некоторое время (около 15 километров) течет параллельно Сихотэ-Алиню по продольной долине, а затем поворачивает на запад. В этом месте она проходит между двух скалистых сопок, образующих как бы ущелье. Дальше долина Чуина приобретает резко выраженный денудационный характер: широкие низины чередуются с отдельными сопками, которые в шахматном порядке подходят к реке то с одной, то с другой стороны. Образцы горных пород, собранных мной по пути следования от истоков к устью реки Чуина, располагаются в таком порядке: сначала идут филлитовый и кремнистый сланцы, потом песчаник, витрофир, друзы мелких кристаллов и роговообманковый порфирит.

Последние пять километров река Чуин протекает по лесистой равнине и встречает Хор — большую реку около двух метров глубины по фарватеру и с быстротой течения 4 километра в час в малую воду.

Истоки реки Хора находятся далеко в горах. От Сихотэ-Алиня они отделяются особой горной складкой и верховьями реки Анюя. Хор течет по кривой от северо-востока

на запад так, что выпуклая часть его дуги обращена к югу. Из притоков Уссури он занимает самый обширный бассейн, отделяемый от реки Бикина хребтом Синку. Течение его быстрое. Чистая прозрачная хорская вода с такой стремительностью входит в реку Уссури, что мутную воду последней прижимает к противоположному берегу. Устье Хора находится под $47^{\circ}49'$ северной широты и $8^{\circ}59'$ восточной долготы от Гринвича.

Самым большим притоком Хора считается река Сукпай. Она имеет длину около 200 километров и течет на западо-северо-запад. По ней лежит путь через Сихотэ-Алинь на реку Кукчи, впадающую в Самарги, о чем уже говорилось выше. Около устья Сукпай исстари живут удэгейцы. Это самое верхнее стойбище, имеющее почтенную давность. Иногда туземцы поднимаются по Хору выше и доходят до реки Сор, по которой лежит путь на реку Топмасу, приток Анюя, но долго там не задерживаются и всегда спешат снова вернуться на Сукпай. От устья последнего Хор течет на юго-запад. На этом участке правый берег его гористый. Здесь можно отметить только два ручья Букгое и Кадаа, а с левой стороны — ручей Тынгыма и рядом с ним сопку того же имени, затем ключик Танда и небольшую речку Чукку. Далее Хор делает небольшие изгибы. К северу глубина его в среднем 2 метра и быстрота течения 9 километров в час. После юрт Чукку, расположенных недалеко от устья речки того же имени, с правой стороны описание местности идет в следующем порядке: небольшая речка Колами, затем долина сужается. Около ключика Чжуача Хор проходит в щехах. До ключика Актога правый берег нагорный и скалистый. Далее на протяжении 25 километров долина Хор значительно сужается и становится изломанной. То с одной, то с другой стороны реку подпирают скалистые сопки. После речки Актога справа впадает ручей Тулами, а в 6 километрах от него Хор опять проходит в щехах и делает длинную узкую петлю. Здесь стояли юрты Чжоннига и рядом с ними ключ, носящий то же название. Вниз по течению с правой стороны — скалистая сопка Билли и ключ Кимми. Затем долина вновь расширяется и река устремляется на юго-запад, принимая в себя еще два ключика Бионко и Безымянный. Чтобы познакомиться с географией левого берега, читателю необходимо вновь совершить плавание по Хору, начиная от речки Чукка. Справа

будут два ключа Сой и Чжувьма Адани, затем в начале узкого места долины горный ручей Ясыга, а против реки Кимми — ключ Киколю. В пяти километрах от поворота Хора на юго-запад есть опасный пережат, а ниже — большой камень по самой середине реки. Весь левый край долины гористый, причем гребень хребта, окаймлявшего долину с левой стороны, украшен скалами Яагу. Это место, где в Хор впадает река Капан, а против нее — ключик Бианко, о котором говорилось выше. Еще ниже, километрах в десяти, Хор принимает в себя большой приток Катэн. Последний при устье разбивается на два рукава, из которых западный, наиболее длинный, идет параллельно Хору и носит название протоки Хаде. Недалеко от этой протоки с юга подходит небольшая речка Оло. Как бы следуя указанному ею направлению, Хор делает поворот и тоже течет к северу на протяжении 10—12 километров. С крутых левобережных склонов сбегает ключик Пянг Кулукчи. Затем горы далеко отходят в сторону, и здесь правый берег делается гористым, а левый — низменным. Река Хор становится шире, глубже и разбивается на протоки. Она течет в строго широтном направлении, причем скорость течения ее увеличивается до 3,8 метра в секунду. С правой стороны в Хор впадают ключик Чжоо и речка Дукчи Си-лини, затем речка Уфа, ключики Имага, Сикин, Самагда и Янгу. Тут же находится протока Юмгма, немного ниже ее — второй опасный порог, а еще ниже — речка Дунгу. Здесь когда-то стояла кумирня и был последний китайский поселок, состоящий из двух фанз. Высокие скалистые сопки Анбан прорезываются руслами ключиков: Дальми, Унгуни, Дыльма, Сикчи и Кокуя. Здесь сопки кончаются. Хор выходит на равнину, имея направление течения к северу. Следуя принятому нами правилу, укажем сперва речки, ручьи и названия местностей с правой стороны, а потом — с левой стороны. У горы Анбан от Хора отделяется одна из самых больших проток. Вновь с рекой она соединяется ниже, километрах в двенадцати. Отсюда начинают часто встречаться столбы лесоустроителей с разными знаками и зимовья, сложенные из бревен. Хор несет свои воды среди большого смешанного леса со скоростью 162 метра в минуту при глубине до 4 метров по фарватеру. Миновав протоки Буо и Чжафкди, Хор делает крутой поворот на запад. Здесь в углу с правой же стороны широко

раскинулись 60 корейских фанз, носящих название селения Александро-Михайловского. Здесь же находится и переволок (Табань, Табаньдо) на Кию, которым пользуются туземцы, направляющиеся в сторону Хабаровска. Судя по тому, что долина Кии изрезана множеством протоков, стариц, вообще судя по тем следам, которые оставила здесь вода, видно, что эта река еще в недавнем прошлом была руслом Хора.

Читателю остается проследить только левый край долины Хора от того места, где Хор вышел из гор на равнину. Сначала Хор разбивается на две протоки, причем левая называется Чжигдыма, ниже — еще две протоки Большая и Малая Були и юрта Могочжи близ устья реки Мутен. Здесь последний раз к Хору подходят одинокие сопки Нита Фунеа ниже переволока, представляющие собой остатки более высоких гор, частью размытых, частью потопленных в толщах потретичных образований.

После переволока Хор течет на запад, каковое направление и сохраняет до впадения своего в реку Уссури.

С высоты птичьего полета бассейн реки Хора представляется лесистой горной окраиной. Наиболее ценной породой является кедр. Он занимает все возвышенные места по среднему течению до Чуина. По тенивым склонам гор произрастают: ель, пихта и каменная береза, а на солнцепеках — липа, дуб, клен и осокорь. Внизу около самой реки — поемные леса, состоящие из самых разнообразных хвойных и широколиственных пород с преобладанием ясеня, ильма, тополя, черемухи и тальника. Последние образуют густые заросли по галечниковым отмелям и островам.

От устья реки Чуина мы пошли вверх по Хору и через какие-нибудь 5—6 километров подошли к речке Сальму (Сниму), впадающей в него с правой стороны. В этих местах долина Хора не широка и окаймлена сопками, имеющими такое очертание, что сразу можно сказать, что слагаются они из пород, изверженных вулканами. Адресуясь к дневникам, я нашел в них под соответствующими номерами серый гранит.

Дальнейший наш путь шел по речке Сальму. Она имеет длину около 35 километров и имеет истоки на перевале между реками Хор и Мухенем, впадающем в Амур. Первые 5 километров она течет с севера на юг, потом километров на двадцать в широтном направлении, при этом ста-

новится очень извилистой и разбивается на мелкие проточки, совершенно недоступные даже для плоскодонных туземных лодок. Последние 10 километров Сальму снова склоняется к югу и впадает в Хор двумя рукавами. Долина Сальму непомерно широка. Гор за лесом не видно вовсе. Впрочем, раза два они подходят к реке пологими скатами. Лес березовый и лиственничный. Ближе к перевалу стали попадаться заболоченные мари, покрытые сухостойной лиственницей.

Дня через два мы подошли к перевалу. Речка, служившая нам путеводной нитью, сделалась совсем маленькой. Она завернула направо к северу, потом к северо-западу и стала подниматься. Подъем был все время равномерно пологий и только под самым гребнем сделался крутым. На перевале стояла небольшая кумирня, сложенная из тонких еловых бревен и украшенная красными тряпками с китайскими иероглифическими знаками. На вершине хребта лес был гораздо гуще. Красивый вид имеют густые ели, украшенные белоснежными капюшонами.

Надо было немного передохнуть. Пока мои спутники курили, я произвел измерение абсолютной высоты перевала и определил ее в 604 метра.

Спуск с водораздела в долину реки Садомабирани оказался гораздо круче, чем подъем с восточной стороны. Дорога, протоптанная соболевщиками и служившая нам нитью, была хорошо накатана, и это в значительной степени облегчило нам продвижение с грузовыми нартами.

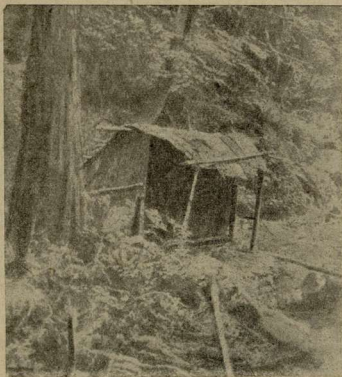
Для таких новичков, какими являлись стрелки, подъем на лыжах в гору был гораздо легче, чем спуск с нее. Для неопытного спортсмена даже небольшой уклон книзу всегда является причиной падения. Но перед нами был большой и крутой спуск, к тому же собаки имели нарты с грузом, которые напирала сзади и развивали все большую и большую скорость. Стрелки были в затруднительном положении. Уссурийские казаки подтрунивали над ними и давали советы, как быть. Мои спутники выпрягли собак, сняли лыжи, пустили нарты вперед и, сдерживая их на веревках, стали легонько спускаться вниз. Так сделали все, за исключением Марунича. Он решил спускаться на лыжах, а чтобы собаки не тянули вперед, он привязал их сзади, рассчитывая, что они будут сдерживать нарты, упираясь лапами в снег. Но получилось наоборот. Я в это время на-

ходилась внизу под перевалом, когда позади себя услышал все приближающийся шум. Я оглянулся и увидел Марунича. Стоя на лыжах и изо всей силы упираясь в дышло своей нарты, он стремглав несся книзу. Собаки вместо того, чтобы следовать за нартами, обежали его справа и слева и, напрягая все силы, вразяжку мчались вперед и тем еще более увеличивали скорость движения. Марунич несся вниз все быстрее и быстрее, что-то кричал, и нельзя было разобрать, кричал ли он от испуга, просил ли помощи или предупреждал, чтобы идущие впереди сторонились и давали ему дорогу.

Едва я успел отскочить в сторону, как он вихрем пронесся мимо меня, и вслед затем точно от взрыва кверху поднялось большое облако снежной пыли. Марунич с нартами врезался в мелкий ельник, собаки оторвались и побежали дальше. Такой спуск мог кончиться очень плачевно. Казаки бросили свои нарты и, ловко лавируя между деревьями, спешили к Маруничу на выручку. Когда я приблизился к месту катастрофы, то увидел нарты, лежавшие в снегу вверх полозьями, и вылезавшего из-под них злополучного Марунича. Он весь был в снегу, лицо его выражало крайнее недоумение. Видно было, что он сам не понимал, как попал в такое положение. Он ощупывал свою голову, руки, как бы желая убедиться в их целости. В это время прибежали остальные люди и окружили его. С хохотом они сравнивали себя с товарными поездами, которые становились на запасные пути, чтобы дать дорогу курьерскому поезду. Марунич не отвечал им. Он обтирал рукавом мокрое лицо и пробовал вытащить нарты из снега. В это время собаки его вернулись назад. Считая их главными виновниками своего падения, Марунич схватил палку и бросился было за ними вдогонку, но запутался в построках и опять упал в сугроб. Стрелки и казаки снова покатались с хохоту. Они помогли ему подняться на ноги, поймали собак и затем пошли за своими нартами, а я, гольд Косяков и Чжан-Бао пошли дальше.

За перевалом река Садомабирани начинается маленьким ручейком, текущим в западном направлении на протяжении 5 километров. Тут она сливается с другой такой же горной речкой, бегущей с северо-востока. Как раз у места слияния их мы нашли юрту и около нее семью удэхейцев. Туземцы укладывали нарты и, видимо, собирались куда-то

перекочевать совсем. На вопрос, кто они и куда собираются, мужчина ответил, что он с реки Хора, зовут его Миону из рода Кимунку, что живет он на реке Хор и прибыл сюда на соболевание, но тигры потаскали у него почти всех собак. Поэтому он решил уступить им свое место и уйти обратно на реку Хор. Я сказал удэхейцу, что буду здесь ночевать, и просил его остаться с нами для того, что-

Палатка в тайге.

бы завтра указать нам место, где чаще всего держатся полосатые звери, выжившие его с Садомабирани.

Туземная женщина, услышав, что муж ее согласился на мою просьбу, совершенно равнодушно и молча стала разбирать нарты и таскать имущество обратно в юрту. Когда подошли казаки, было как раз время для остановки на бивак. Все дружно взялись за работу: одни ставили палатку и налаживали печь с трубами, другие рубили дрова, третьи

резали траву для постелей, Марунич готовил обед. Когда начало смеркаться, я велел всех собак забрать внутрь помещения и всю ночь поддерживать костры на биваке, а сам вместе с Косяковым пошел в юрту удэхейца. Миону был мужчина лет тридцати восьми, невысокого роста, бедно одетый. Обветренное и загорелое лицо его и заскорузлые руки говорили о том, каким тяжелым трудом он добывал себе средства к жизни. В глазах его можно было прочесть тревогу и заботу, а в глазах жены — покорность судьбе.

Я стал его расспрашивать о реке, на которую мы вышли. Он сообщил мне, что все правые притоки верхнего Мухеня считаются хорошим охотничьим местом. Горы между Нефиксой и Мэка подвергались сильному разрушению, вследствие чего здесь образовалось много скал, имеющих причудливые формы. Это самое тигровое место в крае. Где бы они ни ходили, всегда туда возвращаются. Там они выводят и тигрят. Все охотники знают это, и потому никто не хочет соблаговолить около запрещенных скал. Тигр, который повадился у него таскать собак, пришел именно оттуда. Это очень дерзкий зверь. Сначала он посещал удэхейца ночью, а теперь повадился ходить и днем. Не позже, как сегодня утром, он унес еще одну собаку — пятую по счету. Теперь у Миону остались только две сучки и один щенок. Когда удэхеец закричал на тигра, он оцетинился, показал зубы, заревел и стал бить себя хвостом по бокам. Из этого удэхеец заключил, что ему с семьей грозит смертельная опасность. Он решил уйти обратно на реку Хор, оставив щенка в распоряжение царственного зверя.

Были сумерки, когда я вышел из юрты и направился к своему биваку.

После ужина я снова вернулся в юрту удэхейца. Ребятишки его уже спали, жена его готовила ужин, а сам он исправлял ремни у лыж. Я подсел к огню и стал расспрашивать его о страшных утесах Мэка. Миону некоторое время молчал, и я думал, что он не хочет говорить на эту тему, полагая, что я хочу взять его в проводники.

— Место совсем худое. Наши люди никогда туда ходят, — наконец ответил он.

С этого начался разговор.

Скалы Мэка считаются недосыгаемыми. Это пристанище чорта Онку. Там всегда завывает ветер. Проходящие

мимо люди постоянно слышат, как вверху кто-то свистит, иногда слышны голоса, шум лыж, удары топора. Вот почему скалы Мэка называются «Онку Чжугдыни», что значит — жилище злого духа Онку, или Амба Чжугдыни, потому что там всегда держалось много тигров. Они в качестве собак служат Онку и исполняют его поручения. И долго еще говорил мне этот человек про лесные страхи, которые все больше и больше разжигали мое любопытство. После ужина жена его тоже легла спать, а мы все еще сидели у огня и вели дружескую беседу.

Незаметно разговор перешел на другие темы. Миону спрашивал меня о том, как живут туземцы на берегу моря, и вспоминал кое-кого из своих старых знакомых.

Затем мы как-то оба замолчали. Я перенесся мыслями в прошлое и вспомнил свое длинное путешествие через Сибирь, когда ехал на Дальний Восток. Миону тоже о чем-то задумался и молча смотрел на огонь.

Вдруг он вздрогнул, на лице его выразился испуг. Я видел, как он побледнел и приложил дрожащую руку ко лбу.

— Что случилось? — спросил я его в тревоге.

— Куты мафа (тигр) близко ходи есть, — прошептал он чуть слышно.

Я прислушался, но ухо мое не уловило ни малейшего шороха. Тогда я взял ружье и вышел из юрты.

Была светлая ночь. Луна более полная и яркая, чем накануне, только-что скрылась за тучкой, нашедшей на нее с северо-запада. Порой она показывалась на мгновение, и тогда казалось, будто облако стоит на месте, а месяц бежит сквозь него в другом направлении. В кротком сиянии звезд на небе, в чистом морозном воздухе и в беззвучном движении воды в польнье — всюду царило невозмутимое спокойствие. Река казалась широкой белой аллеей, обсаженной по сторонам высокими старыми елями и уходящей в глубь леса. В нашей палатке было темно, из чего я заключил, что там уже все спали. От притухших костров кверху вздымались дымки тонкими струйками, пахло гарью.

Я осмотрелся и прислушался, но кругом царило полное безмолвие. Такая тишина кажется подозрительной. По ту сторону реки стеной стоял безмолвный лес, озаренный лунной. Как-то даже не верилось, что в природе может быть так тихо. словно весь мир погрузился в глубокий сон.

Я возвратился в юрту и сказал Миону, что не заметил ничего подозрительного. На это он мне ответил, что хотя я и не видел и ничего не слышал, но все-таки тигр был поблизости. Все люди знают, что если человек вдруг испугался без всякой видимой причины, значит страшный зверь подошел к его жилищу.

Тогда я сказал, что можно один или два раза выстрелить в воздух или бросить несколько головешек в сторону леса. Он ответил, что это не поможет. Тигр отойдет на время, потом снова явится, и тогда будет еще хуже.

На другой день я не хотел рано будить своих спутников, но когда я стал одеваться, проснулся Глегола и пожаловал итти со мною. Стараясь не шуметь, мы взяли свои ружья и тихонько вышли из палатки. День обещал быть солнечным и морозным. По бледному небу протянулись высокие серебристо-белые перистые облака. Казалось, будто от холода воздух уплотнился и приобрел неподвижность. В лесу звонко шелкали озябшие деревья. Дым от костров точно туман протянулся полосами и повис над землей.

Миону был на ногах. Жена его готовила завтрак, сам он чистил ружье, а ребятишки играли костями рыси. Во время еды он сказал, что проводит нас только до того места, где обыкновенно держится тигр, а затем вернется назад и, не дожидаясь нашего возвращения, пойдет на реку Хор. Я знал, что отговаривать его было напрасным трудом, и потому сказал ему, что хорошо помню свое обещание не задерживать его дольше полдня.

Когда все было готово, мы надели лыжи и пошли вслед за нашим провожатым. Он направился по протоке вдоль обрывистого берега, поросшего вековым лесом. Во многих местах яр обвалился и обнажил корни деревьев. Одна ель упала. При падении своем она увлекла большой кусок земли. Здесь по снежному сугробу шла хорошо протоптанная тропа.

— Ни одного человеческого следа нет — все тигровые, — сказал Миону, указывая на тропу.

Видно было, что зверь ходил здесь очень часто. Тропа была хорошо утоптана и тигровые следы блестели так, как будто они были проложены по мокрому снегу и затем замерзли.

Стоило только насторожить здесь ружье или само-

стрел, чтобы нанести зверю тяжелую рану, но удэхеец предпочитал уступить ему не только место, но и всех своих остальных собак.

Отсюда мы начали подъем в гору. Снег в лесу не был достаточно глубок, и потому все валежины на земле отмечались тенями, которые то розовели, то синели, в зависимости от того, как высоко поднялось солнце над горизонтом. Также синела и тигровая тропа, пока не разбилась на несколько следов. Один был совсем свежий. Удэхеец оказался прав: ночью тигр, действительно, подходил к его жилищу. Я обратил внимание на то, что следы были не одинаковой величины. Очевидно, Миону навещал не один зверь, а два, так как следы шли вразброд и часто навстречу один другому, значит тигры охотились за собаками каждый сам по себе. Мы взяли свежий след и прошли по нем с версту. Он направился в гору и завел нас в непролазный бурелом, заросший молодым ельником. Там мы нашли совершенно свежую лежку. Тигр лежал на боку, закинув голову вверх. На снегу получился точный его позитив: голова с ушами, шея, корпус и вытянутые лапы. Лежа, он легонько помахивал хвостом и разбросал снег в стороны. Разбираясь в следах, мы установили, что он вдруг чего-то испугался и, вскочив на ноги, некоторое время стоял неподвижно, потом отбежал немного и опять остановился. Вероятно, мы были причиной его испуга. Как ни осторожно мы шли, но все же шум от лыж в тихом морозном воздухе должен был быть слышен на довольно большом расстоянии. Тут Миону остановился и заявил, что дальше он не пойдет, и посоветовал нам быть осторожными, так как тигр понял, что его выслеживают. После этого он повернул назад, а мы пошли дальше по следу. Тигр сделал большой круг в направлении к реке Садомабирани. Но вот след пересечен один раз, другой. Нам стало ясно, что тигр хочет обороняться и напасть на своих врагов из-за угла. Тогда я решил оставить опасную игру и идти прямо на бивак.

Вскоре мы нашли лыжню, принадлежавшую Миону. Он почему-то бросил старую дорогу и пошел под гору целиною.

На биваке я застал только одного Марунича. На вопрос, где остальные люди, он ответил, что все пошли на охоту вверх и вниз по реке.

Около юрты удэхейцы торопливо укладывали нарты. Я подошел к Миону. Он был не в духе. Из расспросов выяснилось, что он едва не поплатился жизнью за то, что ходил с нами по тигровому следу. На обратном пути как-то вышло так, что «куты мафа», т. е. тигр, путая следы, оказался недалеко от старой лыжни. Услышав приближение удэхейца, он пришел в ярость. Миону видел, как он залег на буреломе и ждал приближения двуногого врага. Тогда удэхеец круто свернул в сторону и очень быстро спустился с горы в долину Садомабирани.

Я сказал, что он упустил удобный момент для выстрела, но, по мнению удэхейца, лучший способ отделаться от страшного зверя — это уступить ему дорогу.

Когда нарты были уложены, Миону привязал щенка к дереву, запряг двух взрослых собак и пошел по нашей дороге вверх по реке Садомабирани. Жена его стала палкой подталкивать нарту сзади, а ребяташки на лыжах пошли стороной. Щенок, которого Миону отдавал тигру, наострил свои ушки и затем, повернувшись задом, изо всей силы стал тянуться на ремешке, стараясь высвободить голову из петли.

Марунич подошел к щенку и, отвязав ремешок, на руках отнес в нашу палатку и накормил его кашей. Щенок как-то сразу освоился с новой обстановкой и через полчаса уже заигрывал с какой-то собакой, но той не нравилась фамильярность молокососа, она долго ворчала и скалила на него зубы.

Незадолго до сумерек возвратились стрелки и казаки с охоты. Все они видели тигровые следы. Глегола подстрелил одну кабарожку. Это было как раз кстати, потому что каша нам надоела и всем хотелось мясного. К вечеру мороз усилился. В нашей палатке было очень уютно. Дыскрасна раскаленная печка распространяла кругом тепло. На ней шумел чайник. Казаки поправляли ремешки у лыж и делились свежими впечатлениями, смеялись, вспоминали спуск Марунича с перевала, а я делал записи в путевой дневник. Щенок пробрался в палатку, стрелки гладили его, тормозили за уши, а он шалил, валялся на спине и легонько кусал им руки.

Так как место это было опасным, то мы решили установить очередь для окарауливания бивака. Один раз ночью собаки подняли большой шум. Мы забрали их всех в палатку и развели большой костер.

Лишь только начало светать, Марунч разбудил меня. Я произвел метеорологические наблюдения и приготовил планшет для съемки, а когда утренний завтрак был готов, мы вдвоем стали будить разоспавшихся стрелков и казаков.

Наши утренние сборы заняли времени не больше одного часа. Каждый знал, что ему надо делать: движенья каждого человека были согласованы, и потому уборка палатки и укладка походной печки, увязка нарт и запряжка собак делались всегда без лишней проволоочки.

Когда собаки были запряжены, курильщики, как всегда, побежали к костру, чтобы закурить на дорогу. Затем надев на себя лямки и прикрикнув на собак, стрелки и казаки друг за другом гуськом тронулись в путь.

Отойдя от бивака шагов полтораста, я оглянулся назад и увидел тонкую струйку дыма, поднимавшуюся от костра сверху.

Начало съемки всегда отнимает несколько больше времени, чем производство ее в пути. Надо выверить шагомер, взять обратный азимут на последний отрезок вчерашнего пути, надо взять пеленги на видимые высоты и т. д. Когда я кончил проделывать все манипуляции, я вдруг вспомнил, что забыл в биваке барометр. Ничего не оставалось больше делать, как вернуться назад. Стрелки и казаки ушли уже порядочно вперед. Я не стал их окликать в надежде, что догоню на первом же перевале.

Когда я подходил к биваку, мне показалось, что что-то большое желтое быстро мелькнуло в кустах.

Я остановился и прислушался, но так как ничего подозрительного не видел, то решил, что мне это показалось. Времени нельзя было тратить даром, я подошел к дереву, на котором висел барометр, снял его с дерева и стал надевать себе на шею, для чего снял шапку, но нечаянно выронил ее из рук. Нагибаясь к земле за шапкой, я увидел на снегу отпечатки больших тигровых лап. Сознание своего одиночества в присутствии такого страшного и дерзкого зверя наполнило мое сердце страхом. Я поспешно сунул барометр в боковой карман, надел шапку и, постоянно оглядываясь, пошел по нартовой дороге. Я не бежал, шел спокойно, держа указательный палец на спуске затвора своего ружья. Потом я прибавил шагу и через несколько минут достиг поворота реки.

Долина расширилась. Вдали около второго поворота я

увидел стрелков и казаков. Чувство страха оставило меня, и я спокойно приступил к съемке.

Долина Садомабирани залегает между двух отрогов Харского хребта, идущих в широтном направлении. В обнажениях виден все тот же гранит и изредка встречается какой-то плотный песчаник. Долина Садомабирани, пока она течет в горах, покрыта великолепным лесом, состоящим главным образом из кедра с небольшой примесью других хвойных деревьев. В верхнем течении Садомабирани разбивается на столь мелкие протоки, что кажется, будто вода прямо идет по лесу и вовсе не имеет русла. Она просачивается между корнями деревьев, исчезает среди каменистых россыпей и потом вновь появляется на дневную поверхность.

Как только река выходит из гор, хвойно-смешанные леса кончаются, и на сцену выступают широколиственные леса, состоящие из дуба, березы, осины и прочих пород. Здешняя осина имеет столь светлую кору, что я сначала принимал ее за березу и, только подойдя вплотную, заметил свою ошибку. Ближе к устью лес начинает редеть. Все чаще и чаще появляются заболоченные полянки, число и размеры их все увеличиваются и наконец становятся преобладающими.

Самым верхним притоком Мухеня будет речка Алчи. Около устья ее есть выходы бурого угля на дневную поверхность. Алчи осталась у нас правее и сзади.

Немного шире Садомабирани в Мухень впадает с той же стороны (правой) еще две речки Нефикца и Мэка, что значит «чорт». Последняя получила свое название от скал, находящихся в ее верховьях, служащих якобы местом обитания злых духов. Все перечисленные четыре речки заслуженно считаются зверовыми. В вершинах их живут лоси, ниже изюбры и кабаны.

Леса в верховьях Мухеня довольно богато населены пернатыми. Я видел ворон, дятлов, поползней и снегирей. Они наполняли лес криками и ударами клювов по стволам сухостойных деревьев. Вороны и ронжи при нашем приближении улетали прочь, дятлы прятались за ветвями и только одним глазом поглядывали на проходящих людей. Только поползни и снегيري держали себя независимо и свободно, даже в тех случаях, когда мы подходили к ним совсем близко.

После принятия в себя Нефикцы Мухень становится чрезвычайно извилистым. Ничтожный склон долины, медленное течение — все это характеризует старческий возраст реки.

С левой стороны против Мэка и Нефикцы расстилаются болота, покрытые сфагновым мхом и поросшие редкой лиственницей. Гари где-то далеко синеют вдали.

Еще ниже Мухень принимает в себя с левой стороны приток Пунчи и два ключика Дай Холга и Нючь Холга с ржавою болотною водою. Может быть, это обстоятельство и является причиной того, что в Мухень идет мало кеты. Зато он богат частичковой рыбой всевозможных пород, начиная от максунов и кончая карасями.

В нижней части Мухень пролегает среди обширных низменных пространств, кочковатых и заболоченных. Древесная растительность встречается только группами по рекам, потом исчезают и одиночные деревья и на сцену выступают ольховники и тальники, имеющие вид высокоствольных кустарников, которые как бордюрами окаймляют берега реки, ее притоков, стариц, заводей и слепых рукавов.

Пять дней мы шли по реке Мухеню, следуя всем ее изгибам, которые удлиняли наш путь по крайней мере в два или три раза. Во время пути мы кормили собак два раза в день: немного утром, перед выступлением в поход — сухой рыбой и затем вечером на биваке — жидкой гречневой или чумизной кашей, сваренной с юколой. Сначала они неохотно ели кашу, и это вынуждало нас прятать от них на деревья наши лыжи, обтянутые кожей, ремни, обувь и прочее имущество, иначе все это было бы сразу съедено.

На Мухене у нас пала одна собака. Я велел оттащить ее немного в сторону и бросить в кусты. Вскоре мы стали биваком.

Вечером собаки вели себя беспокойно. Они грызлись друг с другом и рвались с привязи. На другой день утром обнаружилось исчезновение двух собак. Я думал, что они убежали совсем, но незадолго перед выступлением в поход обе беглянки вернулись. Они облизывались, и животы их были вздуты.

— Где они кормились? — спросил удивленно Крылов.

— Собака собаку всегда кушай, — отвечал Чжан-Бао.

Желая удостовериться в этом, я надел лыжи и вместе

с Крыловым сбегал туда, где была брошена дохлая собака. Действительно, она оказалась съеденной более чем наполовину. На снегу виднелись собачьи следы, они шли от нашего бивака и обратно на бивак.

Мы поняли, что на длинные переходы можно брать больше ездовых собак. По мере того как число нарт будет сокращаться вследствие расходования продовольственных грузов, слабых собак можно убивать и кормить наиболее молодых и сильных животных.

Река Мухень привела нас к реке Немпту, в которую она впадает с правой стороны. Еще 6 километров, и мы дошли до устья последней.

Река Немпту берет начало с Хорского хребта и имеет в длину около 200 километров. В верховьях она захватывает истоки Мухеня и состоит из двух речек, протекающих по узким долинам среди скал. По словам туземцев, там много всякого зверья, в том числе и тигров. После слияния Немпту склоняется к северо-востоку. Долина реки завалена большими камнями, промежутки между которыми заполнены вязкой глиной. Километров через двадцать Немпту поворачивает к северу. Это направление она сохраняет очень долго и по пути принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — Си, Дайхео, Темсо и Боянсор, а с правой — Анхалга, Юшки, Полян, Осима и Мухень. По выходе из гор река начинает делать меандры и чем дальше, тем больше. В некоторых местах во время большой воды река сама выпрямляет свое русло и входы в старицы заносит илом и песком. Так образовалось множество заводей, слепых рукавов, длинных озерков, которые сопровождают реку с обеих сторон. Не доходя километров пятнадцати до озера, Немпту делает крутой поворот к востоку, затем еще раз меняет направление на северо-восточное, которое и сохраняет до конца. Течение ее медленное, вода тепловатая, ржавого цвета. Немпту впадает в озеро Синдинское и при устье образует множество островов, которые становятся все ниже и ниже, наконец сравниваются с горизонтом воды и превращаются в мели.

Само озеро имеет неправильно округленную форму, суженную с севера и расширяющуюся на юге, с небольшим заливом с западной стороны. Древний его берег восточный. В недавнем прошлом (в геологическом смысле) все пространство, занимаемое реками Немпту (до притока Анхалга)

и Мухень (до притока Мэка), представляло собой обширное водное пространство; только плоские возвышенности Аур и Мухеньский увал казались островами, покрытыми древесной растительностью. В это древнее озеро впадало множество мелких речек, составляющих ныне притоки Мухеня и Немпту. С течением времени громадный водоем заполнялся выносами рек, в него впадающих. Заболоченная низина, о которой здесь идет речь, не высохла и по сие время. Гумусовый горизонт нарастает чрезвычайно медленно. Берега возвышаются над уровнем воды в реке не более как на 25—75 сантиметров, и потому в дождливое время года все низменные места, все едва заметные для глаза углубления снова заполняются водою. Особенно большие болота располагаются около южной стороны Синдинского озера. Ныне оно имеет в ширину 5 километров с глубиной по фарватеру от 1½ до 3 метров. Странно звучит слово фарватер на озере, а между тем это так. Наиболее глубокие места его узкой полосой проходят сначала у восточного, а потом у западного берега. Особенно мелководна юго-западная часть этого исчезающего водоема, где глубина не превышает 6 сантиметров.

Было бы ошибочно думать, что озеро питается водою только из рек Мухеня и Немпту. Повышение уровня воды его зависит и от Амура. И в этом случае наблюдается уже знакомый нам процесс засорения озера песком и илом. В ненастное время года мутная амурская вода входит в спокойное Синдинское озеро и отдает ему тот материал, который находится в ней во взвешенном состоянии.

С Амуром Синдинское озеро соединяется двумя рукавами. Один — наиболее длинный и узкий — направляется на запад к селу Сарапультскому, а другой — короткий и широкий — впадает в так называемую Синдинскую протоку.

Кроме Немпту в озеро впадают еще две маленьких речки, с юго-запада — Бухта и с юго-востока — Тон. Между этой последней и рекой Немпту образовалось еще маленькое озеро Доцен, соединяющееся несколькими протоками как с обеими названными реками, так и непосредственно с озером Синда.

День был уже на исходе. На западе пламенела заря, когда мы поровнялись с лысой горой Кадар на правом возвышенном и лесистом берегу озера. Освещенные закатны-

ми лучами, покрывающие ее снега окрасились в нежно-розовые тона.

Место для ловли рыбы, сушилка, составленные лодки на берегу и т. д. — все указывало, что где-то недалеко есть люди. Собаки тоже, как бы почуяв близость человеческого жилья, пошли бодрее. Вот и дорога, вот и свежие следы лыж. Кто-то недавно рубил дрова. И действительно, едва мы вышли на Синдинскую протоку, как увидели с правой стороны огоньки. Это было гольдское селение Люмоми.

Мужчины все ушли на охоту, дома остались старики, женщины и дети. Выбрав одну из фанз побольше, я постучался в дверь. Из нее вышли две женщины. Узнав, что мы пришли издалека, они пригласили нас к себе и стали помогать распрягать собак.

Через час мы сидели на теплых канах, сбросив с себя обувь и верхнюю одежду. Женщины угощали нас чаем, мучными лепешками с сухой рыбой. Мы решили никуда дальше не идти и отдохнуть в селении Люмоми как следует.

Дальнейший наш путь шел к верховью Анюя и по реке Копи к морю.

Обычно таяние снегов в бассейне правых притоков Анюя происходит чуть ли не на месяц раньше, чем в прибрежном районе. Уже в конце февраля стало ощущаться влияние весны. Снег сделался мокрым и грязным, в нем появились глубокие каверны. Днем он таял и оседал, а ночью смерзался и покрывался тонкой ледяной корой.

Я опасался распутицы: мне казалось, что реки будут в таком состоянии, что я не смогу двигаться ни на лодках, ни с нартами. Но старики гольды говорили, что Анюй всегда раньше вскрывается в нижнем течении и что в верховьях будет хорошая санная дорога, а по ту сторону водораздела мне придется воду добывать из прорубей.

Тогда я вспомнил значение Сихотэ-Алиня, протянувшегося параллельно берегу моря, и, приняв во внимание затяжную весну на восточном его склоне, велел своим спутникам готовиться к походу.

Глава XIV

ОПЯТЬ К МОРЮ

Двадцать седьмого февраля мы расстались с Люмоми и через двое суток дошли до другого селения — Найхин, расположенного около устья Анюя. Здесь я остановился у старого своего приятеля гольда Николая Бельды. Он сообщил мне, что по Анюю сообщение не сегодня-завтра должно прекратиться и будет лучше, если я спущусь по Амуру до речки Гяу, затем, пойдя по ней до истоков, перевалю на реку Мыныму, поднимусь по этой последней и через второй небольшой перевал выйду на Анюю около местности Улема. Это — обычный путь запоздавших гольдов-соболевщиков в том случае, когда им надо возвращаться из прибрежного района на Амур. Я мог встретить их на пути и воспользоваться проложенною ими дорогой. Надо заметить, что в Уссурийском крае снега обычно выпадают во второй половине зимы. Совет Николая Бельды был очень разумен, и я решил им воспользоваться.

Все пространство между устьем реки Анюя и высотами, на которых расположено село Троицкое, и все острова, прилегающие к этому берегу, в основании своем слагаются из окатанной речной гальки, тогда как все берега Амура состоят из ила и песка; это свидетельствует о том, что весь правый берег Амура, о котором здесь идет речь, намыт рекой Анюем. В недавнем прошлом она имела устье значительно ближе к селу Троицкому. Можно проследить, как Анюю постепенно перемещал русло к юго-западу, пока не дошел до возвышенного берега около гольдского селения Найхин. Ныне он стал заносить галькой и Амурскую протоку Дырэн. В недалеком будущем она тоже обречена на исчезновение. Тогда Анюю проложит себе новое русло где-нибудь около селения Торган и, может быть, смочет самый Торганский остров.

Речка Гяу протекает по одной из таких старых протоков Анюя. Она имеет длину около 10 километров и берет начало с горного хребта Мыныму, который хорошо видно с Амура. Увалы между многими селениями и старицами Анюя покрыты редколесьем, состоящим из липы, ильмы и дуба. Хребет Мыныму расположен в направлении от юго-запада к северо-востоку. Одним концом он подходит к Анюю. Отсюда к северу отделяется от него длинный отрог, соединяющийся с высотами селения Троицкого.

Река Гяу привела нас сначала к этому отрогу. Перейдя его, мы попали в марь. Судя по растительности, она должна быть заболоченной. Дальнейший наш путь пролегал к югу через невысокую седловину между хребтом Мыныму и упомянутым отрогом. Тут за сопками поблизости протекала и сама река Мыныму. Истоки ее находятся в горах, служащих водоразделом между ним и бассейном Гобилли. Она течет с северо-востока по сравнительно узкой горно-лесистой долине. Один из притоков ее близко подходит к Анюю. Их разделяет только невысокая сопка Амбанку Хоянбекчи. Здесь и есть тот переволок, о котором мне говорил Николай Бельды.

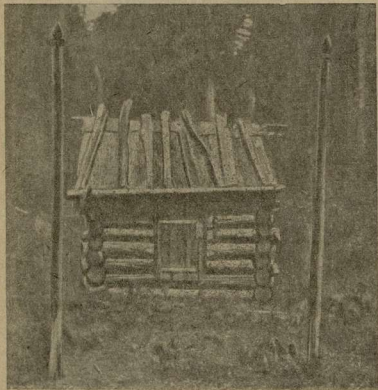
В 1909 году старики туземцы предсказывали раннюю весну. Действительно, в конце февраля началось уже таяние снегов. Горные ручьи как-то сразу наполнились водою, вешние реки, казалось, находились в состоянии покоя, но из-под льда доносился шум, похожий на отдаленный гром. Слышно было, как он дрожит под напором быстро бегущей под ним воды. Местами лед стал подниматься кверху и взламываться у берегов, всюду появились проталины. Посредине реки лед был прочный, но в тех случаях, когда необходимость заставляла приближаться к берегу, надо было идти с палкой в руках. Вообще реки Анюю, Мыныму плохо замерзают, во многих местах круглую зиму стоят открытые полыньи. Гольды объясняют это обилием рыбы, которая якобы гуляет, дышит и не дает воде замерзнуть как следует.

Но как только подул холодный северо-западный ветер, лед на реке немного окреп. Это в значительной степени облегчило наше путешествие.

Одиннадцатого марта мы достигли перевала на Анюю. Здесь мы застали семью удэхейцев, состоящую из двух мужчин, двух женщин и мальчика девяти лет.

В этот год на Анюе было много тигров, которые вели

себя крайне дерзко и подходили близко к человеческим жилищам. Недели за две до нашего прихода один зверь проявил удивительную назойливость. Чуть ли не ежедневно он навещал удэхейцев и часто среди белого дня. Туземцы сначала убеждали его оставить их в покое, потом грозили ему копьями и огнестрельным оружием, шаманили по ночам

Кумирня орочей на Аниое.

и просили Буйнь Ацзани (хозяина зверей) отозвать «свою собаку» обратно. Ничего не помогало. Тигр ходил по другому берегу реки, ложился на льду против юрты, зевал и пугал людей. Тогда удэхейцы поняли, что страшный зверь самовольно ушел от своего хозяина, что он не подчиняется ему и потому убий его не ляжет тяжким грехом на них.

Однажды вечером одна из женщин хотела было выйти из юрты за водой. Это было как раз во время полнолуния. Едва она приоткрыла дверь, как увидела полосатое чудо-

вище совсем близко от жилища. Она быстро захлопнула дверь. Тогда один из удэхейцев проделал ножом отверстие в корье юрты и сквозь него выстрелил в тигра. Зверь упал, но тотчас поднялся и пополз по льду реки. Наутро его нашли издохшим около другого берега. Удэхейцы прикрыли его снегом и по сторонам выставили два кола со стружками, чтобы дать знать проходящим людям, что место это запретное, а сами отошли немного ниже по течению, где я и застал их всех в сборе.

Узнав об этом, я на другой день отправился к тому месту, где лежал тигр. Это был великолепный рослый самец, но с бледной окраской и редкими крупными черными полосами на задней части тела. К сожалению, шкура его погибла совсем, шерсть из нее лезла большими клоچьями. Я хотел было взять скелет животного, но мои намерения взволновали удэхейцев. Они говорили, что делать этого нельзя, потому что им житья не будет от других тигров, которые станут мстить за надругательство над одним из их сородичей. Дня через два я все же отправился к мертвому зверю, но, к сожалению своему, уже не нашел его совсем. На том месте, где лежал тигр, была большая промоина: темная вода быстро и бесшумно бежала под лед. Это обстоятельство убедило туземцев, что Буйнь Адзани не допустил кощунства над своей собакой, хотя бы и вышедшей из повиновения.

Распроставшись с удэхейцами, я отправился через переволок на Анюй. В этот день утром мы имели случай наблюдать интересное оптическое явление. Сибиряки называют его «солнцем с ушами» и говорят, что оно предвещает морозы.

Часов в десять утра, когда дневное светило поднялось над горизонтом градусов на десять, справа и слева от него появилось два радужных светящихся пятна и от них в сторону протянулись длинные лучи, суживающиеся к концам. Одновременно над солнцем появилась радуга, обращенная выпуклой частью к горизонту, а концами — к зениту. День был морозный, тихий, небо безоблачное, деревья сильно заиндевели.

На другой день 15 марта явление повторилось, но было еще эффектнее. Утром был легкий туман, а на небе тонкая паутина перистых облаков. Вокруг солнца сперва появились два концентрических радужных круга. От вершины внут-

ренного круга отделилась радужная дуга, тоже обращенная концами кверху. На этот раз кроме действительного солнца было два ложных по сторонам и одно внизу. От боковых светящихся пятен вправо и влево потянулись лучи, которые все удлинялись до тех пор, пока не соединились, образовав по всему небу гигантский круг, пераллельный горизонту. Затем появились еще дополнительные дуги, образовавшие ряд красивых сплетений; места пересечений их тоже издавали довольно яркий свет. Положение кругов не менялось, но одни из них блекли, другие же становились более яркими. К полудню на небе осталось одно только галло с внешней ахроматизацией. Я ждал снега, но вышло наоборот. Небо совершенно очистилось от перистых облаков. Ночью звезды сильно мерцали. Снег хорошо занастился. Несколько дней подряд держалась тихая солнечная погода.

Перейдя через гору Анбанку Хоябекчи, мы вышли как раз к местности Улема на Анюю, где я решил сделать дневку и астрономически определить точку своего стояния. Место для наблюдений было выбрано на гальке, а шатер был поставлен несколько в стороне в лесу, где не так было ветрено. Я не стал терять времени и, воспользовавшись хорошей погодой, дважды произвел поправки хронометра и взял несколько высот до и после кульминации. Во время наблюдений в трубу инструмента на солнце были видны три пятна, расположенные наискось в одну линию. Самое большое пятно было верхнее, меньшее — среднее и самое маленькое — нижнее. Большое пятно можно было наблюдать даже просто сквозь дымчатое стекло.

На другой день мы на большом дереве вырезали надпись «20 марта 1909 г. Астрономический пункт. В. К. Арсеньев».

Когда все было закончено, я сделал распоряжение готовиться к походу вверх по Анюю, но в это время случилось происшествие, задержавшее нас в Улеме еще четверо суток.

День выдался на редкость хороший: было тихо, светло и в меру холодно. Живительный прохладный воздух подбадривал, но не знобил, дышалось легко, и на душе было весело. Пока стрелки готовились к походу, я с Крыловым, захватив с собой собаку Кады, отправились на разведки.

В местности Улема весь правый берег Анюя на небольшом протяжении представляет собой низменное пространство, изрезанное бесчисленным множеством мелких проток

и стариц. Рывтины, ямы и канавы встречались нам чуть ли не на каждом шагу, они соединялись друг с другом, сходили на-нет и пересекались под различными углами. Прибавьте к этому пригнутые к земле и обезображенные наводнениями деревья, кусты, росшие в беспорядке, и завалы колдника вперемешку с мусором, нанесенным сюда водою, и вы получите полное представление поемного леса, около которого мы встали биваком.

Удэхейцы сказали правду. Здесь оказалось так много тигровых следов, что можно было подумать, будто они все, сколько их есть в Уссурийском крае, собрались на Анюй для зимовья. Однако скоро я заметил, что всего было только два следа: один большой — старый, другой поменьше — свежий. Следы шли вдоль по рывтинам и каналам в ту и другую сторону, шли поперек, делали круги и возвращались обратно. В одном месте мы натолкнулись на совершенно свежий след зверя. Крылов спустил собаку с поводка, но она не бросилась вперед, а, глубоко уткнувшись носом в снег, принялась обнюхивать каждую травинку, мимо которой мы проходили. Через минуту Кады опять пошла по рывтинам весьма осторожно, затем остановилась и стала прислушиваться. Раза два она ложилась на брюхо, поджав под себя задние ноги и вытянув вперед передние лапы. По тому, как вела себя собака, и по настороженным ушам видно было, что она что-то учуяла. Нервное настроение собаки передалось и нам, и я не был уверен, что если бы в эту минуту выскочил тигр, то стрелял бы в него спокойно. Кады не решалась итти вперед, и мы тоже замерли на месте в томительном ожидании. Наконец Крылов не выдержал. Он подошел к собаке, осмотрелся и погладил ее. Она не шелохнулась. Тогда мы оба перешагнули через нее. Кады тихонько встала и поплелась сзади. Пройдя шагов с десяток, Крылов пропустил собаку вперед, но через несколько сот шагов она опять остановилась. Прижав уши, она стала озираться по сторонам, потом вдруг поднялась и торопливо побежала назад. Обойдя Крылова, Кады плотно прижалась к моим ногам. Я стал гладить ее и почувствовал, что она дрожит.

Значит, тигр где-то поблизости.

Любопытство и страх наполнили мое сердце. Оно усиленно билось, и мне казалось, что я слышу каждый его удар. Волнение сказалося и на дыхании. Мы оба замерли на сво-

их местах, напрягая слух и зрение, но ни малейший шорох не нарушал глубокой тишины леса. Вдруг в тайге гулко щелкнуло мерзлое дерево. Словно электрический ток пронизал меня от головы до ног. Крылов круто повернулся в сторону шума, собака вздрогнула и еще больше стала жаться к людям. Прошло некоторое время, прежде чем мы поняли, что это была шутка мороза. В это время Кады снова пошла вперед. Мы последовали за ней. Она вела себя очень странно, шла по кривой и заглядывала в середину пространства, которое обходила по спирали. Это обстоятельство заставило нас удвоить внимание. В центре круга, который мы описывали, находился огромный тополь, росший в сильно наклонном положении. Можно было подумать, что он лежит на земле. Около тополя снег был примят, местами изрыт, а в пространстве между деревом и землей что-то виднелось. Некоторое время мы стояли в нерешительности. Под ногу мне что-то попало, я нагнулся и поднял замерзший клубень корневища папоротника. Крылов взял его и бросил по направлению к тополю, но там было попрежнему тихо. Тогда мы направились к дереву смелее.

Это было логовище тигра. Тополь оказался дуплистым по всей длине, причем открытая часть дупла была обращена к земле. Снегу под ним не было вовсе, а сухая трава сильно примята; кругом и в особенности в самом логовище валялось много перегрызанных костей. Видно было, что полосатый хищник долго пользовался этим логовом. На соседнем дереве на высоте, которую я едва достал концом ружья, виднелся ряд продольных царапин. Я обратил внимание Крылова на ободранную кору. Я живо представил себе картину, как тигр вышел из логовища, зевнул, посмотрел вправо и влево, потом поднялся на задние лапы, оперся передними в дерево и, выгнув спину, стал расправлять свои когти.

На снегу около тополя было много старых следов — больших и малых. Значит в логовище ютился сперва один тигр, потом он ушел, а его место занял другой зверь, помоложе. Было неизвестно только, ушел ли тигр сам на охоту или мы спугнули его. Вероятно, он ушел сам, иначе он не упустил бы случая поживиться собакой, которая сама пришла к его жилищу.

Осматривая следы, Крылов удалился немного, а я остался на месте, и чем дольше я оставался один, тем страшнее

казалась мне вся обстановка. Мне казалось, что страшный зверь возвращается к своему логовищу и, увидев около себя человека, сначала останавливается и смотрит в недоумении, потом ползет на брюхе вот именно по этой самой рытвине, что находится сзади. Вдруг какой-то шум заставил меня вздрогнуть и повернуться назад. На соседнее дерево села ворона. Через минуту возвратился Крылов, и мы пошли обратно по своим следам.

Над сумрачным лесом раскинулось бледное зелено-голубое небо, окрашенное на западе в желтые и оранжевые цвета; кругом стало как-будто еще тише, белый снег немного порозовел, стало заметно холоднее.

Скоро мы выбрались на протоку, но по ошибке пошли не в эту сторону и вышли на Анюю на полверсты выше того места, где мы расположились биваком.

На душе сразу стало легче: лес — предательский, полный опасностей, — остался позади, а впереди расстилалась широкая полоса реки, покрытая снегом. Закат уже начал темнеть, кое-где на небе замигали первые звезды, на смену усталому дню на землю торжественно спускалась ночь.

Через полчаса мы подходили к биваку. Там все было в порядке: палатка поставлена, из трубы ее вместе с дымом вылетали искры, а рядом с нею на подстилках из хвои и сухой травы отдыхали ездовые собаки; очередной артельщик готовил ужин.

Вечером я занялся дневниками, потом сделал необходимые распоряжения и рано лег спать.

Ночью я проснулся и, открыв глаза, увидел сияние звезд через окна палатки. Царившая кругом тишина нарушалась чьим-то легким храпом, да слышно было, как ворчали две неполадившие между собой собаки; потом они, видимо, разошлись, и тогда вновь воцарилось спокойствие. Минут через пять я уснул вторично. Вдруг меня разбудил сильный шум. Я вскочил на ноги, мои спутники тоже проснулись и недоумевающе смотрели по сторонам. Снаружи были слышны визг, лай и вой. Собаки как сумасшедшие рвались на своих поводках. Марунич, Глегола и Вихров наскоро надели сапоги и выбежали из палатки. Я тоже начал спешно одеваться.

Темнота на горизонте сквозила — день начал брезжить. По небу двигались большие облака, а за ними блестели редкие побледневшие звезды; земля была окутана еще

мраком, но уже можно было рассмотреть все предметы; белоснежная гладь реки, пар над полыней и деревья, одетые в зимний наряд, казалось, грезили и не могли очнуться от охватившего их оцепенения.

Первое, что мне бросилось в глаза,— это собаки. Они перепутались ремнями, сбились в кучу и боязливо озирались по сторонам. Некоторые из них сорвались с привязи и, поджав хвосты, бегали около бивака. Что случилось? Почему такой переполох?

— Должно быть, приходил тигр,— сказал Крылов, вышедший в это время из палатки.

Я велел посадить собак на места, развести огонь и согреть чай.

— Моей собаки нет,— вдруг крикнул Марунич не своим голосом.

Мы с Крыловым подошли к нему и тут на снегу увидели капли крови и свежие следы тигра. Теперь все стало ясно. Полосатый хищник задавил и унес собаку. Все стрелки сбежались к Маруничу, а я взял ружье и пошел на ближайšie разведки.

Помня уроки Дерсу, я принялся внимательно изучать следы и по ним без труда восстановил картину происшествия. Тигр шел по реке вдоль нашего берега. Увидев бивак, он встал за бурелом, застрявший на галечниковой отмели у поворота реки. Здесь он долго стоял, потом лег на брюхо, вытянув вперед свои лапы. Затем он перебрался через бурелом и по рытвине, идущей параллельно берегу, подкрался к биваку. Эта рытвина своим обрывистым краем всего ближе подходила к месту, где были привязаны собаки. Выскочить из засады, схватить одну из собак и опять скрыться в зарослях — было для него делом одной минуты.

Наконец собаки успокоились. Тогда на смену им выступили стрелки. Неописуемое возбуждение воцарилось среди них: все говорили и рассказывали друг другу, как произошло нападение тигра, как кто спал и что слышал и что видел во сне; у каждого был свой план, где искать зверя и как отбить у него собаку. За чаем, обсудив все спокойно, мы решили взять с собою четыре ружья и идти по следу тигра. Если он понес собаку к логовищу, то мы застанем его там, а если он бросит свою добычу и убежит, то мы насторожим ружья около тополя, затем возвратимся назад и будем ждать результатов. Так мы и сделали. В

шесть часов утра я, Крылов, Рожков и Глегола отправились в путь, захватив с собой все необходимое для настораживания винтовок.

Утро было тихое. Туман над польнейей сгустился еще больше. Золотисто-розовые лучи восходящего солнца адели на высоких облаках в небе и на восточных склонах гор, покрытых заиндевелыми кедровниками. День обещал хорошую погоду.

Следы тигра шли прямо в лес. По ним видно было, что зверь, схватив собаку, уходил сначала прыжками, потом бежал рысью и последние 500 метров шел шагом. Оборванный собачий поводок волочился по снегу. Отойдя с версту, он остановился на небольшой полянке и стал есть собаку. Заслышав наше приближение, тигр бросил свою добычу и убежал. Когда мы подошли к собаке, она оказалась наполовину съеденной. Мы стали настораживать здесь ружья.

Кстати, вот как это делается. Для этого в землю вбивается два кола на небольшом расстоянии один от другого. Вместо вбивания кольев, если позволяет обстановка, можно воспользоваться стволами растущих вблизи деревьев, что еще лучше, так как щепа и свежевбитые колья в землю могут вызвать у зверя подозрение и излишнюю осторожность. К кольям привязывается ружье перпендикулярно к тому направлению, по которому предполагается ход зверя. На тигра винтовка настораживается (судя по величине его) на высоте от 4 до 8 вершков от колена человека. Когда ружье укреплено, оно заряжается, взводится курок, а в промежуток между скобой и спуском вкладывается деревянный рычажок, за длинный конец которого прикрепляется прочная волосяная нить или вычерненный тонкий шпагат, который протягивается через след зверя и привязывается к какому-нибудь предмету: к ветке куста, дереву, камню и пр. Не следует сильно натягивать шнур из-за ворон, которые всегда в большом количестве слетаются на падаль. Если они сядут на бечевку, то своей тяжестью могут произвести выстрел. Тигр, привыкший в чаще грудью рвать заросли, мало обращает внимания на шнурок, который коснется его тела. Он продолжает лезть вперед, натягивает шнур и ранит себя в убойное место. Таким именно способом мы поставили четыре винтовки в расчете, что с какой бы стороны тигр ни пришел, он непременно должен попасть в настороженное ружье.

Покончив с этой операцией, мы замели свои следы словыми ветвями и возвратились на бивак. Когда стало смеркаться, я велел Вихрову разложить около собак костер и выставить вооруженного часового. Ночь прошла спокойно, выстрелов не было слышно. Раненько утром Рожков и Крылов сбегали на лыжах к настороженным винтовкам и сообщили, что ночью тигр приходил к своей добыче. Обойдя собаку по большому кругу, он подошел к ней с противоположной стороны, но, предчувствуя что-то неладное, не решился тронуть ее. Не доходя шагов двух до бечевы, тигр прилег на брюхо. Судя по тому, что снег под ним подтаял, он лежал в этой позе довольно долго. Перед рассветом зверь снялся и пошел назад. Рожков и Крылов следили его некоторое время и дошли до логовища, откуда он убежал, заслышав приближение людей.

Надо было окружить настороженными ружьями и самое логовище. Эту работу взялся выполнить Крылов с двумя стрелками, а я остался на биваке. Совсем в сумерки они возвратились назад и сообщили, что на обратном пути на берегу одной из проток они нашли штабель мороженой рыбы, со всех четырех сторон оплетенный ивовыми прутьями. Рыба принадлежала, должно быть, удэгейцу Маха Кялондига. Тигр разломал плетенку и лакомился рыбой. Судя по следам, это было сделано вчера ночью.

Когда стало смеркаться, мы забрали всех собак к себе в палатку. Правда, это доставляло нам множество неудобств, но мы решили запастись терпением.

Вторая ночь тоже прошла спокойно. Тигр ходил вокруг логовища и около мертвой собаки. Он чуял опасность и не хотел рисковать своей жизнью, но я решил стоять здесь хоть неделю и ждать, когда голод сделает его менее терпеливым и менее осторожным. Однако тигр оказался умнее, чем я думал. Весь день мы просидели в палатке. Каждый использовал случайную дневку по-своему: стрелки починяли одежду, налаживали собачью упряжь, исправляли нарты. К вечеру я оделся и вышел из палатки.

День только-что кончился. Уже на западе порозовело небо и посинели снега, горные ущелья тоже окрасились в мягкие лиловые тона и мелкие облачка на горизонте зарделись так, как-будто они были из расплавленного металла, более драгоценного, чем золото и серебро. Кругом было тихо; над польней опять появился туман. Скоро, очень

скоро зажгутся на небе крупные звезды, и тогда ночь вступит в свои права. В это время я увидел удэхейца Маха, бегущего к нам по льду реки. Он был чем-то напуган.

— Что случилось? — спросил его Косяков.

— Гыпы, — отвечал он, — Куты-Мафа омо инаки дзяб-зянгии (т. е. худо, тигр унес одну собаку). — При этом он добавил, что зверь далеко не ушел и ест собаку поблизости от его жилища.

До наступления полной темноты оставалось не больше полутора часов. Я рассчитал, что если я побегу за ружьями, туда и обратно — две версты, а затем полторы версты до юрты удэхейца и еще до тигра, вероятно, с полверсты, на что потребуется не менее часа, то тигр за это время успеет съесть всю собаку и спокойно удалится. Подумав немного, я спросил удэхейца, есть ли у него ружье. Он ответил, что имеет берданку, но стрелять священного зверя не будет, но так как Куты-Мафа сам напал на его дом, то он обещал проводить меня и указать место, где сейчас тигр находится. Тогда я решил идти с удэхейцем, а Крылов и Рожков побежали в лес за ружьями. Через двадцать минут я был уже в юрте Маха. Жена его с двумя детьми сидела испуганная, забившись в угол и разложив у входа в жилище большой огонь. Собаки тоже были собраны в в юрту и привязаны к жердям, поддерживающим корье крыши.

Удэхеец достал из-под изголовья свое ружье и подал его мне. Это была старенькая берданка кавалерийского образца. Я осмотрел ее, все было как-будто в порядке. Я оттянул замочную трубку и нажал на гашетку. Мне показалось, что пружина действовала слабо, потому что не было той резкости, которая требуется при спуске ударника. Я спросил его, не делает ли ружье осечек и как оно бьет. Он ответил, что винтовка исправна и бьет хорошо. В это время я услышал позади себя щопот и почувствовал запах багульника. Обернувшись, я увидел, что жена Маха откуда-то достала деревянное изображение человека величиною в 20 сантиметров, без рук, с согнутыми ногами, вытянутой физиономией и с синими бусинами вместо глаз. Она повесила закоптелого идола на веревочке к одной из стоек очага, называла его именем Касалянку, что-то шептала и жгла перед ним листья багульника.

Мне теперь некогда было ее расспрашивать о бурхане,

которому она вверяла охрану своего дома или просила оградить мужа от страшного зверя. Я стал торопить удэхейца. Он переобулся и взял копье в руки. Перед тем как идти, Маха заявил мне, что это не он идет бить тигра, а я и что копье он берет с собою только так, на всякий случай.

Я понял его и подтвердил, что вся ответственность за убийство грозного зверя ляжет исключительно на меня одного и что его семья тут не при чем. После этого мы надели лыжи и пошли: он — впереди, а я — следом сзади. Пройдя шагов двести по реке, мы свернули в небольшую проточку.

Пока удэхеец бежал к нам на бивак и пока я осматривал его ружье и патроны, произошло событие, которого мы никак не могли предусмотреть. Тигр перешел ближе к юрте и, расположившись под яром на льду протоки, принялся за собаку.

Не подозревая, что зверь так близко, мы шли по протоке — удэхеец впереди, а я сзади по его следу — и довольно громко говорили между собой.

Вдруг Маха сразу остановился, а так как я не ожидал этого, то наткнулся на него и чуть было не упал. Я посмотрел на своего спутника. Лицо его выражало крайний испуг. Тогда я быстро взглянул в том направлении, куда смотрел туземец, и в шагах тридцати от себя увидел тигра. Словно каменное изваяние, он стоял неподвижно, опершись передними лапами в вмерзшую в лед колодину, и глядел на нас в упор.

Мне показалось, что зверь сделал короткую гримасу и на мгновение оскалил зубы: шерсть на спине его поднялась дыбом и тотчас опустилась; мне показалось, что у него дрогнули усы, и он дважды медленно повел кончиком хвоста налево и направо. В таких случаях в мозгу на всю жизнь особенно ярко запечатлеваются какие-нибудь две-три несущественные детали. Я не могу сказать, чтобы в этот момент я особенно испугался, — вернее, я просто растерялся и оцепенел, как и мой спутник Маха Кялондига.

Вдруг я вспомнил про ружье. «Надо стрелять», мелькнула мысль в голове. Обязательно надо стрелять, а то будет поздно... Я приложил приклад к плечу и нажал спуск. Курок щелкнул, но выстрела не последовало. Быстро я снова взвел курок, и опять не произошло выстрела. В это время шагах в двадцати пяти сзади меня показались Рож-

ков и Крылов. Видя, что я целюсь в тигра и не стреляю, они решили открыть огонь по зверю с дальнего расстояния. Но тут случилось то, чего опять-таки никто не ожидал: их ружья, пробывшие двое суток на морозе и, вероятно, густо смазанные маслом, тоже дали осечки.

Тигр простоял на месте еще минуты две, затем повернулся и, по временам оглядываясь назад, медленно пошел к лесу. В это мгновение мимо нас свистнули две пумы, но ни одна из них не попала в зверя. Тигр сделал большой прыжок и в один миг очутился на высоком яру. Здесь он остановился, еще раз взглянул на своих врагов и скрылся в кустарниках.

Тогда мы вчетвером отправились на то место, где только-что стоял тигр, и там на льду за колодником увидели наполовину съеденную собаку.

Взволнованный, я сел на бурелом и не знал, что делать. Винтовка удэхейца была у меня еще в руках. В сердцах я швырнул ее, как палку, в кусты. Когда удэхеец узнал, что все три ружья дали осечки, он пришел в неопишное волнение. Я стал ругать его берданку, но у него на этот счет были свои соображения.

Тигр в его глазах стал еще более священным животным. Он все может: под его взглядом и ружья перестают стрелять. Он знает это и потому спокойно смотрит на приближающихся двуногих врагов. Разве можно на такого зверя охотиться? Эти рассуждения казались удэхейцу столь резонными, что, не говоря больше ни слова, он поднял свою винтовку, сдунул с затвора снег и молча отправился по лыжнице назад в свою юрту, а мы сели на колодину и стали обсуждать, что делать дальше.

Обменявшись мнениями, мы решили насторожить два ружья по сторонам мертвой собаки. Третья сторона была защищена высоким яром, но четвертая оставалась открытой.

Как быть? Вдруг мне пришла в голову счастливая мысль насторожить в этом месте самострел.

Поставив ружья, мы замели следы и по льду протоки направились обратно к юрте. Удэхеец дал свой самострел, показал, как его надо ставить, но опять упомянул, что в покушении на жизнь тигра он участия не принимает. Я опять должен был успокоить его и сказать, что это наше дело и за него он не будет отвечать.

Тотчас же мы с Крыловым вернулись обратно к мертвой собаке. Закрыв самострелами доступ к ней со стороны протоки, мы взобрались на противоположный крутой берег и стали караулить тигра.

Было поздно. На западе уже поблекла последняя полоска вечерней зари. На небе одна за другой зажглись яркие звезды. Казалось, будто вместе с холодным и чистым сиянием их спускалась на землю какая-то непонятная грусть, которую нельзя выразить человеческими словами.

Мрак и тишина сливались с ней и неслышными волнами заполняли распадки в горах, молчаливый лес и потемневший воздух.

Я сидел за кустом и не смел шевельнуться. Иногда мне казалось, что я вижу какую-то тень на реке. Мне становилось страшно, я терял самообладание, но не от страха и не от холода, а от нервного напряжения. Наконец стало совсем темно, и нельзя уже было видеть того места, где лежала мертвая собака. Я поднял ружье и попробовал прицелиться, но мушки не было видно.

— Надо итти, — сказал я тихонько Крылову, — начинает сильно морозить. Я чувствую озноб.

— У меня ноги тоже озябли, — ответил казак и поднялся с места.

Через полчаса мы были в юрте. Там все уже спали, только удэхеец сидел у огня и ожидал нас. Мы с Крыловым согрели воду, поели мороженой рыбы, напились чаю, затем легли на медвежью шкуру и тотчас заснули как убитые.

Утром часов в шесть меня разбудила жена удэхейца, она сварила нам две рыбины с икрой и чумизой. Все уже бодрствовали, только я один заспался. Первое, что я спросил, не было ли ночью слышно выстрела. Удэхеец ответил, что он всю ночь не спал, но ничего не слышал. Я попросил его сходить к настороженным ружьям. Он тотчас начал одеваться, а мы стали завтракать.

Минут через двадцать Маха вернулся взволнованный и сообщил, что тигр попал на стрелу. Удэхеец не задерживался около мертвой собаки, не рассматривал как следует следов. Он видел только спущенную тетиву самострела и кровь на снегу. Сообщение это сразу подняло наше настроение. Если тигр ранен серьезно, то он далеко не уйдет и ляжет где-нибудь поблизости.

Наскоро закусив, я, Крылов и Маха Кялондига побежали к месту происшествия.

Было тихое морозное утро. Солнце только что начинало всходить. Уже розовели восточные склоны гор, обращенные к солнцу, в то время как в распадах между ними снег еще сохранял сумеречные лиловые оттенки. У противоположного берега в застывшем холодном воздухе над польней клубился туман и в виде мелкой радужной пыли садился на лед, кусты и прибрежные камни.

Когда мы прибыли на место, то в глаза нам прежде всего бросился взрыхленный снег и на нем многочисленные, яркочерные пятна крови. Из осмотра следов выяснилось, что тигр пришел к мертвой собаке незадолго перед рассветом; обойдя ружья, он остановился с лицевой стороны и, не видя преграды, потянулся к своей добыче, задел волосяную нить и спустил курок лучка. Стрела попала ему в лапу. Тигр сделал громадный прыжок и, изогнувшись в левую сторону, старался зубами вытащить стрелу, но лапы его все время скользили по льду, запорошенному снегом. Извиваясь, он свалился в польню, но тотчас выбрался из нее. Тут же валялось помятое зубами древко стрелы, но наконечник остался в ране и, видимо, сильно беспокоил зверя. По следам видно было также, что тигр долго бился, чтобы достать наконечник: он ложился на бок, круто сгибал свое тело, упираясь лапами во всякую неровность льда. Наконец он забился под яр. Здесь, упершись спиной в скалу, передними лапами—в бурелом, а задними—в смерзшуюся гальку, ему удалось зубами захватить наконечник стрелы и вырвать из своей лапы.

Здесь на снегу было больше всего крови. Освободившись от стрелы, тигр тотчас направился в лес. Сначала он волочил лапу, но затем стал на нее легонько наступать. Солнце взошло, и хотя на небе не было ни единого облачка, но цвет его был странный, белесоватый в зените и серый ближе к горизонту. Все наше внимание было сосредоточено на следах тигра. Он шел и выбирал места, где были гуще заросли и меньше снега. След, оставленный правой лапой, был глубокий, а левый только слегка отпечатывался на снегу. Видно было, что зверь берег больную ногу и старался не утруждать ее. Крови становилось все меньше и меньше и наконец она исчезла совсем. Значит, зверь был ранен не тяжело, и потому вряд ли нам удастся его догнать

скоро, тем более, что и снег в лесу был недостаточно глубок и позволял животному двигаться без особых затруднений.

Чем дальше, тем лес был гуще и больше завален буреломом. Громадные старые деревья, неподвижные и словно окаменевшие, то в одиночку, то целыми колоннадами выплывали из чащи. Казалось, будто нарочно они сближались между собой, чтобы оградить царственного зверя от преследования дерзких людей. Здесь царил сумрак, перед которым даже дневной свет был бессилен, и вечная тишина могилы изредка нарушалась воздушной стихией, и то только где-то вверху над колоннадой. Эти шорохи казались предостерегающе грозными.

Один раз мы подошли было близко к тигру. Он забрался под бурелом и лежал на боку, видимо зализывая рану. Он так был занят этим делом, что не заметил, как мы подошли к нему почти вплотную.

В таких случаях надо быть очень осторожным.

— Капитан,—шепнул мне удэхеец,—не надо торопиться.

И в этот миг я услышал сильный шум и увидел большое пестрое тело, мелькнувшее по другую сторону лесного завала. Зверя заметил и Рожков, но не успел выстрелить, как и я.

Было около полудня. Здесь у бурелома мы отдохнули и закусили сухой юколой, которую предусмотрительно захватил с собой удэхеец.

На общем совещании решено было продолжать преследование зверя, но туземец остался при особом мнении. Он говорил, что дальше гнать зверя бесполезно, потому что он ранен слабо, успел оправиться и не только не избегает бурелома, а наоборот, всячески старается итти там, где гуще заросли и больше валежника.

Доводы удэхейца были убедительны, но мы все же решили еще раз испробовать счастье. После скудного завтрака, поглотив немного снега, чтобы утолить жажду, мы пошли снова за тигром. По следам было видно, что он сначала пошел прыжками, потом рысью, а затем опять перешел на шаг.

Но вот поемный лес остался позади, и теперь мы вступили в старый кедровник. Громадные стволы хвойных деревьев высились кверху и словно пилястры старого заброшенного храма поддерживали тяжелый свод. Внизу рядом

с ними разросся молодняк. И старые и молодые деревья переплелись между собою ветвями и были густо опутаны ползучими растениями, которые образовали как бы сплошную стену из зарослей. Девственный лес стоял плотной стеной. Сосредоточенное молчание наполняло весь лес. Зеленая полутьма, словно какая-то невыносимая тайна, тяготела вокруг, и невольно зарождалась мысль, не лучше ли вернуться назад, пока не поздно.

Вдруг шедший впереди Крылов остановился и, указывая на землю, сказал тихонько:

— Тигр нас обходит.

Действительно, наискось и поперек следа преследуемого нами тигра шел еще другой такой же след. Предательская хромота на левую лапу выдала тигра с головою. Стало ясно, что, выведенный из терпения настойчивыми преследованиями, он решил сам перейти в наступление. Для этого он сделал большую петлю и, перейдя свой след дважды, решил где-нибудь устроить засаду. Дело становилось серьезным. Мы удвоили внимание и пошли еще медленнее. Метров через пятьсот тигр пересек свой след в третий раз.

Мы так увлеклись охотой, что и не заметили, как исчезло солнце и серый холодный сумрак спустился на землю. Вверху сквозь просветы между ветвями деревьев виднелось небо в тучах.

— Манга, — говорил удэхеец, поглядывая наверх. — Тамна. Имаса сагды би... (т. е. плохо; тучи — снег большой будет).

В лесу стало совсем сумрачно. Казалось, будто стволы деревьев плотнее сдвинулись между собою, чтобы преградить нам дорогу. Казалось, что лес, видя, что не в силах остановить людей, преследовавших его зверя, позвал на помощь небесные стихии.

Я взглянул на часы. Было около пяти часов пополудни. Скоро солнце должно было скрыться за горизонтом, и наступят сумерки.

Взвесив все шансы за и против, мы пришли к заключению о необходимости возвратиться назад, хотя бы для того, чтобы утолить голод, который все настойчивее давал себя чувствовать. Вместе с тем появилось и другое чувство — чувство горечи и досады на неудачу. Крылов и Рожков ругались, поглядывая в сторону тигровых следов. И в самом деле, обстоятельства принуждали «оставить поле» за зве-

рем в то время, когда он уже начал было сдаваться. Но голос благоразумия подсказывал, как бы тигровая шкура ни была дорога, своя все же дороже.

— Имаса би, — сказал удэхеец (т. е. снег будет).

Я взглянул на небо. Оно быстро темнело и как-будто спустилось к земле, и от этого становилось неприятно и жутко. На лице своем я почувствовал прикосновение падающих сверху снежинок.

В это время опять над тайгой пронесся порыв ветра. Лес зароптал, зашумел, когда ветер ударил с другой стороны, потом налетел сзади и оборвался. И тотчас весь воздух наполнился белесоватой мутью, в которой потонули соседние сопки, земля и все, что было видно до сих пор. Ветер налетал порывами, и в промежутках между ними слышно было шуршание снега, большими хлопьями падающего на землю.

— Надо торопиться, — сказал Крылов, — а то как бы нам не пришлось ночевать в лесу.

Мы прибавили шагу, но от этого не пошли скорее. Лыжню быстро заносило снегом. Она чуть только была заметна. Скоро следы пропали совсем. Крылов остановился. Тогда удэхеец пошел вперед. Он хорошо знал эти места и прокладывал новую дорогу через снежные сугробы напрямик к своей юрте. Стало совсем темно, так темно, что трудно было рассмотреть, что делается шагах в десяти. Ветер и снег, словно сговорившись, с ожесточением набрасывались на все, что попадалось им на пути. Изредка сквозь мглу виднелась какая-нибудь ель, ветви которой неистово качались из стороны в сторону; иногда из темноты неожиданно выплывали то большой пень, запорошенный снегом, то валяжина на земле или сухостой, лишенный сучьев. Мы шли дальше, а они, как привидения, проносились мимо и исчезали бесследно в ночной мгле.

Удэхеец скоро вывел нас на какую-то старицу, которая шла, как мне показалось, вовсе не туда, куда надо. Точно понимая мои мысли, он повернулся ко мне и лаконически сказал: «Далеко нету». Минут через пятнадцать старица вывела нас на тропу. Последняя круто повернула влево. Здесь порывы ветра сделались сильнее. Я начал зябнуть и стал опасаться за своих стрелков, которые легкомысленно оделись легко, чтобы на лыжах было удобнее преследовать зверя.

Итти становилось все труднее и труднее: мешал встречный ветер и рыхлый снег, в котором глубоко тонули лыжи. Я совершенно забыл про тигра и думал только о том, как бы поскорее добраться до юрты. Напрягая остаток сил, я еле волочил ноги. У меня сильно озябли руки и ознобилось лицо. Как раз в эту трудную минуту мы подошли к месту, где были насторожены наши ружья около мертвой собаки. Это всех нас подбодрило. Еще минут десять хода, и я увидел между деревьями красноватые клубы дыма, которые вместе с искрами вырывались из отверстия в крыше юрты.

Слава богу, опасность миновала! Наученный горьким опытом, я схватил горсть снега и, повернувшись спиной к ветру, стал натирать им лицо. Это было нестерпимо больно, но я тер долго и крепко, с сознанием, что это нужно и даже очень нужно. Онемевшая на щеках кожа стала понемногу отходить, пальцы на руках тоже сделались подвижными и чувствительными. Теперь можно было войти в теплое помещение.

В юрте ярко горел огонь, распространяя свет и тепло. Жена Маха тотчас принялась варить ужин, а мы согрели чай и с аппетитом взялись за сухари. После ужина удэхейц расстелил нам медвежьи шкуры. Мы разулись и легли на них с величайшим удовольствием. Я пил чай и слушал, как пурга бушует снаружи.

— Хорошо, что мы во-время повернули обратно, — высказал я вслух свои мысли. — Дальнейшее преследование тигра было бы совершенно невозможно. Вьюга замела бы его следы, и мы напрасно только измучились и потеряли бы время.

У удэхейца на этот счет были свои соображения.

Тигр — священное животное. Его охраняют леса и горы. Бороться с ним с помощью оружия никогда не следует. Можно только шаманить и просить его удалиться в другое место.

Крылов пробовал было ему возражать, но он не соглашался с ним и в подтверждение своих слов приводил целый ряд доказательств: три ружья дали осечки, раненный стрелюю зверь скоро оправился, лесная чаща старалась скрыть его, создавая нам всяческие препятствия, а когда мы почти совсем уже догнали его, вдруг неожиданно разразилась буря, ветер замел его следы и принудил нас вернуться обратно.

Удэхеец был глубоко убежден, что если бы мы продолжали преследование запретного зверя, несомненно, случилось бы несчастье, мы заблудились бы в тайге и погибли бы от голода и вьюги. Слушая его слова, я стал дремать.

Сильные порывы ветра потрясали юрту до основания. Вьюга злобно завывала в лесу, точно стая бешеных животных, которые с ревом неслись куда-то в пространство. По соседству с юртой качалось и скрипело какое-то дерево. На крыше кусок коры дребезжал разными тонами, в зависимости от того, усиливался или ослабевал ветер. Убаюкиваемый этими звуками, иззябший и утомленный долгой ходьбой на лыжах, я крепко уснул.

Ночью меня разбудили какие-то звуки. Открыв глаза, я увидел, что огонь в юрте был притушен: в очаге только тлелись уголья. Прямо против меня на берестяном коврике сидел Маха. В руках у него был шаманский бубен и колотушка. Он пел что-то заунывное и прижимал лицо свое к бубну, отчего звук его голоса, отражаясь от туго натянутой кожи, то усиливался, то ослабевал до шопота. Маха пел и в то же время бил тихонько колотушкой в свой бубен. Перед удэхейцем на веревочке висел тот самый деревянный идол с глазами из синих бус, перед которым вчера женщина жгла листья багульника. Постепенно пение Маха перешло в речитатив. Он поднялся со своего места, взял топор, два маленьких деревянных колышка и железный котел, в который положил четыре уголька, и вышел из юрты. Я поднялся и пошел за ним следом.

Снаружи бог знает что творилось. Была абсолютная тьма. Ветер чуть было не опрокинул меня с ног, словно кто нарочно бросал горстями снег в лицо. Лес гудел, и в ропоте его слышались недовольство, жалобы и угроза. Через минуту я освоился с мраком и кое-как огляделся.

Удэхеец вбил два колышка в снег перед входом в свое жилище, затем обошел юрту и у каждого угла, повертываясь лицом к лесу, кричал «э-е» и бросал один уголек. Потом он возвратился в жилище, убрал идола с синими глазами, заткнул за корье свой бубен и подбросил дров в огонь. Затем Маха сел на прежнее место, руками обтер свое лицо и стал закуривать трубку. Я понял, что камланье кончено, и начал греть чай.

Минут пять мы просидели молча, потом я начал говорить о пурге, перешел к тигру и осторожно коснулся дере-

вянного идола, повешенного на веревочке. Я спросил его, что означает камланье колышками и угольками.

— О, это изображение духов, — сказал удэхеец.

Затем он сказал мне, что трижды чувствует себя виновным перед тигром: во-первых, потому, что он сообщил мне о похищенной у него собаке, во-вторых, потому, что дал мне свое ружье и лучок, и, в-третьих, потому, что вместе со мной ходил преследовать раненого зверя. Он просил Касалянку оградить его дом от тигра, для чего наговоренными колышками закрыл доступ в юрту и окружил жилище священным огнем со всех четырех сторон. Теперь он может попрежнему ходить без опасения на охоту.

Выкурив трубку, Маха стал укладываться, я тоже последовал его примеру, но долго не мог уснуть.

Часа через два буря стала понемногу стихать. Ветер сделался слабее, и промежутки затишья между порывами стали более удлиненными. Сквозь дымовое отверстие в крыше виднелось темное небо, покрытое тучами. Снег еще падал, но уже чувствовалось влияние другой силы, которая должна была взять верх и успокоить разбушевавшуюся стихию, чтобы восстановить должный порядок на земле.

На другой день мы все встали довольно поздно, немного закусили печеной рыбой и отправились на свой бивак.

С юго-запада тянулись хмурые тучи, но уже кое-где между ними были просветы и сквозь них проглядывало голубое небо. Оно казалось таким ясным и синим, словно его вымыли к празднику. Запорошенные снегом деревья, камни, пни, бурелом и молодые елочки покрылись белыми пушистыми шапками. На сухостойной лиственнице сидела ворона. Она каркала, кивая в такт головою, и неизвестно, приветствовала ли она восходящее солнце или смеялась над нашей неудачей.

Невдалеке виднелась наша палатка, и около нее струйка беловатого дыма поднималась кверху. Это Марунич готовил себе утренний завтрак.

Через три дня мы были около устья реки Гобилли, памятной нам по маршруту на реку Хуту в прошлом году, где мы едва не погибли с голоду.

Все большие притоки Аниоя находятся в верхнем его течении. Если идти вверх по течению, то первой рекой, впадающей в него с левой стороны, как мы уже знаем, будет река Тормасунь, потом в двух днях пути от нее — река Го-

билли. Затем в половине дня расстояния с левой же стороны две реки — Малая и Большая Поди, а за ними в четырех километрах — река Дынми. По ней я и наметил путь на реку Копи, впадающую в бухту Андреева.

На этом участке (между Гобилли и Дынми) Анюй протекает в меридиональном направлении по чрезвычайно узкой и изломанной долине, обставленной высокими горами с остроконечными вершинами. Места эти можно было бы сравнить со Швейцарией, если бы эта красота не была такой дикой и суровой.

Петрографические образцы, взятые мною из обнажений с обеих сторон реки, идут в следующем порядке: гнейс, слюдяной сланец и кремнистый песчаник, повидимому, относящиеся к азоническим метаморфизованным.

Оставив свой отряд около устья реки Дынми, я с двумя удэхейцами и с Чжан-Бао поднялся еще по Анюю километров на тридцать и встал биваком на правом нагорном берегу.

Вечером у огня мои провожатые на бересте начертили мне план верхнего Анюя со всеми притоками. Их география все время переплеталась с рассказами о разных приключениях то со зверями, то со злыми духами. Чжан-Бао вставлял свои критические замечания, которые поражали меня то верностью, то своеобразной китайской фантазией. Например, он был убежден, что тигр в каждом человеке видит чушку и потому хочет его съесть. На всякий случай у него были готовые примеры, взятые из жизни предков Китая, а все, что исходит из «Великого срединного царства», достоверно и не подлежит сомнению.

Уверенный тон, которым говорил Чжан-Бао, сильно действовал на туземцев, и я увидел, что авторитет моего приятеля поднимался все выше и выше. Это несколько не задевало моего самолюбия, и я со вниманием слушал повествования всех троих.

Не помню, как я заснул, и не знаю, долго ли сидели у огня мои спутники, рассказывая друг другу разные былицы и небылицы.

На другой день мы все полезли на сопку к одинокой ели, чтобы последний раз взглянуть на Анюй. Он уходил куда-то далеко на юго-юго-запад. Вдали виднелся хребет Тальдаки Янгени, закутанный в облака. За ним были истоки Хора. Еще южнее виднелось много гор, расположенных как бы в

беспорядке, но имеющих, повидимому, один общий узел, с которого берут начало четыре главных реки Североуссурийского края: Хор, Анюй, Копи и Самарги. По словам туземцев, истоки Анюя слагаются из трех маленьких горных речек. Место слияния их называется Элацзаво. Там есть солонцы, где всегда держится много сохатых, ниже есть пещера, откуда выходят горячие пары, есть и водопад, но места те запретны, так как там хозяйничает Буйнь Ацзани...

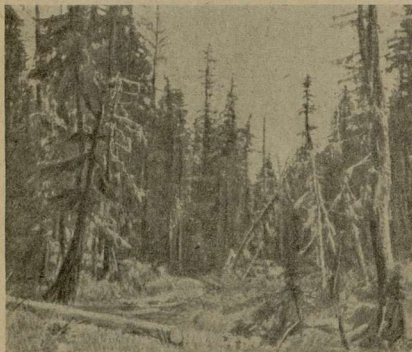
Двадцать пятого марта утром я присоединился к своему отряду и в тот же день пошел дальше вверх по реке Дынми.

Если встать лицом против течения, то движение вверх по реке Дынми проходит в юго-восточном направлении. Река Дынми небольшая, но она разбивается на много проток, которые летом из-за их засоренности должны очень мешать плаванию на лодках, но теперь, зимой, они облегчали наш путь, давая возможность без труда переходить из одной протоки в другую, пересекать петли реки в любом месте и т. д. Путеводной нитью нам служила нартовая дорога, проложенная гольдами. Правда, она была занесена снегом и заплывала наледями, но плавник везде был прорублен, разобран, вследствие чего наше продвижение происходило довольно быстро.

Чем дальше я уходил от Амура, тем больше отставала весна. Николай Бельди был прав, на Дынми уже совсем не было проталин, не было талого снега, и воду для питья нам приходилось добывать из проруби.

Петрографу стоит посетить Дынми. Он увидит древнейшие слоистые породы. От устья к Сихотэ-Алиню они идут в следующем порядке: сильно перемятый глинистый и филастовый сланцы, потом амфиболит и эпидиорит. Геолог увидит здесь большие пороги, вроде водопадов, гроты, пробитые водою, слоистые породы, поставленные на голову с белыми, желтыми и черными прослойками. Некоторые слои во время повторной дислокации образовали красивую пloyчатость, одни имеют плитняковую отдельность, другие при выветривании рассыпаются на мелкие чешуйки, третьи оказываются очень устойчивыми и, несмотря на все климатические невзгоды, только снаружи покрываются какой-то твердой корой, по внешнему виду совершенно отличной от основной породы.

За день мы прошли далеко и на бивак встали около первой развилки, которую удэхейцы называют «цзаво». Этим же именем они называют и речку, по которой можно выйти в самые истоки реки Наргами (приток Буту). На этом биваке произошел курьезный случай. Вечером после ужина один из удэхейцев стал раздеваться, чтобы посмотреть, почему у него зудит плечо. Когда он снял нижнюю рубашку, я увидел на груди у него медный крест и спросил:

Елово-пихтовые леса на восточных склонах Сихотэ-Алиня.

— Что это такое?

Туземец спокойно ответил:

— Лоца чиктама севохини (т. е. русский медный «севохи»).

Чтобы читатель понял, в чем дело, надо сделать маленькое разъяснение. Дух, помогающий человеку, — «се-вон», изображение его называется «севохи», причем этот

«севохи» бывает и медный, и железный, и деревянный. Туземные шаманы на основании снов делают «севохи» в виде человечков, фантастических зверей, рыб, птиц, насекомых, иногда тех и других вместе в разных позах, в разных комбинациях, причем такая фигурка нашивается под одежду к больному месту: на живот, на грудь, на плечо. Их возят с собой на охоту; «севохи» крупных размеров держат в юртах, им мажут губы кровью и салом убитых животных и т. д.

— Кто тебе его дал? — спросил я удэхейца.

— Лоца самани (т. е. русский шаман).

После этого он сам стал меня спрашивать о том, почему у них, удэхейцев, много есть разных «севохи», а у нас, русских, только один, почему всегда он изображает человека с раскрытыми руками, почему его носят на груди. В заключение он выразил свое неудовольствие по адресу какого-то Фоки, который привез ему «лоца севохини», но не сказал, зачем его надо носить. Если для удачной охоты, то на какого зверя, а если против болезни, то какой именно.

Забавным мне показалось столь естественное недоумение туземца, которого, повидимому, сначала где-то окрестили, потом с каким-то Фокой послали крест с приказанием носить на груди.

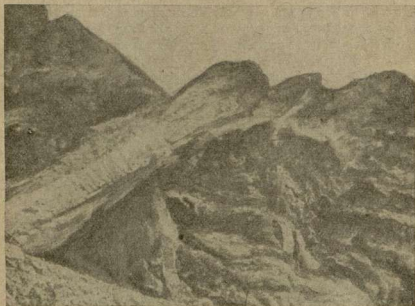
От места скрещивания двух переключинок шло сияние, вроде расходящихся во все стороны коротких лучей. Чжан-Бао сказал, что это перья. Вот почему у «лоца севохини» всегда руки раскрыты и вот почему он улетел на небо. И опять начались разговоры про летающих людей, у которых на спине и руках вырастают крылья — у китаецца и у туземца были свои аргументы. Первый обосновывал свои доказательства на мнениях древних мудрецов, а удэхейцы ссылались на какого-то гольдского шамана, сильнее которого не было еще на земле.

Еще один день пути, и я подошел к подножию Сихотэ-Алиня. Река Дынми здесь течет вдоль водораздела с некоторым уклоном к северо-западу, обходя, насколько возможно, многочисленные отроги хребта. Местность, где мы остановились, представляла собой как бы большую котловину; кругом высились горы, состоящие из плотных метаморфизованных песчаников и зеленоватых кремнистых глинистых сланцев.

С той поры, как мы расстались с Анюем, широколист-

венные древесные породы стали быстро сокращаться в числе: сначала они уступили место сибирской лиственнице, а теперь и эту последнюю стали вытеснять аянская ель и белокорая пихта. Только по самому низу долины около воды еще виднелись тальники, ольха, рябина и еще какие-то деревья, лишенные листьев, которые по внешнему виду издали определить было трудно.

Узнав от проводников, что самый перевал через Сихотэ-Алинь покрыт хвойным лесом, я выбрал место, где заросли

Базальтовые породы хребта Сихотэ-Алиня.

были не так густы, и стал готовиться к астрономическим наблюдениям. Казаки срубили несколько больших деревьев так, чтобы открыть возможно большую часть неба. На следующий день утро было тихое, солнце взошло в туманной мгле. Воздух был наполнен мельчайшими снежными кристалликами. Немного позже на небе опять появились круги и ложные солнца, потом поднялся ветер и нагнал облака с разлохмаченными краями. Однако мне все же удалось вычислить поправку хронометра и взять несколько высот солнца до и после кульминации.

Во время наблюдений я заметил, что солнечные пятна,

впервые замеченные мною несколько дней тому назад, остались в том же соотношении друг к другу, но переместились к верхнему краю диска.

Был уже конец марта. Со дня на день надо было ждать оттепели, а путь нам предстоял еще длинный. Продовольствие наше тоже быстро иссякало. Надо было торопиться. Мучимый этими сомнениями, я почти всю ночь не спал и поэтому, как только появились первые признаки рассвета, поднял на ноги всех своих спутников.

Чем ближе к Сихотэ-Алиню, тем подъем на его гребень становился все круче и круче. Самый перевал представляет собой седловину, имеющую вид площади высотой около 1 100 метров над уровнем моря. Со стороны Анюя он был настолько крутым, что нартовую дорогу гольдам пришлось проложить зигзагами. С правой стороны тропы какой-то благочестивый китаец, вероятно скупщик мехов, поставил небольшую деревянную кумирню и повесил в ней лубочную картинку с изображением многочисленных божеств с прищуренными глазами и сияниями вокруг голов. Против этой кумирни на дереве я прибил свою доску, на которой ножом было вырезано время нашего перехода через Сихотэ-Алинь, фамилии моих спутников, а также название перевала, который мы окрестили именем Русского географического общества.

Пока стрелки и казаки отдыхали на перевале и курили трубки, я с удыхейцем успел подняться на соседнюю вершину высотой в 1 300 метров. Чем дальше к югу, тем гребень Сихотэ-Алиня все повышался, приблизительно до 1 700 и 1 800 метров. Это и был тот цоколь, с которого берут начало Анюй и Копи.

Когда мы вернулись назад, то уже не застали своих товарищей на перевале. Следы указывали, что они, не дождавшись нас, пошли дальше. Нам ничего не оставалось делать, как только постараться догнать их. Как при подъеме на перевал, так и при спуске с него явственно видна была нартовая дорога. Она шла с версту по лесу и затем вдруг вышла на обширное маревое пространство, покрытое сфагновым мхом и поросшее редкостойным замшисто-хвойным лесом. Перед нами развернулась слегка всхолмленная местность, обставленная небольшими сильно размытыми сопками. Нигде эрозионный ландшафт не выражен так типично, как в верховьях реки Копи.

Минут через двадцать хода тропа привела нас к какому-то мелкому оврагу, который вскоре оформился в долину, идущую в направлении к юго-востоку. Километрах в трех от перевала наш безымянный ключик впал в небольшую речку, подошедшую справа. Это и есть Иггу, верхний левый приток Копи. Здесь она течет в широтном направлении.

Прошлой ночью был небольшой мороз. Весенний талый снег хорошо занастился, что в значительной степени облегчало продвижение нашего обоза. Под уклон горы стрелки и казаки шли очень скоро, а мне, наоборот, приходилось идти медленно. Река Иггу делала бесчисленное множество мелких изгибов, которые я должен был наносить на планшет. Это вынуждало меня часто останавливаться, чтобы делать все новые и новые измерения. Идя с удэхейцем, я спрашивал его, как дальше пойдет река, и он указывал мне отдаленные предметы, к которым мы подойдем вплотную.

Удэхеец видел, что я подносил к лицу инструмент, прищуривал левый глаз и сквозь диоптры смотрел вдаль. Ему казалось, что я целюсь точно так же, как из ружья.

— Вот теперь стреляй в то сухое дерево, — говорил он, указывая мне на одинокую лиственницу, стоящую на конце обрывистого мыса.

Когда я отнял от глаза бусоль, он спросил меня:

— Как, попади есть?

— Есть, — отвечал я ему.

Через несколько минут мы подошли к приметному дереву; он побежал к нему и стал внимательно осматривать кору, рассчитывая на ней найти какие-нибудь следы моей стрельбы из бусоли. Потом он вернулся ко мне и стал заглядывать через плечо в планшет.

— Где это дерево? — спросил он.

— Вот здесь, — отвечал я, указывая на мыс, изображенный горизонталями.

— Гм, — усмехнулся он. — Моя понимай, — продолжал он. — Один ружье — пуля стреляй, другое — карточка стреляй. Как это ружье стреляй — ни пуля нет, ни карточка нет, ничего нет. Куда попади.

Объяснить ему сущность съемки мне не удалось. Однако мы разговорились. Я узнал, что в 1898 году он был проводником у геолога Эдельштейна. Фамилию его он забыл, но имя и отчество помнил хорошо. Он подробно рас-

сказывал мне, как они шли зимой, где поднимались на сопки и как собирали образцы горных пород.

Случилось, что удэхеец отстал, а я ушел вперед.

Теперь долина круто повернула на юг, по сторонам стали появляться явно выраженные древние речные террасы с основанием из глинисто-кремнистых сланцев. Заболоченные хвойные леса остались сзади, и на сцену вновь выступила лиственница. Кое-где виднелись следы, оставленные старыми пожарами. На местах выгоревших хвойных деревьев выросли березняки. Всюду встречались следы сохатых, но самих животных не было видно: их спугнули стрелки и казаки, идущие впереди с обозом. Вдруг я услышал позади себя крики.

— Адрианан! Адрианан!.. (т. е. погоди, погоди).

Обернувшись, я увидел удэхейца. Он бежал и делал мне знаки остановиться.

«Что-то случилось», подумал я и сел на один из стволов, вмержших в лед. Через несколько минут прибежал удэхеец.

— В чем дело? — спросил я его.

— Вот на этом самом месте у Якова Самойловича нарта сломалась, — сказал он, запыхавшись.

Я невольно усмехнулся и подумал: дикая тайга, редкое население, но какие прочные следы оставляет за собой каждый путешественник. О нем говорят. Через десять, двадцать лет можно на месте проследить маршрут каждого исследователя, узнать, как он шел, где ночевал, чем болел, какие у него были успехи и промахи, каковы были отношения между участниками экспедиции, кто с кем ладил, кто с кем ссорился и т. д. Да где же это записано? Нигде. Люди уходят, а дела их остаются, и об этих делах из поколения в поколение будут передавать туземцы, и не только то, чему они сами были свидетелями, но и то, что они усмотрят по следам, оставленным в пути и на биваках. Тайга не город, где легко скрыться.

Молодым путешественникам это надо иметь в виду. Все хорошие и худые поступки их сохраняются там на многие годы.

Только к сумеркам мы догнали свой обоз, и то потому, что он остановился около какой-то безымянной речки, впадающей в Иггу с левой стороны. Это было дикое ущелье величественной красоты. В глубине его клубился туман, а

вершины остроконечных гор еще озарялись лучами солнца, уже скрывшегося за горизонтом.

Горный хребет с зубчатым гребнем был изрезан глубокими баранкосами и ледопадами. У подножья ближайшей сопки виднелись два небольших темных пятна. Они передвигались. Это были лоси. Услышав звуки человеческих голосов и увидев дым на биваке, осторожные животные проворно скрылись в березняке.

Березово-лиственный лес после пала на реке Йоли.

Десять лет тому назад здесь ночевал Эдельштейн. Тут заночевали и мы.

После перехода через Сихотэ-Алинь порядок рабочего дня пришлось изменить. Днем солнце начинало уже сильно припекать. Снег становился очень рыхлым, под ним стояла вода. Часа в четыре температура снова понижалась, а ночью морозило так, что промоины опять покрывались слоем льда, выдерживающим давление лыж. Хотя у нас и были дымчатые очки, но это мало помогало. Мы все очень стра-

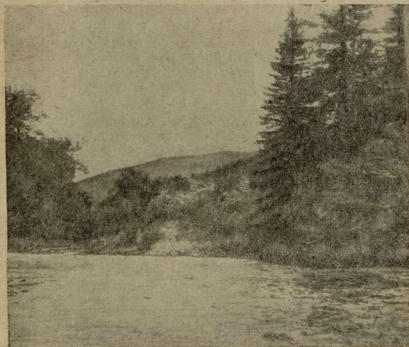
дали глазами от химических солнечных лучей, отраженных от блестящей занастившейся поверхности снега. Тогда я решил выступить с бивака как можно раньше и идти до десяти часов утра, затем мы ставили палатку и прятались в нее от солнца, а после четырех часов пополудни вновь шли до самой темноты.

Согласно этому расписанию, на другой день туземцы разбудили нас ночью, когда еще не было ни малейших признаков рассвета. Мы скоро собрались и пошли дальше по реке Иггу. Она течет все время к юго-востоку и местами разбивается на мелкие рукава, забитые плавником, переправа через которые доставляет немало трудов не только летом, но и зимою. В некоторых местах около заломов скопилось много гальки, вследствие чего уровень воды в реке повысился и образовались широкие водопады. Еще одна теснина, и мы вышли на реку Копи.

Верхнее течение реки Копи представляет собой дугу, обращенную выпуклой стороной на север. Выше Иггу она принимает в себя две небольших горных речки — Буланиза и Дю, а ниже на 8 километров — речку Йоли, о которой у местного туземного населения нет никаких сведений. На ней никто не бывал, потому ли, что она безрыбная или там нет промысловых зверей, или потому, что около устья ее находится сопка Омоко Мамага, перед которой все гольды и орочи совершают поклонения. Провожавший нас удэхеец Цазамбу, соблюдая прадедовские обычаи, тоже преклонил перед ней свои колена и на один из камней положил кусочек красного кумача и два листочка табаку.

Осмотр таинственной сопки не отнял много времени. Со стороны реки Копи она представляется руинами древнего замка, уже поросшего вековыми деревьями. Многочисленные скалы, украшающие ее гребень, имеют весьма причудливые очертания. Одна из них — самая большая — похожа на человека — это и есть Омако Мамага. По этому поводу у копинских орочей есть сказание о борьбе великана Кангэй с двумя великанами — Омоко и Атынига. Все они окаменели: Кангэй остался в верховьях реки, Омоко села около устья Йоли, а Атынига — еще ниже по течению, около реки Чжакуме. Это было в очень давние времена. С тех пор они стоят уже много веков и окарауливают порядок в долине Копи. Вот почему к именам их прибавили слово Мамага (что значит прабабушка).

К востоку от реки Иоли находится гора Инда, командующая над всеми сопками этой части прибрежного района. На вершине ее есть озеро, из которого берет начало река Хади. Длинные отроги горы Инда Иласа вынуждают реку Копи отклоняться к юго-востоку и вторично описывать большую дугу, но уже в обратном направлении. После

Река Иоли в нижнем течении.

Иоли в очередном порядке идут две реки, сравнительно близко расположенные друг от друга: Чжауса и Чжакуме, представляющие собой естественные соболиные питомники.

Как мы ни старались уйти от весны, она все-таки догнала нас на реке Копи: дни ненастные чередовались с днями солнечными и теплыми. Поверх льда в реке стояла талая вода. Она тотчас выступала на снегу позади лыж. Всюду появились промоины; днем они вскрывались, а к утру опять затягивались тонким слоем льда. В тех случаях, когда их нельзя было обойти стороной, мы выстраивались

в одну шеренгу и по данному сигналу все разом бросались вперед. Лед начинал выгибаться, и на поверхности его появлялась вода. Задержись кто-нибудь хоть на мгновение и кончено. Быстро бегущая вода сразу затянет неудачника под лед. Все спасение заключалось в быстроте передвижения. К счастью, перебеги через такие промоины кончились для нас благополучно.

Река Копи протекает по долине поречного прорыва. Горы то вплотную подходят к реке с той и с другой стороны одновременно, то удаляются от нее так, что их за лесом совсем не видно. Теперь вместо глинистых сланцев и песчаников на сцену стали выступать массивно-кристаллические породы: гранофир, эпидотизированный и кварцевый порфир и т. п.

За последние дни мы все очень устали. Наши нарты были почти пустые, но тащить их по талому снегу было тяжело. Лямки резали плечи. Из двадцати восьми собак, взятых нами с Амура, в живых осталось только девять. Они едва плелись, так что нартовые ремни висели фесто-нами. В довершение несчастья я и мои спутники стали болеть. Лучи солнца, отраженные от снега, слепили глаза. Дымчатые очки мало помогали. Нахлобучив шапки как можно глубже, мы шли, опустив головы так, чтобы видеть только то, что было в непосредственной близости под ногами.

Первый день апреля был особенно утомительным. Надежда найти людей около реки Чжакуме не оправдалась, и я видел, что мои спутники нуждаются в отдыхе более продолжительном, чем ночной сон, но опасение, что ледоход может захватить нас в дороге, заставляло идти через силу. Особенно тяжело было идущему впереди. Он должен был прокладывать дорогу. Когда он выбивался из сил, его заменял следующий, потом третий, и т. д.

Сначала эта смена происходила через полчаса, потом через пятнадцать, десять, пять минут, и наконец обоз остановился совсем. Делать нечего, надо было устраиваться на бивак, и я уже стал присматривать место поудобнее, так, чтобы его не затопило водою при «воспалении» реки, как вдруг издали донесся собачий лай.

Как немного надо, чтобы воодушевить усталых людей и животных! Собаки вскочили на ноги и натянули постромки. Обоз тронулся.

Впереди за поворотом виднелась большая полянья, а за ней устье какой-то реки. Это была Бяпали. Один берег ее был низменный, а другой возвышенный. На самом краю его стояла юрта. Из отверстия в юрте поднималась кверху голубоватая струйка дыма.

Когда последняя нарта была вытащена на берег, я почувствовал себя настолько усталым, что, войдя в юрту, не стал дожидаться ни обеда, ни чая, лег на цыновку и тотчас уснул.

Когда я проснулся, были уже сумерки. В юрте горел огонь. По одну сторону его вместе со мной были стрелки и казаки, а по другую сторону сидел сам хозяин дома, его жена и удэхеец Цазамбу.

Глава семьи был мужчина лет пятидесяти семи с сильной проседью в волосах. Он был широк в костях, имел нос с горбинкой, подслеповатые глаза, носил бороду и редкие усы. Родом он был с Амура. Отец его, как я узнал впоследствии, был полукореец, полугольд, а мать ороченка. Нашего нового знакомого звали Лайгур.

Его жена Чегрэ родилась около Торгона и тоже была метиской. В жилах ее текла смешанная кровь. Она была тоже лет пятидесяти, ниже среднего роста, с морщинистым лицом и маленькими пестро-серыми глазами.

Минут через десять женщина сняла котел с огня и стала по чашкам разливать похлебку, сваренную из юколы, сухой кетовой икры и жидкой чумизы.

В это время в юрту вошел Рожков и сообщил, что начинается итти снег. Это известие как-будто обрадовало всех. Непогода сулила отдых на весь завтрашний день.

После чая мы недолго еще сидели. Меня опять стало клонить ко сну, я откинулся на спину и сам не помню как уснул.

Ночью я проснулся и не сразу мог сообразить, где я нахожусь. Кругом было темно; край моего одеяла заиндевел. Снаружи слышался какой-то шум, словно кто-то песок бросал лопатой на корье. Это ветер наметывал снег на стены юрты.

Я повернулся на другой бок, подобрал под ноги одеяло и хотел было снова уснуть, как вдруг ухо мое уловило другой звук, который заставил меня вздрогнуть. Это был человеческий крик.

«Вероятно, мне послышалось», подумал я и стал опять

завертываться в одеяло, но в это время крик повторился — протяжный, словно вымученный, сквозь слезы.

Я быстро сбросил с себя одеяло и сел.

В юрте было темно, только в очаге тлели две головешки. Снаружи завывала выюга. Сильные порывы ветра иногда спадали до штиля. И вот в минуту одного такого затишья я в третий раз услышал тот же крик о помощи и затем плач.

«Где-то погибает человек, может быть, женщина, ребенок!»

Я разыскал удэхейца Цазамбу и стал трясти его за плечо. Он сел и, покачиваясь спронея, спросил, что случилось. Я сказал ему, что слышал чьи-то крики снаружи и что надо итти на помощь.

— Ничего, — сказал он мне. — Это больная девка. Скоро будет светать, и тогда ей дадут кушать и принесут дрова.

— Да где же она находится, — продолжал я допытывать сонного удэхейца.

— Там, — отвечал он, указывая рукой на один из углов в юрте.

Вслед за тем он так решительно улегся на свое место, что я понял, что поднять его мне не удастся.

Тогда я принялся будить кого-то из своих спутников. Кажется, это был Ноздрин. Старик сел и стал искать свою обувь. Я не стал его дожидаться и выбежал из юрты.

Сильным порывом ветра меня чуть было не опрокинуло на землю. Снежная пыль ударила в лицо. Я ухватился за край юрты и прислушался. Минута ожидания показалась мне томительно долгой. Затем я вернулся в юрту, захватил спички, кусок бересты, несколько смоляных щепок и, выйдя наружу, направился в том направлении, которое указал мне Цазамбу.

Ветер был очень сильный и порывистый. То он завывал тоненьким голоском, то вдруг визг его превращался в яростный рев. Точно зверь, сорвавшийся с привязи, он бросался на все, что встречалось ему на пути.

«Как бы самому не заблудиться», подумал я, но в этот момент наступило короткое затишье. Крик о помощи рассеял мои опасения. Я быстро пошел вперед.

Глаза мои уже несколько успели привыкнуть к темноте.

Сквозь снежную пыль я различил ствол большого кедра и рядом с ним что-то темное. Подойдя поближе, я увидел маленькую юрту, наполовину занесенную снегом. Тихий плач и стоны исходили из нее. Я быстро откинул полог у дверей и вошел внутрь помещения.

В темноте что-то шевельнулось и притихло. Я достал спичку и зажег бересту. При первой вспышке огня я увидел в углу юрты какое-то человеческое существо, одетое в лохмотья. Я увидел широко раскрытые испуганные глаза и черные растрепанные волосы.

Когда береста и смоляные щепки разгорелись, я сложил дрова и разжег костер. Теперь я мог хорошо рассмотреть, с кем имею дело.

Юрта была маленькая, грязная. На полу валялись кости и всякий мусор. Видно было, что ее давно уже никто не подметал. На грязной, изорванной цыновке сидела туземная девушка лет семнадцати. Лицо ее выражало явный страх. Лево́й рукой она держала обрывки одежды на груди, а правую вытянула вперед, как бы для того, чтобы защитить зрение свое от огня, или, может быть, для того, чтобы защитить себя от нападения врага. Меня поразила ее худоба и в особенности ноги — тонкие и безжизненные, как плети.

Пока я возился с огнем, девушка сидела неподвижно и испуганно наблюдала за мною.

— Не бойся, — сказал я ей по-удэхейски.

— Мне холодно, — отвечала она, поникнув головой, и тихо заплакала.

Не медля нисколько, я сходил в общую жилую юрту и принес оттуда одеяло, чайник с водой, несколько кусков сухарей.

Одеялом я накрыл ей плечи, повесил чайник над огнем, а сам сел по другую сторону костра.

Понемногу она стала приходить в себя, выражение страха в глазах ее сменилось недоумением.

— Ты больна? — спросил я ее.

— Ноги болят, — отвечала она, — я не могу ходить.

Когда закипела вода, я подал ей кружку чая и сухари. Я не торопился расспрашивать ее. Надо было, чтобы она присмотрелась ко мне и перестала чуждаться.

Через час она успокоилась совсем и стала связно отвечать на мои вопросы.

Я услышал печальную историю. Она была сирота, рано потерявшая родителей, умерших от эпидемии оспы, когда ей было около четырех лет. Как и почему она попала к Лайгуру, не знает. Когда она достигла десяти лет, с ней начались делаться припадки, которые полтора года тому назад кончились параличом нижних конечностей. Девушка, лишенная ног, не могла быть работницей, к тому же она грязнила в общей юрте. Тогда ее изолировали в особое помещение. Убедившись, что она неизлечима, Лайгур и Чергэ перестали о ней заботиться; ей не всегда даже давали есть, она давно уже не мылась и не расчесывала своих волос, одежда на ней истлела, ногти сильно отросли на руках и на ногах. Летом она мучилась от комаров, а зимой — от холодов, в особенности по ночам, когда нехватало дров.

Жестокий старик не раз говорил ей о том, что ей надо умереть, и она сама считала, что это был бы лучший способ избавиться от страданий.

Мне стало очень жаль эту ни в чем неповинную страдалицу. Надо было ей что-то сказать, как-то утешить, помочь, и я солгал, сказав, что пришлю ей хорошего лекарства («ая окто»), которое вернет ей силы и здоровье.

Костер догорал; надо было еще принести дров. Я встал со своего места и вышел из юрты.

Начинало светать, но буря не унималась. Ветер с воем носился по лесу, поднимая с земли целые облака снежной пыли. Они зарождались вихрями, потом превращались в длинные белые языки, которые вдруг внезапно припадали к земле и тотчас вновь появлялись где-нибудь в стороне в виде мечущихся туманных привидений.

Когда я вернулся в юрту, больная сидя дремала у огня. Тихонько поправив огонь, я тоже пошел спать.

Проснулся я поздно. Первое, что проникло в мое сознание, был сильный шум ветра, который сделался еще порывистее. Он сотрясал юрту до основания и грозил ее опрокинуть совсем. Эта угроза была настолько реальной, что туземцы привязали юрту ремнями за стволы и корни ближайших деревьев.

Первое, что я сделал, это пристыдил Лайгура и его жену за бесчеловечное отношение к безногой девушке. Вероятно, утром Цазамбу рассказал старику о том, что я будил его и сам носил дрова к больной, потому что, войдя

в ее юрту, я увидел, что помещение прибрано, на полу была положена свежая хвоя, покрытая сверху новой циновкой. Вместо рубища на девушке была надета, правда, старая, но все же чистая рубашка, и ноги обуты в унты. Она вся как бы ожила и один раз даже улыбнулась.

Вскоре пришла старуха и сказала, что будет мыть и чесать больной голову.

Двое суток свирепствовала пурга. За это время мои спутники основательно отдохнули. Я заполнял свои дневники, вычерчивал пройденный маршрут и несколько раз навещал больную девушку. Я говорил ей, чтобы она не падала духом, и опять пообещал выслать ей хорошее лекарство.

К вечеру пурга стала стихать, а ночью и небо очистилось... Я воспользовался этим и занялся астрономией. На солнце опять появилось два больших пятна рядом и третье поменьше — справа и внизу.

За последние два ненастных дня снегу выпало много. Дружное таяние его могло пресечь всякую возможность сообщения по реке. Надо было торопиться скорее выйти к морю. Поэтому я выслал Лайгура и удэхейца Цазамбу вперед протаптывать дорогу. Вечером я позвал старуху в юрту больной и строжайше наказал ей ухаживать за девушкой, сказав, что я опять вернусь и проверю, как она держит свое обещание. Бедная девушка! В ночь накануне нашего выступления с ней сделался сильный припадок. Мне дали знать... Я застал ее в полном беспамятстве. Она лежала на спине бледная, как полотно. Взяв ее руку, я не нащупал пульса; зрачок глаза не реагировал на свет. Она умерла.

Мы тронулись в путь. Весь день мои мысли раздваивались: то я сосредоточивал внимание свое на маршрутной съемке, то думал о смерти безногой туземной девушки. Мой длинный жизненный путь пересек жизненный путь какой-то совершенно мне чуждой больной туземной девушки и оборвал его. Мы родились в разных местах, в разное время и шли разными дорогами, пока не встретились на реке Копи. Она умерла, а я продолжал свой путь и буду идти по нему дальше. Таковы были мои мысли в день выступления с реки Бяпали. Я не сразу от них смог отделаться. Мало-помалу новые образы и новые впечатления стали их заслонять. Они начали блекнуть и теперь остались только в воспоминаниях.

После притока Чжакуме Копи повернула на восток, отклоняясь то немного к северу, то немного к югу. Это широтное направление она сохраняет до впадения своего в море. Отсюда до устья реки — около 120 километров. Теперь долина сделалась заметно шире. Денудационный характер ее выражен рядом больших котловин, чередующихся со щеками. На пути к морю путешественник видит с правой стороны высокую сопку Чуйхойни, а за ней в самом русле реки шаманский камень Тараки, состоящий из обогащенного эпидотом и хлоритом бескварцевого порфира. Мимо него туземцы всегда проходят с опаской, стараясь не вспоминать злых духов. Немного дальше есть две ничем особенно не замечательные сопки: Байлаки и Бокки. С левой стороны в Копи впадают две речки — Чонекко и Кумуку, разделенные гранитной горой Каданку, потом небольшая возвышенность Ку и за ней базальтовые столбы. Это и есть Алтынига Мамага.

Все сопки оголены от леса. Места старых пожарищ заросли березняком. Тут же я заметил малину, сухой прошлогодний вейник и Иван-чай.

После пурги в атмосфере водворилось равновесие. На небе исчезли последние бровки туч. Снег, пригретый весенними солнечными лучами, быстро оседал. Талая вода, сбегаящая с гор, распространялась по льду реки. Всюду появились большие промоины. Словом, здесь, в низовьях Копи, мы застали ту же картину, что и на Анюе месяц тому назад.

С каждым часом, с каждым километром итти становилось труднее. Представьте себе полную распутицу, снег превращается в мокрую кашу и река накануне ледохода, и вы поймете то состояние, в котором находились мои спутники. Они выбивались из сил и с такой страстностью стремились к морю, словно это было целью их жизни. Собаки совершенно не тащили нарт, но зато были полезны в другом отношении. Они как-то чутьем узнавали, где непрочен лед, и сами сворачивали в сторону. Как ни тяжело итти на лыжах по мокрому снегу, но это был единственный безопасный способ передвижения. Производить съемку тоже становилось трудно, надо было зарисовывать рельеф в горизонталях, смотреть под ноги, обходить опасные места и ощупывать палкой лед чуть ли не на каждом шагу.

Между Бяпали и Тепты, о которой будет речь ниже,

тянутся андезитовые лавы, прорезанные глубокими оврагами, по которым бегут горные ключи Мононге, Мойми и Но. Правый берег представляется рядом массивных террас, являющихся основанием для возвышенностей Конгосу, Сюмукуло, Добойса и Агбуони. Против них по другую сторону реки располагается лесистое низменное пространство, прорезанное речкой Чанику.

Восьмого апреля мы подошли к реке Тепты, по которой можно выйти на реку Мука, впадающую в Ботчи. Это обычный для туземцев путь, совершающих зимнее путешествие вдоль берега моря на собаках.

Здесь мы застали одну семью удэхейцев, состоящую из старика лет шестидесяти и двух женщин: матери и дочери, пятидесяти и двадцати лет. За последние дни у моих спутников от ярких солнечных лучей, отраженных от снега, так разболелись глаза, что надо было хоть на один день сделать дневку, хоть один день просидеть в относительной темноте или с повязкой на глазах.

Удэхейцы жили в большой, просторной юрте. Старик сам предложил нам остановиться у него. Обе женщины тотчас освободили нам одну сторону юрты. Они подмели пол, наложили новые берестяные подстилки и сверху прикрыли их медвежьими шкурами. Мы, можно сказать, разместились даже с некоторым комфортом, ногами к огню и головами к берестяным коробкам, расставленным по углам и под самой крышей, в которых женщины хранят все свое имущество.

Вечером старик принялся оттачивать копье. На мой вопрос, куда он собирается, удэхеец ответил, что он завтра хочет пойти поискать сохатого по свежешвыпавшему снегу.

Я попросил его взять меня с собой, на что он охотно согласился, но предупредил, что встать придется на рассвете. Чтобы выспаться и собраться с силами, я нарочно лег спать пораньше.

Было еще темно, когда удэхеец разбудил меня. В очаге ярко горел огонь, женщина варила утренний завтрак. С той стороны, где спали стрелки и казаки, неся дружный храп. Я не стал их будить и начал осторожно одеваться. Когда мы с удэхейцем вышли из юрты, было уже совсем светло. В природе царил полное спокойствие. Воздух был чист и прозрачен. Снежные вершины высоких гор уже озарились

золотисто-розовыми лучами восходящего солнца, а теневые стороны их еще утопали в фиолетовых и синих тонах. Мир просыпался...

Прямо от юрты мы свернули на реку Тепты, придерживаясь ее левого берега, но вскоре по маленькому ключику стали подыматься в горы. Перейдя небольшой кряжик, мы начали спускаться в соседнюю долинку. На свежавыпавшем снегу, действительно, было много новых следов. Среди них я узнал лисий, — он тянулся цепочкой и был с поволокой в сторону движения животного, затем кабарожий, оставленный ее маленькими острыми копытцами, а рядом другой, весьма похожий на медвежий, но значительно меньший размерами. Это шла росомаха. Старик-удэхеец не обращал внимания на них и шел все дальше до тех пор пока не нашел то, чего искал.

— Буй хоктони (т. е. дорога сохатого), — сказал он, указывая на широко расставленные большие следы.

В это время вырвавшиеся из-за гор солнечные лучи сразу озарили всю долину, проникая в самую середину леса и мгновенно превращая в алмазы иней на обледеневших ветвях деревьев. С первых же шагов было видно, что лось долго следовать не придется. Он шел лениво, часто останавливался и, повидимому, дремал. Один раз он даже пробовал лечь, но что-то принудило его подняться и идти дальше. Мы умерили шаг и удвоили осторожность. Минут через двадцать следы вывели нас на прогалину, поросшую редкой миственницей. Вдруг мой спутник остановился и подал мне знак, чтобы я не шевелился. Я взглянул вперед и увидел лось. Он лежал на снегу, подогнув под себя ноги и положив голову на брюхо. Я осторожно поднял ружье и стал целиться, но в это время удэхеец громко крикнул. Испуганный лось вскочил на ноги и бросился бежать. Я выстрелил и промахнулся. Второй мой выстрел был также неудачен. Я рассердился на старика, думая, что он подшутил надо мной, и в этом духе высказал ему свое неудовольствие. Но удэхеец тоже был в претензии и заявил, что если бы он знал, что я промахнусь, то сам стрелял бы в зверя и, наверное, убил бы его на бегу. Я ничего не понимал. Сам он крикнул, сам вспугнул животное с лежки, сам мне помешал и теперь еще в претензии.

На это старик мне сказал, что стрелять в спящего зверя нельзя. Его надо сперва разбудить криком и только тогда

можно пускать в ход оружие. Такой закон людям дал тигр, который сам, перед тем как напасть на свою добычу, издает оглушительный рев. Человек, нарушивший этот обычай, навсегда лишается успеха на охоте и даже может пострадать. Преследовать лося теперь было бесполезно. Поэтому мы решили вернуться назад, но только по другой стороне реки Тепты, где было чище и меньше зарослей. Там мы увидели свежие следы волка, повидимому испуганного моим выстрелом, потом нашли следы двух колонков. Они подрались, один из них полез на дерево, а другой побежал в сторону. Теперь мы шли без опаски, свободно разговаривая вслух. Вспоминая свою молодость, удэхеец рассказывал о том, что раньше, когда у них были фитильные ружья, нужда заставляла их особенно осторожно подкрадываться к зверю. Он помнил рассказы стариков о том, как один охотник подкрался к спящему лосю и положил на него тоненькую тальниковую стружку. Возвратившись на бивак, он сказал об этом своим товарищам. Тогда другой охотник надел лыжи и пошел по его следу. Он скоро нашел лося, тихонько подкрался к нему, снял стружку и принес в табор как доказательство, что он, действительно, снял ее с животного.

В этом рассказе много невероятного, но все же он иллюстрирует прежние времена, когда туземцы умели лучше выслеживать и окладывать, чем теперь.

Около полудня мы возвратились на бивак, где застали всех в сборе. Остальная часть дня прошла за различными мелкими работами. Вечером после ужина я пошел в юрту к удэхейцу и стал спрашивать его о том, как было раньше. Сначала разговор наш не клеился, но потом старик оживился и стал говорить с увлечением. Он говорил о прошлом, когда зверя было гораздо больше. Тогда люди понимали зверей, а теперь все животные стали пугливыми. В этот вечер он рассказал мне много любопытного. Один из эпизодов был особенно интересен. Речь шла о том, как один охотник приручил молодого лося. Он условился со своими сородичами, что приведет лося живым в селение, но с условием, чтобы они увели подальше собак и не выходили бы из юрт, пока он их сам не позовет. На другой день, захватив с собой достаточный запас юколы и охапку сухой травы, смоченной в растворе соли и высушенной на солнце, он пошел за зверем. В этот год зима была

глубокоснежная и загнать сохатого не представляло особых затруднений. Удэхеец очень скоро нашел след молодого лося и стал его преследовать и довел его до такого состояния, что обессиленное животное остановилось, ожидая смертельного удара копьём, но человек не тронул его. Отдохнув немного, сохатый поднялся и пошел дальше. Охотник последовал за ним и опять, когда утомленный зверь лег, человек расположился тоже на отдых. Такое совместное хождение по тайге продолжалось несколько суток, причем каждый раз человек устраивался на отдых все ближе и ближе к животному. В конце-концов лось понял, что охотник зла причинить ему не хочет, и стал к соседству человека относиться спокойнее. Тогда удэхеец начал подкармливать лося, время от времени бросая ему пучки соленой травы. Через несколько дней они уже менялись ролями. Раньше вставал лось и за ним шел человек, теперь первым поднимался человек и за ним следовал сохатый. Направление держал удэхеец и привел его к селению сородичей, но последние не выдержали. Узнав, что по опушке леса ходит человек с лосем, они выбежали к нему навстречу. Увидев приближающуюся толпу, лось испугался и убежал в лес.

Слушая старика, я невольно подумал о том, что, возможно, первобытные люди стояли к животным ближе, чем теперешние туземцы. Между ними и дикими зверями было больше общений и, быть может, и больше взаимного понимания, чем теперь. Охотники целыми днями наблюдали за животными, изучали их нравы и повадки, знали, как подойти к ним и как их приручить. Лошади, собаки, рогатый скот и все вообще домашние животные приручены первобытным человеком. Горожане ушли от природы и навсегда утратили общение с четвероногими, но иногда и среди них встречаются отдельные личности, у которых как атавизм сохранилась способность влияния на животных. Обычно это свойственно лучшим дрессировщикам.

После реки Тепты характер местности заметно изменился, начались столовообразные горы. Громадный лавовый покров, захвативший весь бассейн реки Хади с главным ее притоком Тутто, распространился и далее на юг. Вот почему по нижнему течению Копи мы видим пологие сопки с плоскими вершинами, слагающиеся из базальтов.

Километрах в тридцати от устья река делает большую излучину к северу. В северо-западный угол этой излучины впадает речка Никми, а немного ниже находится селение Улема. Здесь Хади ближе всего подходит к Копи. Их разделяет между собой небольшая гряда, через которую пролегает кратчайший путь на Императорскую гавань.

Арина Бизанка, жена Савушки Бизанка.

В селении Улема я застал ороча Савушку Бизанка, с которым мы плыли на лодках вдоль берега моря к реке Самарги. Он сообщил нам, что Иван Михайлович (Чочо) из того же рода Бизанка, обеспокоенный нашим отсутствием, ввиду надвигавшейся распутицы выслал его нам навстречу.

Савушка дошел до Улема и здесь решил дожидаться ледохода, а затем с четырьмя орочами на двух лодках идти нам на помощь.

Я поблагодарил Савушку за внимание и рассказал ему,

как мы шли, как охотились на тигров и что случилось с нами на реке Бяпали.

Селение Улема состояло из трех деревянных домиков, в которых проживало семь мужчин, шесть женщин и семь детей, всего двадцать человек. Туземцы с рек Хади и Тумнина считают себя настоящими орочами. Копинских жителей они тоже считают своими людьми, но говорят, что язык их немного другой, и потому называют их «орочами-копинка».

В этот день мы дальше не пошли и заночевали в селении Улема. Один раз я проснулся и видел орочей, сидевших у камина. Они что-то рассказывали друг другу и упоминали Омоко Мамага и какие-то каменные бревна. Я хотел было послушать эти рассказы, но сон против моей воли осилил меня. Убаюкиваемый их говором, я снова крепко уснул.

На другой день Савушка поднял нас задолго до рассвета. Он распорядился заменить наших усталых собак свежими. Не медля нисколько, мы уложили свои нарты и тронулись в путь.

Ночью был туманный мороз, мокрый снег занастился, все деревья заиндевели; сквозь мглу на небе чуть-чуть виднелись две-три крупных звезды.

К моменту восхода солнца мы отошли от селения Улема километров на двенадцать.

Еще 15 марта, когда мы были в верховьях Иггу, в полдень на снегу при температуре $-1,5^{\circ}\text{C}$ я заметил странные живые существа, по внешнему виду очень похожие на пауков. Они двигались торопливо и каждый раз, когда я хотел поймать их, старались зарыться в снег. Второй раз я увидел эти странные создания около Бяпали. Термометр показывал $+3^{\circ}\text{C}$. Они были вялыми и двигались медленно. На пути от Улема к морю на рассвете я снова имел возможность наблюдать эти странные насекомые.

Пока было холодно, они довольно энергично копались в снегу, но как только взошло солнце и температура повысилась до $+5^{\circ}\text{C}$, они стали замирать и еле-еле двигали своими длинными паукообразными ногами. Савушка называл их «имаса кулигани» (имаса — снег, кулига — все наземные, ползающие живые существа: черви, гусеницы, насекомые, змеи и т. д.). Они всегда появляются весной и

даже при морозах, когда лужи промерзают насквозь. Иногда их бывает так много, что можно подумать, будто снег покрыт пылью.

Чем ближе к морю, тем больше исчезали широколиственные древесные породы. Первым отстал тополь, потом клен. Отстал также и кедр, зато преобладающими сделались аянская ель, белокорая пихта и даурская лиственница. Изредка попададся тис.

Ближе к морю лавовый покров вытянулся длинными плоскими языками и в таком виде застыл. В последовательном порядке по течению они имеют следующие названия: с правой стороны — Цзюгбу, около которой в Копи впадает небольшая речка Май, затем будет местность Тектоно и за ней сопки: Таленку, Даулкей, Сунтакуле и Гулика. С левой стороны после горы Юшангу гора Сололо Гуляци. Через нее тоже лежит путь на реку Хади.

Обнажение сопки Гулика представляет собой великолепный образчик столбчатого распада базальтов, причем столбы лежат горизонтально, как поленница дров. Я остановился и стал рассматривать отдельные глыбы лавы.

— Ни када моени (т. е. это каменные бревна), — сказал Савушка.

И опять на сцену выступил Кангей, который из целых бревен сложил много костров и хотел сжечь всю землю, но ему не позволили Омоко и Атынига. Сам он превратился в скалу, и костры его тоже окаменели.

За сопкой Гулика река Копи выходит на равнину Цзасуано и разбивается на несколько больших протоков. Характер береговых обрывов, далеко отодвинутых в сторону, и заболоченные острова между протоками свидетельствуют о том, что раньше здесь был морской залив и что маленькие речки Яна, Уликс и Копка самостоятельно впадали в море. В те времена устье реки Копи находилось около сопки Гулика.

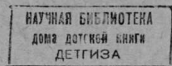
Мы рассчитывали дойти до моря к трем часам дня, но после полудня погода стала портиться. Небо покрылось тучами, и повалил крупный влажный снег. Затем поднялся ветер.

— Манга Суала бо (т. е. плохой ветер со стороны острова Сахалина), — говорил Савушка. — Надо торопиться! Опять будет скоро пурга! Скорей вперед идем!

Только к сумеркам мы услышали шум морского прибоя. Вот и лиственничная роща, вот и юрты орочей. Кто-то вышел нам навстречу. Я сразу узнал приземистую фигуру Карпушки.

— Сородэ, сородэ, — обменивались орочи приветствиями.

Вечером 10 апреля маршрут от Амура по Мыльному, Анюю, Дынми, Иггу и Копи был успешно нами закончен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Глава I. Амур в нижнем течении	19
Глава II. Вверх по Анюю	43
Глава III. Перевал	73
Глава IV. Смотритель маяка	93
Глава V. Орочи	109
Глава VI. Вдоль берега моря на лодках	115
Глава VII. По реке Самарги	167
Глава VIII. Тревога	181
Глава IX. Филин-рыболов	185
Глава X. Охота	189
Глава XI. Снежная буря	194
Глава XII. По горным речкам	197
Глава XIII. Обратный перевал через Сихотэ-Алинь	208
Глава XIV. Опять к морю	227

Редактор М. ТЮРИН
Технический редактор Г. ОСВАЛЬД
Корректор И. КУДАШЕВ
Переплет и титул худ. Б. ШВАРЦА

Сдано в производство 27/X 1936 г.
Подписано к печати 11/III 1937 г.
М. Г. 398. Инд. Ю-8. Форм. 82×110¹/₃₂.
17¹/₄ п. л. 14,58 уч. авт. л. Уполномо-
ченный Главлита Б-7297. Заказ тип.
2695. Тираж 15 000

17-я ф-ка нац. книги Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая набережная, 10.

Цена 5 руб.
Переплет 1 р. 25 коп.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
32	7 сверху	преметы	предметы
47	8 " "	о других	от других
112	4 " "	туманинских	тумнинских
115	8 снизу	то он	что он
131	5 сверху	боспомощно	беспомощно
138	4 снизу	правилно	правильно
166 } 192 } 194 }	в разных строках	Дюлльюнга	Дилюнга
		Дюлинга	
		Делюнга	
174	5 снизу	стаяла	стояла
231	6 сверху	пераллельный	параллельный